УЕДИНЕННОЕ
БОГОМЫСЛІЕ,

или

НАСТАВЛЕНІЯ
ХРІСТІАНСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ,

воскриляющія

ДУШУ

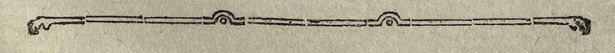
КЪ

СЕЛЕНІЯМЪ НЕБЕСНЫМЪ.

Часть III.

Съ одобренія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1799.
Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія.

ПОКАЗАНІЕ НАСТАВЛЕНІЙ.

В СЕЙ ЧАСТИ СОДЕРЖАЩИХСЯ.

ПОКАЗАНІЕ

Уединенное Богомыслїе,

или

Наставленїя

Хрїстїанской премудрости.

Наставленїе I

О

Вредныхъ слѣдствїяхъ соблазна.

Какое бы мы ни имѣли понятїе о соблазнѣ, никогда не можемъ живо себѣ представить всего ужаса, съ нимъ тѣсно соединеннаго. Сей гнусный грѣхъ противенъ Богу, ибо онъ помрачаетъ Его славу; противенъ Хрїсту, ибо уничижаетъ дѣянїя Его; противенъ церкви, ибо служитъ въ безславїе для оной; противенъ душамъ благочестивымъ, ибо причиняетъ имъ погибель. Ты реклъ еси, покланяемый Спасителю, и пророчество твое исполняется

няется на всякъ день: *горе мїру отъ соблазновъ* (*). По чему? Всякой соблазнъ противенъ Богу, ибо помрачаетъ славу Его.

Неоспоримо, что всякой грѣхъ тѣсно соединенъ съ соблазномъ, но нѣтъ грѣха превыше соблазна: ибо сей порокъ, не говоря о томъ что раждаетъ тысячу другихъ, одинъ самъ по себѣ явно и нагло, такъ сказать, возстаетъ противу Бога. Другїе грѣхи остаются какъ бы погребенными во тмѣ, ихъ порождающей: но соблазнъ, выставляя личину свою на высотѣ, отваживается всѣмъ показать себя открыто. Въ другихъ грѣхахъ, кажется, наблюдаютъ еще нѣкоторую умѣренность и не хотятъ выйти совсѣмъ изъ границъ крайности; по сему имѣютъ нѣкоторое уваженїе къ верховному Божїю величеству, нѣкоторой страхъ къ Его правосудїю; по сему многїе грѣшники смущаются, трепещутъ, стыдятся: вмѣсто сего соблазнъ всѣ законы попираетъ ногами, и кажется, погашаетъ всѣ чувствованїя, вдыхаемыя вѣрою, разумомъ и цѣломудрїемъ. Онъ нагло ополчается противъ Всесильнаго; такимъ образомъ раз-

(*) Мат. XVIII. 7.

разрушаетъ любезнѣйшія *выгоды* Божія, *выгоды* Его славы, разрушаетъ съ поношеніемъ великаго имени Пресвятаго. Апостолъ горько оплакиваетъ сіе явное развращеніе: *имя Божіе вами*, соблазнители, *хулится во языцѣхъ* (*); ибо и язычники того не творятъ, что вы творите. Соблазнъ противенъ святости Божіей, ибо раждается отъ развратнаго неистовства; противенъ милосердію Божію, ибо утверждается на неисправимомъ ожесточеніи; противенъ Промыслу, ибо погрязши во глубину золъ, о всемъ сумнѣвается, ничему не вѣритъ, все отвергаетъ. Грѣшникъ доколѣ еще боится и скрывается, — понимаетъ, что онъ имѣетъ надъ собою начальника и судію; пусть страхъ сей бываетъ не рѣдко принужденной, но онъ всегда предполагаетъ чувствительность, близкую ко исправленію. Когда люди узнаютъ о нашемъ проступкѣ; стыдъ появляется на лицѣ нашемъ; пусть такое сознаніе въ ошибкѣ бываетъ въ насъ часто не отъ сердечнаго расположенія, однако оно предъ Богомъ всегда составляетъ пріятную жертву раскаянія и умилостивленія. Но

(*) Рим. II. 24.

страхъ и стыдъ сей не погашены ли нами? Я вижу, грѣшникъ дерзновенный, — соблазнитель ходитъ повсюду величаво и гордо; онъ, кажется, торжествуетъ во грѣхахъ своихъ, и развращенїе ближнихъ своимъ примѣромъ вмѣняетъ себѣ во славу. Такїе поступки не означаютъ ли присоединенїя къ дерзости презрѣнїя? Боже мой! какое беззаконїе въ человѣкѣ, и какое помраченїе твоей славы! Возможно ли, чтобъ Христїане, долженствующїе другъ друга поощрять къ служенїю Твоему, взаимно споспѣшествовали къ общей погибели, и обнимали бъ, такъ сказать, одинъ другаго для повержения въ пропасть вѣчнаго нещастїя?

Горе мїру отъ соблазнъ. По чему? Грѣхъ сей противенъ Христу; ибо онъ, елико мощно уничижаетъ дѣянїя Его. Іисусъ Христосъ пришелъ на землю, дабы возставить царство Божїе, узаконить поклоненїе имени Его, вперить страхъ и любовь къ Богу, заставить любить добродѣтель, предосудить и низложить владычествующїе пороки; вотъ конецъ Его посольства и цѣль Его подвиговъ! Но соблазнъ разстроилъ чинъ дѣянїй Его, воспрепятствовалъ ихъ успѣху, опро-

вергъ

вергЪ священное строенїе, увеличивЪ порокЪ и унизивЪ добродѣтель. ТакимЪ образомЪ, поклоняемый Спасителю! хотя Ты и сошелЪ на землю изЪ человѣколюбїя, имѣлЪ между нами жизнь прискорбную, окончалЪ животЪ свой на крестѣ, излилЪ, вися на древѣ, кровь свою до послѣднїя капли, излилЪ сЪ тѣмЪ, дабы усовершенствовать, оправдать и спасти созданїе рукЪ своихЪ, — погибающаго грѣшника: но соблазнЪ, разрушитель ТвоихЪ намѣренїй, пресѣкЪ цѣль Твоего благоутробїя. Сей грѣхЪ, сколько возможно напряженїями своими уничтожилЪ тайну креста Твоего, заслуги страданїй ТвоихЪ сдѣлалЪ безплодными, исхитилЪ изЪ рукЪ ТвоихЪ, или лучше изЪ самаго Твоего нѣдра души, столь дорого для Тебя стоющїя, души, за которыя Ты излилЪ кровь свою. Праведно убо АпостолЪ не устрашился сказать, что соблазнители суть какЪ бы антихрїсты на земли: *и нынѣ антихрїсти мнози* (*). Подлинно, ежели антихрїстЪ долженЪ быть нѣкогда великимЪ развратникомЪ, поелику онЪ всюду посѣетЪ соблазнЪ, мятежЪ и разрушенїе: то и предЪ-

(*) I Iоан. II. 18.

уготовляющїе ему путь, склоняющїе ближнихъ примѣромъ житїя своего ко всякому пороку, не суть ли яко антихрїсти, живущїе его дыханїемъ, обдержимые его духомъ, а слѣдственно во всемъ противные духу и чувствованїямъ Іисуса Хрїста?

Горе мїру отъ соблазнъ. По чему? Зане порокъ сей противенъ церкви, ибо служитъ въ поношенїе оной. Грѣшники, зараженные симъ порокомъ, что мы дѣлаемъ явно развратнымъ своимъ поведѣнїемъ? Мы причиняемъ соблазнъ чадамъ общїя нашея матери: *и на сына матере твоея полагалъ еси соблазнъ* (*). Будучи убо соблазномъ для дѣтей, какою болѣзнїю мы поражаемъ матерь? Какую рану даемъ сердцу ея? Своими соблазнами мы уничижаемъ власть, искажаемъ правила ученїя, ея служенїе дѣлаемъ безплоднымъ, во всѣхъ членахъ ея производимъ одно смущенїе и сокрушенїе. Ежели спросятъ: по чему сїе святое общество разрушено, жители его разсѣяны, важныя и открытыя мѣста покрыты мрачностїю, все наслѣдїе его разхищено, каменїя святилища разбросаны; можно сказать, что соблазнитель

(*) Псал. XLIX. 20.

тель помрачилъ блескъ его, пресѣкъ радованіе, потрясъ зданіемъ до основанія; словомъ, война, гораздо опаснѣйшая, нежели имѣлъ когда адъ съ церковію святою, есть развращеніе нравовъ, втекающее во всѣ состоянія отъ соблазнителей и прелестей соблазна. Вотъ мечъ обоюду острый, проходящій сердце общія нашея матери церкви съ причиненіемъ великія болѣзни, и на всякъ день вынуждающій ее вопіять жалобнымъ гласомъ о своей несносной горести. Церковь, находящаяся въ такомъ положеніи есть та неутѣшная мать, есть та плачущаяся Рахиль, которая горько нѣкогда стенала о смерти невинно избіенныхъ чадъ своихъ: *Рахиль плачущися чадъ своихъ, не хотяше утѣшитися, яко не суть* (*). Таковы суть соблазнители — неблагодарные дѣти къ нѣжной матери своей, чувствительно и непрестанно отъ нихъ огорчаемой, или лучше ядоносныя эхидны, гнѣздящіяся въ ея утробѣ для того только, чтобъ болѣзненно и безжалостно раздирать оную.

Горе міру отъ соблазновъ. По чему еще? Ибо соблазнъ душамъ благочестивымъ

(*) Мат. II. 18.

вымъ причиняетъ погибель. Какое нещастіе для причиняющихъ другимъ соблазнъ, развращая брата своего не чувствовать и его и собственныя погибели! Сказано во Евангеліи: *иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне ему есть: да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (*). Но развратники, не страшась сего угроженія, соблажняютъ ближняго иногда студными дѣлами, иногда вольнымъ обращеніемъ, иногда насмѣяніемъ надъ вѣрою, иногда явнымъ злохуленіемъ имени Божія и святѣйшихъ правилъ Евангельскаго закона. Многіе предстоятъ въ храмахъ господнихъ безъ благоговѣнія, собесѣдуютъ въ домѣхъ безъ благочестія, идутъ соблажняясь сами взоромъ и соблажняя другихъ неистовыми тѣлодвиженьми. При безчисленныхъ случаяхъ развратники, не уважая общимъ спасеніемъ, сколько благочестивыхъ душъ увлекаютъ изъ порока въ порокъ, или сколь многимъ препятствуютъ содѣвать доброе? Соблазнителю! конечно ты забылъ въ ожесточеніи своемъ всю строгость правосудія Божія. Въ день, егда открo-

(*) Матѳ. XVIII. 6.

кроются благая и злая дѣла человѣческая, азъ истребую отъ тебя кровь погибшаго; азъ отъ тебя потребую отчета за душу его: *крове его отъ тебя взыщу* (*), и ты будешь безотвѣтенъ. — Что еще ужаснѣе, рѣшительнѣе и строжѣе изрещи можно противу соблазна? однако не смотря на сіе соблазны находятся въ Хрістіанствѣ, каждый день пріумножаются и — содѣвающіе ихъ не раскаяваются. Чтожъ послѣдуетъ на конецъ, егда мѣра разврата чрезъ край прелїется? Гибель вѣчная!

Боже милосердый! Ты заповѣдалъ нѣкогда любезнымъ ученикамъ своимъ: пусть десная ваша рука для васъ нужна и любезна, пусть десное ваше око для васъ еще нужнѣе и драгоцѣннѣе; но естьли они васъ соблажняютъ, азъ вамъ глаголю, отсѣките руку, или изткните око, ибо лучше безъ руки или очесе внити на Небеса, нежели ихъ имѣвши быть вверженными въ муку вѣчную. Сотвори, Всесильне! чтобы заповѣдь сія и для насъ была непреложна: ибо естьли мы по своимъ собственнымъ грѣхопаденіямъ при концѣ жизни съ болзнію испускаемъ духъ

(*) Іезек. XXXIII. 8.

свой : то какой будетъ страхъ нашъ, когда собратія, нами во времени погубленные, возстанутъ въ день судный на осужденіе наше? Какое будетъ осужденіе наше, когда развращенные нами рекутъ намъ: „мы бы спаслись, „но теперь по причинѣ вашего соблаз„на погибаемъ; вы виновники нашего „злощастія : да отяготѣетъ убо намъ „уготованная казнь на главѣ вашей.„ По сихъ словахъ не водворится ли въ сердцахъ нашихъ мучительное отчаяніе, и не пребудетъ ли въ нихъ вѣчно? Боже, спаси насъ отъ такого нещастія! спаси, — впадшихъ въ соблазнъ, поощряя горько оплакивать грѣхъ свой; а тѣхъ, кои еще приближаются къ соблазну, заставь спѣшною ногою отъ зла сего, яко отъ змія удаляться. Вѣруемъ, Господи! яко ты вся можеши, и не возможно тебѣ ничтоже.

НАСТАВЛЕНІЕ II

О

Знакахъ и причинахъ душевныя во благочестіи хладности.

Хладность, говоритъ нѣкоторой учитель церковный, есть замашерѣлая

лая слабость при служенїи Богу, есть тягость, препятствующая заниматься дѣлами Божїими, есть разслабленїе въ правилахъ дѣятельнаго благочестїя, есть усыпленїе души, погрязшей въ крайнемъ нерадѣнїи и потерявшей добрыя чувствованїя.

Однако, чтобъ не произвесть во многихъ душахъ безотраднаго смущенїя и безпокойства; надобно предположить, что когда говорятъ о хладности, говорятъ не яко о порокѣ, скоро преходящемъ и непримѣтномъ, но какъ бы о чувствительномъ навыкѣ и о расположенїи почти для всѣхъ очень обыкновенномъ, которые примѣчая очень легко искоренить можно.

Правда, хладность, или опущенїе бываетъ иногда для насъ родомъ искушенїя, въ которое повергаетъ Богъ душу для большаго освященїя. Впрочемъ въ сїе состоянїе невѣрности всѣ впадаютъ болѣе или по своей ошибкѣ, или по нерадѣнїю.

Наконецъ хладность сїю не должно почитать за грѣхъ, но за поводъ ко грѣху, часто многихъ въ самомъ дѣлѣ ко злу сопровождающїй, да еще ко злу смертному. Судя по сей опасности весьма нужно для насъ примѣчать *знаки*, по которымъ заключить

можно,

можно, что мы страждемъ, или лучше сказать, живемъ въ сей хладности. Вотъ изъ нихъ главнѣйшїе!

Первый знакъ ослабленїя и хладности состоитъ въ томъ, естьли мы имѣя слабое желанїе преуспѣвать въ духовномъ совершенствѣ, при семъ очень мало думаемъ о своемъ нерадѣнїи и невѣрности; такое положенїе означаетъ, что усердїе ко благочестїю въ душѣ нашей совсѣмъ остыло. По сему нѣтъ сомнѣнїя, что чѣмъ болѣе мы закоснѣваемъ въ семъ положенїи, тѣмъ не совершеннѣе бываемъ предъ очами Божїими, не оказывая нималѣйшаго успѣха въ дѣлахъ правды и святости. Кто имѣетъ малое желанїе къ содѣланїю добра, въ томъ слабы побужденїя къ снисканїю онаго; а въ комъ слабы побужденїя, тотъ къ добру, снискиваемому тщательнымъ трудомъ и особенными подвигами, никогда не достигнетъ.

Вторый знакъ хладности есть великое нерадѣнїе, побѣждать самого себя, предпринимать рѣшительно весьма нужную войну противу чувствъ, худыхъ наклонностей и всѣхъ козней, касающихся до внутреннїя жизни. Сей образъ жизни есть очевидное доказатель-

тельство, что хладное сердце прежде сраженія уже побѣждено. Боящійся сраженія какъ можетъ воинствовать? Безъ ратованія не льзя ожидать побѣды. Однако, не смотря на сіе упущеніе, сколь часто мы сражаемся не съ своими пороками, со дня на день пріумножающимися, но съ Благодатію, непрестанно призывающею насъ къ торжеству надъ тѣлесными и душевными слабостями? Сражаемся непрестанно, и что къ стыду всегда остаемся побѣжденными; сего ниже видимъ, ниже о семъ сожалѣемъ.

Третій знакъ хладности состоитъ въ томъ, что мы къ содѣланію добра не имѣемъ твердой рѣшимости, или исполняя оное мало бываемъ постоянны. Душа, вскорѣ останавливающаяся на пути благочестія, конечно никогда не имѣла намѣренія стремиться далѣе. Огнь скоро погасшій былъ очень мало возженъ. Человѣкъ естественно непостояненъ; сіе неоспоримо: но вдругъ, — безъ всякаго поддержанія, — и весьма часто ослабѣвать: что изъ сего заключить можно? Не иное, какъ внутренняя слабость переродилась уже въ человѣкѣ въ жалкій и неисправимый навыкъ.

Четвертый знакЪ хладности означаетЪ сїе, естьли человѣкЪ часто озирается назадЪ, какЪ бы странникЪ, отЪ долговременнаго путешествїя уставшїй и изнуренный, устремляетЪ взорЪ свой впередЪ и дѣлается какЪ бы изступленнымЪ, вообразивЪ о томЪ, сколько еще ему итти остается. Такой ходокЪ долго путешествовать не можетЪ. Слабость, притупляющая его рвенїе и легкїй путь представляющая очень труднымЪ, на не многомЪ теченїи останавливаетЪ шаги его. При семЪ очень часто отдыхая можно ли достигнуть желаемыя цѣли, которая подлинно далека отЪ ослабѣвшаго, и еще отдаленнѣе представляется по воображенїю? *Тако тецыте да постигнете* (*)!

Пятый знакЪ хладности состоитЪ вЪ наружномЪ развлеченїи забавами, пустыми удовольствїями, занятїями безполезными. Сїе разсѣянїе чувствЪ, сїе растерянїе души доказываютЪ, что человѣкЪ мало разсудителенЪ; слѣдственно основанїе добрыя жизни мало дѣйствуетЪ на его внутренность. Изключая грѣхЪ, нѣтЪ ничего опаснѣе для души, какЪ сїе развлеченїе, раз-

(*) I Кор. IX. 24.

развлеченіе, вынуждающее оную, непрестанно выходить изъ себя, — теряться въ пустотѣ безъ всякой надежды къ собранію силъ своихъ для того, чтобъ *притти* въ здравое чувство. Вотъ явные знаки и вотъ отличительныя черты хладности! Всякой изъ нихъ долженъ приводить насъ въ содроганіе. Естьли они въ комъ сверхъ чаянія всѣ соединятся вмѣстѣ, то какъ бы душа наша себя не льстила; она уже находится въ состояніи бѣдственномъ. И такое положеніе тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе зараженные имъ не видятъ вреда своего; слѣдственно пребывая хладными, всегда оставаться таковыми не токмо не ужасаются, а какъ бы еще гордятся. Какихъ за симъ надлежитъ ожидать бѣдствій; сіе увидимъ послѣ, а теперь скажемъ: естьли очень потребно для насъ вѣдать знаки хладности, чтобъ увѣриться, не заражены ли и мы оною; то также необходимо нужно знать *причины*, отъ коихъ она проистекаетъ; нужно знать сіе для нашего исправленія и для того, чтобъ пресѣчь зло въ самомъ его началопроисхожденіи.

Первая причина хладности есть наша нечувствительность, крайнее само-

самолюбїе и уклоненїе отъ всего, что противно нашимъ наклонностямъ и прихотямъ. Сїя обременительная слабость, сїя причина злощастїя, непрестанно въ насъ царствующая, всегда склоняетъ насъ къ большимъ порокамъ, склоняетъ непримѣтно, мало по малу. Человѣкъ, тако о себѣ нерадящїй, непрестанно стремится къ развратности и нечувствительно доходитъ до великаго опущенїя дѣлъ благочестивыхъ, естьли не поддержитъ себя высокими размышленїями, убѣждающими насъ къ особенной нашей пользѣ, сражаться съ собою и возвышаться надъ собою.

Вторая причина хладности состоитъ въ нерѣшимости, посвятить себя Богу и въ ненадѣянїи обрѣсти Благодать его. Идутъ многїе и останавливаются. Начинаютъ путешествїе и боятся итти далѣе. Въ такомъ положенїи подлинно, душа наша принадлежитъ ни Богу, ни мїру, а представляется зыблющеюся въ себѣ самой и склоняющеюся то на ту, то на другую сторону. Какое развлеченїе мыслей! какая неосновательность чувствїй! Естьли бы единожды на всегда рѣшились мы посвятить себя Богу: то какую бы примѣтили въ себѣ бодрость,

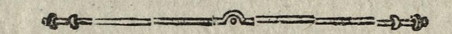
рость, какую свободу, какое спокойствіе! Отъ недостатка сей благородной рѣшимости мы едва переступаемъ, устаемъ и проводимъ жизнь свою въ летаргической болѣзни, или яснѣе въ непробуждаемой сонливости, всѣ чувства наши дѣлающей ни къ чему неспособными.

Третія причина есть обыкновенное неуваженіе наше малыхъ вещей. Сей духъ вольности и независимости едва нами овладѣетъ: то мы ежедневныя дѣла благочестія считаемъ уже за ничто, не смотря на сіе, что Богъ отъ души, желающей съ Нимъ тѣсно соединиться, того непрестанно требуетъ. Господь въ себѣ вѣренъ; Онъ съ своей стороны обѣщался подавать намъ всѣ пособія къ нашему подкрѣпленію въ немощахъ, и подаетъ; по сему намъ уже остается съ своей стороны оказывать вѣрность во всѣхъ частяхъ закона и во всѣхъ дѣлахъ благочестія, хотя не такъ важными намъ представляющихся. А чтобъ болѣе сего намъ придержаться, представимъ, что предъ Богомъ все велико и все многаго стоитъ, что ни творитъ душа, особеннымъ Промысломъ и Благодатію Его управляемая.

Четвертая причина хладности суть глупыя наши умствованія и самопроизвольное невѣріе. Ничто насъ такъ не разслабляетъ и не препинаетъ на пути Господнемъ, какъ сіе необузданное упорство. Чтобъ мы впадали въ ошибки маловажныя и непредвидѣнныя, сіе не удивительно, ибо мы человѣки. Слабость естественная, а не самопроизвольная, есть плодъ нашей горькой смертности. Но когда мы часто и намѣренно ошибаемся, ошибаемся завѣдомо, не смотря на свидѣтельство совѣсти; сіе не простительно. Упадать при свѣтѣ по тому единственно, что сіе намъ нравиться, а Богу противно; такая дерзость пронзаетъ утробу Сердцевѣдца, удаляетъ Благодать Его, и такъ ослабляетъ душу, что она оледѣнѣвши отъ хладности, вынуждаетъ самого Создателя, такъ сказать, охладѣть къ оной. Что болѣе можно сказать о такомъ жалкомъ положеніи?

Сколько есть еще другихъ причинъ хладности? Сколько враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ возстаетъ непрестанно противу благодати, оживляющей въ насъ огнь благочестія? Со дня на день у насъ новыя раждаются пожеланія, новыя прихоти, развлекаю-

кающія душу. И всегда ли такъ будетъ, всегда ли мы будемъ подобны человѣку спящему, при свѣтѣ для того на мало открывающему глаза свои, чтобъ послѣ долѣе и крѣпче опять во снѣ погрузиться? Время уже и возстать намъ изъ гроба такой хладности, хладности толико Богу противной, толико для души вредной, толико для Благодати постыдной, толико удобной удалить насъ отъ оправданія и легко могущей приближить къ безднѣ величайшихъ злоключеній. Чтожъ медлимъ? Или думаемъ тогда проснуться и ревновать о благочестіи, когда услышимъ гласъ: *понеже ни теплъ, ни студенъ*; сего ради *изблевати тя отъ устъ моихъ имамъ* (*). Сіе помышленіе самой хладности гибельнѣе и ужаснѣе. Чтожъ медлимъ?

НАСТАВЛЕНІЕ III.

О

Вредныхъ хладности слѣдствіяхъ.

Чтобъ имѣть справедливое понятіе о холодности и вредныя слѣдствія оныя представить чувствительнѣе; для сего мнѣ всегда надлежитъ почи-

 тать

(*) Апок. III. 16.

тать ее за болѣзнь опасную: ибо какъ слабость означаетъ болѣзнь тѣла, такъ хладность означаетъ болѣзнь души. Чего не бываетъ въ болѣзни, и какія жалкія слѣдствія не встрѣчаются при различномъ положеніи больнаго? Онъ безпокоится, смущается; все его огорчаетъ, и онъ ни чѣмъ не бываетъ доволенъ. Въ такомъ горькомъ положеніи я хочу разсмотрѣть самого себя.

Слабость, неудовольствіе, отвращеніе, дряхлость, изнеможеніе, сопровождающее къ самой смерти: вотъ дѣйствія въ нещастныхъ душахъ хладностію столь часто, или лучше сказать непрестанно производимыя!

Дай Богъ, чтобы я позналъ всю силу, всѣ слѣдствія и всю опасность сей болѣзни. Ибо такое познаніе, одушевляемое и укрѣпляемое Твоею Благодатію, удобно можетъ возродить во мнѣ живый страхъ и спасительную въ разсужденіи хладности предосторожность.

Первое слѣдствіе хладности есть слабость. Отъ слабости проистекаетъ болѣзнь тѣлесная и душевная. Дошедши до такого положенія человѣкъ упадаетъ, и — не можно поддержать его; собираетъ силы, чтобъ на нѣсколь-

сколько оправиться, но слабость преодолѣваетъ; за симъ паденіе бываетъ гораздо разительнѣе, и упадшій ни къ чему уже не бываетъ способенъ. Въ минуты ревностнаго усердія все ничего не стоитъ, все взвѣшено, все легко и пріятно при служеніи Богу; самая невозможность кажется удобствомъ, непреоборимость одолѣніемъ. Но тѣ минуты утекли уже; мрачное облако застѣнило свѣтъ ихъ. Горячность охладѣла, — ревность ослабла, — мало по малу усилилась хладность. Какое нерадѣніе въ разсужденіи обязанностей вѣры внѣдряется въ ослабѣвшее сердцѣ! Опущеніе въ дѣлахъ благочестія какую причиняетъ болѣзненную рану для душъ благочестивыхъ! Самопроизвольныхъ безвѣровъ постигаетъ всякое злощастіе. Пораженное сердце не имѣетъ бодрости. И какъ прежде дѣла великія, жертвоприношенія важныя были для него плодомъ живой святости; такъ нынѣ подвиги легкіе и удобные для него кажутся очень страшными.

Не въ такомъ ли и я живу положеніи? Боже мой! мнѣ не льзя предъ тобою лицемѣрить. Какъ слабо и какъ нерадиво работаетъ Тебѣ сердце мое! Когда мнѣ должно послужить Тебѣ,

 какое

какое чувствую изнеможенїе, какой упадокъ духа, какую робость на сердцѣ! Всѣ силы мои мнѣ измѣняютъ. Да отъ чего сїе происходитъ? Отъ оскуденїя Благодати, которая, доколѣ я былъ вѣренъ, много меня ободряла, — подкрѣпляла. Нещастный! кто мнѣ возвратитъ прошедшїе дни мои, дни, въ которые я близокъ былъ къ Богу и Богъ ко мнѣ? Свѣтъ Благодати померкъ уже къ очесѣхъ моихъ. *Кто мя устроитъ*, скажу съ Іовомъ, *по прежнимъ мѣсяцамъ, въ нихъ же мя Богъ храняше* (*).

Вторымъ слѣдствїемъ хладности бываетъ неудовольствїе и отвращенїе. Вотъ болѣзнь души, со дня на день прїумножающаяся: ибо въ семъ положенїи непримѣтно далѣе начинаютъ удаляться отъ Бога, меньшую чувствуютъ любовь къ благочестїю, и въ разсужденїи Благодати дѣлаются нечувствительными. Прежде плѣняются, стремятся къ дѣламъ Божїимъ; находятъ въ нихъ неописанную радость и утѣшенїе: но послѣ мало по малу отвращаются, скучаютъ, и ни чѣмъ не бываютъ довольны. Сїе можно видѣть на Израильскомъ народѣ, оби-

(*) Іов. XXIX. 1.

обитавшемъ въ пустынѣ. Пищею для него была небесная манна. Онъ въ ней находилъ всѣ сладости къ удовольствїю своего вкуса; и сїе продолжалось дотолѣ, пока Израиль, бывъ вѣренъ Богу, усердно исполнялъ заповѣди Господни. Но какъ скоро поколебался въ своей вѣрности и горячности служенїя; манна сдѣлалась для него непрїятною. Возьми, возьми, возопїяли они, сїю невкусную и отвратительную для насъ пищу! Душа наша ее не прїемлетъ; *душа наша негодуетъ о хлѣбѣ семъ тщемъ* (*). Жалкое изображенїе души охладѣвшїя! все ей непрїятно, все отвратительно, все не сносно. Совершаютъ молитву; она ей кажется очень длинною, тягостною; а по сему не знаютъ какъ ея и конца дождаться. Приносятъ покаянїе; но при самой расположительной рѣшимости тысячу встрѣчаютъ препонъ, сїе спасительное таинство совершить съ пользою. Приступаютъ къ прочимъ дѣламъ благочестїя, но приступаютъ очень рѣдко; приступаютъ, будучи принуждаемы на сїе общимъ обыкновенїемъ, а не чистою горячностїю сердца; приступаютъ безъ всякаго

(*) Числ. XXI. 5.

каго вниманія и уваженія; а такимъ образомъ удалившись отъ святыни, въ разсужденіи всѣхъ ея узаконеній и таинствъ священныхъ, вѣщаютъ то же, что древній сказалъ Израиль: *душа наша негодуетъ.*

Такіе поступки не встрѣчались ли со мною? Такимъ отвращеніемъ отъ благочестія не зараженъ ли уже я съ самаго дѣтства по сіе время? Признаться, ничто меня не воспламеняетъ при служеніи Богу; все для меня не пріятно, все тягостно; вездѣ я вижу неудовольствіе, вездѣ скуку. Нѣтъ во мнѣ приверженности къ благочестію, нѣтъ любви къ добродѣтели, нѣтъ желанія къ совершенству душевному. Опасное отвращеніе! горькая участь для немоществующаго! Какимъ окомъ всякой смотритъ на такое упущеніе? какъ его называютъ? Смертоносная нечувствительность! Чего мы отъ тебя впредь должны надѣяться? Пагубныхъ слѣдствій. — Боже мой! сотвори паки мнѣ пріятнымъ служеніе свое, а все прочее, служащее къ осужденію моему, отвратительнымъ и горькимъ.

Третіе слѣдствіе холодности состоитъ въ усыпленіи и дряхлости. Сіи дѣйствія встрѣчаются съ боль-

ными.

ными. Человѣкъ, какъ скоро погрузится въ слабость и нерадѣніе, вдругъ дѣлается усыпленнымъ, нечувствительнымъ, и душа, какъ скоро впадетъ въ хладность, бываетъ мертва, бездѣйственна. Не заразившись сею болѣзнію, спасительныя грызенія совѣсти мы чувствуемъ безъ огорченія; внутренній гласъ, призывающій на путь спасенія, слышимъ вниманіемъ отверстымъ; мудрыя наставленія трогаютъ наше сердце, назидательные примѣры производятъ живое впечатлѣніе: но — въ противномъ положеніи лучъ Благодати не проходитъ до души нашей. — Грудь бываетъ сжата, сердце окаменѣнно; ничто его не трогаетъ, ничто не поражаетъ. Крайнее злощастіе впадать человѣку въ погибель, и при семъ ниже чувствовать, ниже видѣть оную!

Сколько разъ мы доходили до такого положенія? Сколько разъ погружались въ духовное усыпленіе? Не льзя исчислить проступки нашей дряхлости. Вся жизнь предавшагося лѣностному разслабленію не иное что есть, какъ непрерывное теченіе опущеній, неисправленія, упорства. Жалкій жребій хладнокровнаго! Онъ желалъ бы иногда оживиться, но не можетъ,

жетъ, ибо дряхлость ослабила всѣ силы. По сему-то бываемъ мы во святилищѣ и ничего привлекательнаго не находимъ. О! естьли бы каждой узрѣлъ нынѣ зеркало, вѣрно представляющее наша внутренняя и сокровенная; сколько бы тамъ открылось неизвинительныхъ преступленій? Въ умѣ своемъ сколько бъ мы увидѣли мыслей безполезныхъ, странныхъ, опасныхъ? Въ воображеніи сколько суеты, любопытства, вѣтрености? Въ сердцѣ сколько пристрастій, развлеченія, неосновательности? Въ чувствахъ сколько разсѣянія, стыдъ наводящихъ прихотей, скотоподобія? Въ дѣйствіяхъ, — во всемъ поведѣніи сколько побужденій человѣческихъ, сколько выгодъ самолюбія? Нещастный!

Сіе зеркало въ сію минуту представляется предъ моими глазами; я въ немъ вижу свою душу, и по описаннымъ признакамъ не могу точно познать ее. До какой дошелъ я крайности? Случалось мнѣ впадать въ проступки, и я ими не трогался; случалось употребить во зло сокровище Благодати, и о семъ не сокрушался; видѣлъ я бѣдственное свое состояніе, и не хотѣлъ исправиться. Ничто меня не извлекало и не извлекаетъ изъ

моего

моего состоянія; все оставляетъ немощнаго въ усыпленіи и дряхлости, или лучше онъ все оставляетъ. Какихъ должно наконецъ ожидать за симъ слѣдствій, естьли не рѣшусь я предупредить ихъ исправленіемъ?

Четвертое слѣдствіе хладности есть сопровожденіе къ смерти. Зло всегда пріумножается и скоро чрезъ край преліется. Больному послѣ крайняго изнеможенія ничего ожидать не остается, кромѣ конца жизни: и душѣ, отъ хладности пришедшей въ дряхлость, нѣчего ожидать, кромѣ смерти осужденія вѣчнаго. Сей жребій тѣмъ жалостнѣе, чѣмъ болѣе погибшіе не сомнѣваются, что они падая и не возставая могутъ быть щастливы. Отъ чего въ смертныхъ такое заблужденіе? Оледѣнѣвшее сердце пренебрегаетъ содѣйствіемъ Благодати, и такъ вспоможеніе ее дѣлается безплоднымъ. Грѣшникъ въ злобѣ упорствуетъ, и Богъ отъ него отвращается.

О душа моя, душа невѣрная! Се Богъ твой скрывается отъ очей твоихъ въ мрачномъ облакѣ; скрывается, — но изъ среди онаго, внемли, какимъ поражаетъ тебя клятвеннымъ глаголомъ: *о дабы студенъ былъ еси или теплъ!*

теплъ! Можно ли безъ трепета разсуждать о словесахъ сихъ? Самъ Духъ Святый произнесъ ихъ: можемъ ли мы не вникать въ глубину ихъ? *О дабы студенъ былъ еси или теплъ: но понеже ни студенъ еси ни теплъ, изблевати тя отъ устъ моихъ имамъ* (*). Тако ты глаголешь, Господи, и что значитъ сей гласъ Твой? Довольно бы человѣку единаго состоянія хладности; но онъ впадши въ болѣзнь сію дряхлѣетъ, не хощетъ ободрить усыпленный духъ свой. Сего ради *изблевати его отъ устъ моихъ имамъ*. Плачевная участь! Грѣхъ и смерть бываютъ иногда лучше для насъ, нежели хладность: ибо грѣхъ насъ трогаетъ, смерть поражаетъ; на нихъ взирая мы воображаемъ не рѣдко о безднѣ, разверзающейся подъ ногами нашими, о гробѣ и адѣ, вѣчно поглотить насъ готовящихся; воображаемъ, и исправляемся; исправляемся подобно раскаевающимся праведникамъ, воздыхая яко Давидъ, плача яко Магдалина. Но въ хладности пребывая спокойными, не помышляемъ о оправданіи. Въ семъ положеніи приступаютъ многіе къ таинствамъ безъ уваженія, къ престолу Слова-плоти безъ содроганія,

(*) Апок. III. 15.

нія, ко вратамъ вѣчности безъ опасенія.

Сердцевѣдче! Когда мы взойдемъ въ себя самихъ? Когда мы полными очами; а не полуотверстыми узримъ истинное свое благо? Всегда ли мы будемъ жить въ томъ состояніи, въ которомъ умереть страшимся? Не время ли намъ истребить развлеченіе духа, не время ли учинить спасительный судъ о своей совѣсти? Ты самъ скорбишь о хладности нашей: то намъ какъ возможно быть въ разсужденіи сей болѣзни нечувствительными? Вся кости наша вѣщаютъ къ Тебѣ: готово сердце наше, возгорѣся въ немъ огнь ко благочестію; взыщи рабъ твоихъ!

НАСТАВЛЕНІЕ IV.

О

Ежедневныхъ проступкахъ.

Ежедневные наши проступки не должны уничижать нашу бодрость и вѣру, а должны паче одушевлять ихъ.

Благочестивые люди не безгрѣшны. Они могутъ впадать въ проступки. Самый праведникъ седьмижды на день

день падаетъ. Пусть грѣхи его не суть укоренѣлые, ибо иначе престалъ бы онъ быть праведникомъ: однако всѣмъ свойственны проступки иногда непредвидѣнные, а иногда намѣренные; проступки свободы, а иногда слабости человѣческой. Мы о семъ рѣдко разсуждаемъ; и такъ поразмыслимъ нынѣ.

Опытъ доказываетъ, что мы часто падаемъ во многїе проступки; падаемъ, иногда безпокоясь паче мѣры о нужномъ, иногда изъ малости предаваясь нетерпѣнїю, иногда за явною гоняясь суетою и ничтожествомъ, иногда послѣдуя страннымъ умоначертанїямъ своихъ выдумокъ и предаваясь безполезному разсѣянїю духа, иногда другимъ насмѣхаясь, а иногда себя дѣлая посмѣшищемъ, — словомъ, падаемъ противяся Благодати, противяся многоразлично.

Взирая на сїи проступки и имъ подобные, не льзя не воздохнуть и пробыть безъ трепета: однако, какъ я сказалъ, что при нихъ никакъ не должно предаваться отчаянному унынїю, ибо сїе означало бы одно зло прїумножать другимъ и одну рану растравлять другою: то спасительнѣе для насъ, чувствуя себя падшими въ оные, уничижаться предъ Богомъ, испо-

вѣды-

вѣдывать свою немощь, — свое ничтожество, и оплакивать ихъ слезою сердечною. Не удивительно, естьли однѣ бѣдствїя раждаютъ множество прочихъ; по сему естьли чьи проступки не такъ велики: не означаетъ ли сїе чистѣйшїй плодъ Божїя милосердїя и особенную помощь его Благодати?

Но не смотря на сїе, что въ насъ болѣе примѣтно? Смотря на свои проступки всѣ безпокоятся, унываютъ, упадаютъ духомъ, а слѣдственно не стараются о себѣ самихъ, теряютъ упованїе на Бога, отвращаются добродѣтели, представляютъ себя со дня на день хуже, думая, что никогда не можно исправиться въ своихъ несовершенствахъ и проступкахъ, предполагая, что никакъ не льзя достигнуть до желаемаго совершенства и исправленїя. Сїи и тысячу симъ подобныхъ умозаключенїй дѣлаетъ ослабшїй и малодушный преступникъ. А по сему онъ почти никогда не смѣетъ прибѣгнуть къ Богу, или прибѣгаетъ, но съ великимъ стыдомъ, безъ упованїя, трепеща и боясь, дабы, поелику онъ преступникъ, самъ Богъ отъ него навсегда не удалился. Такимъ образомъ смущаясь очень много о не такъ важныхъ проступкахъ,

упа-

упадаютъ въ тысячу другихъ, и притомъ несравненно большихъ; упадаютъ погубляя время въ тщетныхъ и предосудительныхъ о себѣ и о своихъ проступкахъ размышленїяхъ. Многїе умствуютъ: „произволенъ ли грѣхъ „ихъ. — Точно ли они сами его при„чиною.„ А такимъ образомъ чѣмъ болѣе умствуютъ, тѣмъ менѣе исправляются, изъ одного смущенїя ввергаясь въ другое, изъ одного несовершенства переходя въ большее. Безпокойство и печаль непрерывно обладаютъ опадшею душею; и — чѣмъ болѣе погружаютъ ее въ закоснѣлую нерѣшимость, тѣмъ болѣе, по причинѣ внутренней нечувствительности, ни къ чему дѣлаютъ ее неспособною.

Все сїе что означаетъ предъ Богомъ? Иногда чистое уничиженїе, раскаянїе искреннее, а чаще скрытую гордость, ядъ самолюбїя, хитрость вражїю. Означаетъ ли сїе цѣлительное лѣкарство, или новый ядъ, изливаемый на болѣзненную рану? Кто такъ поступаетъ, поступаетъ подобно пораженнымъ на сраженїи, которые каждую минуту разсматриваютъ свою рану, трогаютъ ее, а чрезъ то подновляютъ оную и умножаютъ болѣзнь ея. — Или подобно упадшему страннику,

нику; которой вмѣсто того, чтобы скорѣе встать, медлитъ, разсуждаетъ какъ могъ упасть, и что было причиною его паденія. Упадшіе! возстаньте, грядите и берегитесь, чтобъ нерѣшимость и смущеніе не подвергли васъ новому паденію, и паденію гораздо опаснѣйшему. Упадшіе, возстаньте!

Тожъ самое я повторяю каждой душѣ, впадшей въ какое нибудь преступленіе: возстань, смирися и шествуй путемъ исправленія, шествуй немедленно; симъ удобнѣе уврачуешь болѣзнь свою. Такъ всякому грѣшнику надлежитъ обращаться къ Богу; — и чрезъ радостное и уничиженное обращеніе всякъ съ Нимъ можетъ примириться удобнѣе, нежели чрезъ отчаянное уныніе. Ибо всякое уныніе сопряжено съ страшнымъ самолюбіемъ, а любви къ Богу нѣтъ въ немъ. Чистымъ смиреніемъ и упованіемъ на заслуги Избавителя твердымъ мы болѣе иногда можемъ прославить Бога, нежели не такъ важнымъ проступкомъ сколько Его прогнѣвляемъ: ибо многихъ нашихъ проступковъ причиною бываютъ слабость естественная, непредвидимость; а при искреннемъ обращеніи на путь истинный всякому надлежитъ имѣть рѣшимость намѣренную, обозримую.

Внемлемъ сему правилу и будемъ ему непреложно послѣдовать: коликократно бы мы ни упадали и сколько бы ни были велики наши преступленія, при семъ никакъ не должно предаваться отчаянной горести, ниже заниматься пустыми себя самихъ испытаньми; но въ тужъ самую минуту, когда пали, надлежитъ съ искренностію признаться въ содѣянномъ преступленіи; должно оплакать неисправленіе свое и слабость. Надобно вдругъ по согрѣшеніи обращаться къ Богу, и яко сыну ко отцу своему съ глубокимъ смиреніемъ такъ глаголати:

„Господи, Боже мой! я въ то впалъ, „во что душѣ слабой, во что человѣку грѣшнику не впасть было не „возможно. Да и что ты могъ ожидать отъ поврежденной плоти, развѣ „однѣхъ преступленій и преступленій „великихъ? Я паче и паче заблудилъ „бы безъ Твоей благости; но она меня поддерживаетъ, она меня не оставляетъ. Благодарю убо Твое всемогущество, удерживающее меня отъ „паденія въ горшіе проступки, а въ „тѣхъ, яже содѣялъ, прости и помилуй! Сжалившись сообщи созданію „своему новую крѣпость, чтобъ оно „паденіями своими не прогнѣвляло Те-

„бя болѣе, чтобъ ничто въ мірѣ отъ „Тебя оное не уклоняло. Тебя бо любить и Тебѣ служить созданіе твое „хощетъ во вѣки!„

Сіе содѣлавши не теряй болѣе времени на безпокойство, на страхъ, или уныніе; не теряй, дабы Богъ тебя не оставилъ, а съ миромъ, съ надеждою обратися на путь благочестія такъ, какъ бы ты съ него совсемъ не совращался. И пусть ты упалъ тысячу разъ (чего Боже сохрани); тысячу разъ обратися, и съ такимъ упованіемъ послѣ послѣдняго паденія обратися, какъ бы послѣ перваго. Предайся во объятія Божія съ клятвою, дабы никогда отъ Него впредь не удаляться. Такимъ образомъ, возымѣвъ о благости Божіей достойное величія оныя понятіе, ты много прославишь Господа; такимъ образомъ благодать Божію ты учинишь торжествующею, поставя ее выше всѣхъ своихъ бѣдствій; такимъ образомъ ядъ ты употребишь въ лѣкарство, обративъ его въ свою пользу; такимъ образомъ ты будешь, можетъ быть, выше по своемъ паденіи, нежели сколько унизился падши. Благость и долготерпѣніе безконечныя! сколь величественно и неизрѣченно жертвовать вамъ нашими

бѣдствіями съ тѣмъ, чтобъ послѣ болѣе чувствовать цѣну возстановленія!

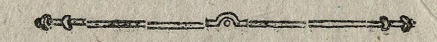
Однако изъ сего не надобно заключать, будто намъ совсемъ уже не должно избѣгать проступковъ, потому единственно, что въ нихъ, обратившись, можно получить прощеніе. Сіе означаетъ безбоязненную душу и самую гибельную крайность. Или мы позабыли, что всегда и всѣми силами должно избѣгать грѣха, чувствуя чрезъ то страхъ Божій и любя благочестіе? Думать, что рана можетъ быть исцѣльна; слѣдственно можно предаваться опасности? — что болѣзнь удобно прекратить; слѣдственно можно доводить себя до болѣзни? Сіе означаетъ крайнюю слѣпоту и великую неосновательность. Сіе предположивъ, всякой можетъ видѣть, какимъ образомъ при благодати Божіей проистекаетъ для насъ нѣкоторое оживленіе изъ убивающихъ насъ преступленій, и какимъ образомъ ежедневныя наши погрѣшности не токмо не должны умалять нашу бодрость и упованіе, а напротивъ одушевлять ревность и усердіе.

Какою убо обязаны мы благодарностію Богу за то, что онъ по неопи-

описанной мѣрѣ своего милосердія всегда прощаетъ намъ наши грѣхопаденія, и — лишъ только къ Нему обратимся, сколько бы Его ни раздражали, готовъ всегда принять насъ во свою любовь, какъ бы вновь, или теперь родившихся. Однако, чтобъ безъ сомнѣнія намъ быть прощенными и помилованнымъ; для сего сколь велики и многочисленны наши проступки, толикій намъ потребенъ духъ покаянія; потребна особенная рѣшимость, дабы будущимъ исправленіемъ замѣнить прошедшіе недостатки; потребна живая Вѣра, ибо безъ Вѣры мы опять можемъ впасть въ новыя преступленія, коихъ плоды ужасны и горчѣе первыхъ.

При семъ расположеніи гряди, раскаянная душа! и съ благословеніемъ продолжай путь благочестія. Уже все заглаждено предъ Богомъ. — Зданіе оправданія твоего на собственныхъ твоихъ развалинахъ возносится выше и выше; ограждай его предосторожностію. Да можно ли надѣяться, чтобы сознавшійся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, оплакавшій ихъ, не страшился впредь своея слабости, и не полагалъ всей своей надежды на единаго Бога? Щастливо паденіе, кто его чувствуетъ;

но отраднѣе исправленіе, когда его не нарушаютъ. Правда, всякое преступленіе само по себѣ мучительно и бѣдственно; но со стороны низходящей ему благодати многоплодно, спасительно. Въ прочемъ, не доводя себя до паденія, скажемъ, естьли кто проступился; для того средствомъ оправданія никакъ не могутъ быть безнадежность и ослабленіе, а кольми паче униніе и отчаяніе. Воздыханіемъ теплымъ, чистымъ раскаяніемъ заглаждаются наши проступки; кромѣ сего отъ проступившихся Богъ ничего не требуетъ, и человѣкъ ничѣмъ не можетъ удовлетворить разгнѣванное правосудіе, развѣ однимъ покаяніемъ. Все прочее не токмо не изглаждаетъ грѣхи наши, а паче возвышаетъ и умножаетъ: ибо медленность и сомнѣніе отъемлютъ ревность ко обращенію на исправленіе, а униніе и отчаяніе надежду оставленія грѣховъ.

НАСТАВЛЕНІЕ V
О
Повседневныхъ жертвоприношеніяхъ.

Нѣтъ почти ни единаго дня въ жизни, въ которой бы мы не могли какую

какую либо жертву принести Богу. И — естьлибъ мы умѣли въ семъ успѣть: то какія бы оказали заслуги, и какую бы обрѣли пользу? Однѣ повседневныя жертвоприношенія удобны насъ содѣлать праведными предъ Богомъ.

Я хощу Тебѣ пожертвовать сими приношеніями, Боже! и прошу Твою благодать, да воскурю ихъ предъ Тобою достойно твоему Величію. Научи мя изъ сего обильнаго источника почерпать довольныя заслуги. Я презиралъ доселѣ ежедневныя жертвоприношенія; презиралъ, поелику не понималъ цѣны ихъ.

Но днесь чувствую, что Ты самъ, Боже! подаешь мнѣ безчисленные случаи къ Твоему благоугожденію; въ каждую минуту я могу обрѣтать великія сокровища малыми заслугами; могу обрѣтать, — однако теряю; — собственное нерадѣніе наше тому причиною.

Въ теченіи жизни своей довольно мы видимъ прискорбій, и — почти всегда должны нести крестъ. Изъ сихъ прискорбій многія бываютъ столь живы и чувствительны, что мы ихъ всегда ощущая, проводимъ жизнь свою въ вѣчномъ уныніи и печали. Сіи огор-

ненія естьлибъ мы умѣли переносить для неба и всегда бы ихъ обращали въ Твое благоугожденіе: то какую бы на всякъ день приносили тебѣ, Боже! благоуханія жертву?

Всякому предназначено особенное состояніе, и всякой въ своемъ состояніи имѣетъ различныя должности. Между сими должностями есть обременительныя, трудныя, невыгодныя. Сколько иногда требуется благопристойности, чтобъ ихъ въ точности выполнить; сколько потребно старанія и прозорливости на пустыя посѣщенія и визиты; тысячу дѣлъ съ нами встрѣчаются ежедневно, слѣдственно тысячу безпокойствъ и неудовольствій. Иногда многое должно дѣлать противъ своей воли, противъ своихъ наклонностей: часто дѣлать то, чего не хочемъ, и оставлять, что хочемъ. Все сіе очень тревожитъ и отягощаетъ. Но естьли бы все сіе исполняли мы съ духомъ благочестивымъ: сколько бы каждую минуту могли учинить заслугъ въ разсужденіи вѣчности?

Живя въ обществѣ, должно обращаться съ людьми различныхъ званій и различныхъ характеровъ; иногда съ людьми разумными и дѣлающими красоту

сту для общества, а иногда съ людьми вѣтреными и служащими въ тягость. Въ прочемъ надобно жить со всѣми, и притомъ жить мирно, — любовно. А чтобъ до сего дойти, сїе чего стоитъ? Въ такомъ случаѣ почти каждой день надобно съ собою сражаться; сколько должно причинять себѣ насилїя? Сколько должно притворяться? Сколько надобно скрывать свои чувствованїя и переносить чужїя досады? Словомъ, въ такомъ случаѣ вся жизнь наша по великодушїю и благопристойности можетъ быть благопрїятною для Сердцевѣдца жертвою.

Угодно Тебѣ, Создатель мой, чтобъ мы одинъ для другаго трудились, другъ для друга несли крестъ. По Твоему промыслу всѣ наши взаимныя отношенїя, скучныя и непрїятныя, временемъ должны бы служить къ нашему освященїю; но по нашему злоупотребленїю они служатъ намъ въ одинъ вредъ и осужденїе. Мы другъ друга своимъ вѣроломствомъ мучимъ, другъ друга, вмѣсто того чтобъ сдѣлать добрыми и щасливыми, развращаемъ, приводимъ въ порокъ и нещастїе. Сїи ли дѣла суть дѣла достойныя Тебѣ на прощенїе?

Но не выходя изъ себя самихъ, не ища случаевъ къ жертвоприношенію Твоему около себя, сколько мы ихъ въ насъ самихъ находимъ? Сколько мы видимъ огорченій въ ежедневныхъ своихъ занятіяхъ? Сколько разъ случается, что намъ должно вооружаться противъ себя самихъ, противъ своей пылкости, суеты, чувствительности; тогда надобно молчать, когда хочется говорить, и тогда надобно говорить, когда хочется молчать; иногда не льзя выполнить своихъ удовольствій, а иногда должно переносить противности; въ случаѣ потребно владычествовать надъ собою, а въ случаѣ давать волю разсудку и шуткамъ, словомъ, принуждая себя и лишая свободы ежечасно, не значитъ ли мучиться? Многія неудовольствія намъ обратились въ навыкъ, многія слабости намъ ощутительны ежедневно; при семъ какая для насъ польза жаловаться непрестанно всему свѣту, что мы для себя и для другихъ несносны? не лучше ли намъ всѣми прискорбіями своими жертвовать Тебѣ, Боже? Ты, воззрѣвъ на нихъ, явишь къ намъ сострадание; Ты облегчишь скорби наши, между тѣмъ какъ другіе своею холодностію и ослабленіемъ болѣе ихъ умно-

умножатъ, и болѣе будутъ мучиться.

Часто мы чувствуемъ внутренния волненія, часто скрытный крестъ отягощаетъ душу нашу; намъ лично принадлежащія неудовольствія, въ которыхъ ничто, кромѣ насъ, не пріемлетъ участія, сколько снѣдаютъ наше сердце? Сколько мучатъ насъ и сокрушаютъ? И естьли когда, то не въ сихъ ли огорченіяхъ мы должны прибѣгать къ Тебѣ, Боже? Не Тебѣ ли мы должны жертвовать своими нещастіями т. е. не съ Тобою ли единымъ мы въ оныхъ должны собесѣдовать? Не на Тебя ли единаго надѣяться? Въ такомъ случаѣ сколько бы узрѣли мы помощи и утѣшенія, а слѣдственно, сколько бы и заслужить могли?

Иногда пребываемъ мы въ уныніи и скукѣ; не зная причины своего безпокойства, безпокоимся; не понимая причины своего смущенія, колеблемся. Вотъ минуты, въ которыя паче прочихъ минутъ намъ слѣдуетъ къ Тебѣ прибѣгать, Промыслитель! въ Тебѣ единомъ ища надежныя отрады. И — сколько такихъ случаевъ встрѣчается съ нами въ жизни, коими мы не иному кому, какъ Тебѣ должны жертвовать,

вать, имѣя въ виду взысканіе славы вѣчныя?

Но такъ ли я поступаю съ собою? Какая моя слѣпота и нещастіе! Всегда я имѣлъ въ рукахъ своихъ великое богатство, и я попустилъ, чтобъ оно было похищено. Многіе имѣлъ я таланты, кои могъ бы приумножить на сто; многіе сдѣлалъ шаги, кои бы могли приближить меня къ небесамъ; многими обладалъ я каменми драгоцѣнными, коими бы могъ украсить свою корону: но всѣ сіи сокровища расточилъ, всѣ сіи таланты сокрылъ въ землю, всѣ случаи духовнаго жертвоприношенія погубилъ; слѣдственно потерялъ нетлѣнную свою корону. По сему имѣя каждый день множество средствъ къ совокупленію безчисленнаго богатства, подъ конецъ жизни останусь я съ пустыми руками, и соберу себѣ одно сокровище гнѣва.

Предпріими, душа моя, предпріими благочестное и твердое намѣреніе, быть столько отъ нынѣ вѣрною, сколько ты прежде была нерадива! Вооружись бодростію противъ унынія, противъ угнѣтеній природы, противъ вопля самолюбія. Подражай тѣмъ великимъ душамъ, которыя стремительно

но желаютъ обратиться при всякомъ горестномъ случаѣ на путь Господень. Будь впредь болѣе приближенною къ своему Создателю, нежели сколько нынѣ отъ Него удалилась. Тысячу случаевъ къ заслугамъ ты презирала, но тысячу еще случаевъ открываются загладить прежнія опущенія. Все можетъ споспѣшествовать тебѣ къ возвращенію потерянной благодати и къ уплодотворенію въ тебѣ по возвращеніи живущей!

Но дабы жертвоприношенія сіи содѣлать достойными пріятія Божія, для сего должно знать, по какимъ причинамъ и какимъ образомъ мы должны приносить ихъ? Вотъ чувствія для сего приличныя: „Боже! всѣ дни мои „исполнены множествомъ прегрѣшеній; „каждую минуту впадаю я въ какое „нибудь преступленіе; но благодать „Твоя сообщаетъ мнѣ случаи къ жер„твоприношенію, очищающему грѣхи „мои. Всякой день я чувствую новыя „Твои къ Себѣ милости; безпрестан„но Ты исполняешь меня новыми „благотвореніями; какое убо для ме„ня благополучіе, чтобъ на всякъ день „приносить Тебѣ какую либо новую „жертву! Всякой день я очень много „забочусь о временныхъ своихъ выго-

„дахъ,

„дахъ, о чувственномъ удовольствїи;
„всякой день желаю выполнить всѣ
„житейскїя потребности и достигнуть
„совершенїя всѣхъ своихъ желанїй вро-
„жденныхъ: но не полезнѣе ли бъ для
„меня было, сдѣлавъ нѣкоторое наси-
„лїе чувственности, Тебѣ пожертво-
„вать всемъ моимъ сердцемъ? Самъ
„по себѣ я никакъ не остался бы до-
„вольнымъ, а все довольство мое про-
„истекаетъ отъ Твоея щедроты. Слѣд-
„ственно всегда и за все я долженъ
„быть Тебѣ благодаренъ. Вижу я сте-
„зи ко спасенїю; но Твоя премудрость
„показуетъ мнѣ средства, руковод-
„ствующїя по пути сему прямо къ
„ожидаемому блаженству. Могу ли я
„быть столько вѣроломенъ, чтобъ
„отвергль стези сїи, и обратилъ во
„зло спасительныя Твои средства?
„Судя по качеству Хрїстїанина, еже-
„дневно надобно мнѣ себя самого от-
„вергаться, побѣждать себя и умерщ-
„влять; ежедневно слѣдуетъ мнѣ от-
„крыть предъ Тобою новый знакъ лю-
„бви и благоугожденїя: но столько ли
„я щастливъ, чтобъ ты благопрїят-
„но воззрѣлъ на сїи знаки? Ибо не
„паче ли я предъ Тобою не благода-
„ренъ, несправедливъ и виновенъ, не
„оказывая тѣхъ знаковъ?„ При толь

мно-

многихъ и столь великихъ побужденіяхъ, могу ли я хотя впредь остаться нечувствительнымъ?

О душе моя! сколь обильна жатва заслугъ, самимъ Богомъ порожденная! старайся собирать ее. Положи новый образъ жизни твоей. Съ искренностію рѣшись отъ нынѣ всей жизнію своею жертвовать Богу. Каждый день ты можешь ему чѣмъ нибудь жертвовать. Должности, занятія, разговоры, имѣніе, труды; все сіе можетъ быть для тебя неисчерпаемымъ источникомъ приношеній и заслугъ многоцѣнныхъ. Почитай за непреложное правило, что лучше тысячу разъ возстать противъ себя самаго, нежели единожды противъ другихъ; что одна жертва, принесенная благовременно, можетъ предохранить отъ безчисленныхъ проступковъ и огорченій; что, наконецъ, всегда Тебѣ должно приносить жертвы, естьли не по содѣйствію благодати, то по естественной необходимости; естьли не Богу, то міру, съ тѣмъ только различіемъ, что жертвоприношеніе первое свято и спасительно, а послѣднѣе беззаконно и погибельно.

Сердцевѣдче! намъ ли не достаетъ средствъ къ Твоему благоугожденію? Не

Не можемъ ли мы Тебѣ жертвовать ежедневнымъ себя самихъ умерщвленïемъ? — При трапезѣ соблюденïемъ умѣренности, — во снѣ недолговременностью, — въ одѣянïи смиренïемъ и опрятностью, — при воззрѣнïи на соблазнительные предметы непреткновенностью, — въ словахъ простотою и искренностью, въ сердцѣ чистотою и цѣломудрïемъ? — Соблюденïе сихъ качествъ не означаетъ ли достойной Твоихъ щедротъ благодарности? Не льзя намъ не признаться въ своемъ опущенïи. Естьли бы умѣли мы жертвовать Тебѣ повседневными своими трудами: то бы при всѣхъ должностяхъ, во всякомъ состоянiи, нашли безчисленныя побужденïя къ покаянïю, къ очищенïю, къ страданïю духовному. Чего мы не можемъ выполнить изъ побужденïя любви теплыя? Будемъ непрестанно воображать, что въ ту самую минуту, когда мы приносимъ какую либо жертву, имя наше и каждое движенïе сердца нашего запечатлѣваются въ книгѣ животной безсмертными и неизгладимыми чертами. Будемъ непрестанно помнить, что мы много уже потеряли времени безплодно, а остается жить мало: то хотя къ послѣднему и великому жертвоприношенïю,

шенію, т. е. къ благочестивой смерти пріуготовимъ себя достойно. Яко вѣрные чада Божіи соединимъ всѣ наши страданія съ страданіемъ Христовымъ; да будетъ вся жизнь, яко жизнь Искупителя, жертвою для Отца небеснаго непрестанною; по сему и возмездіе наше будетъ безконечно.

НАСТАВЛЕНІЕ VI
О
Желаніяхъ сердечныхъ.

Сердце человѣческое есть неисчерпаемый источникъ желаній, а желанія суть неизмѣримая бездна различныхъ безпокойствъ и мученій. Желанія наши по видимому стремятся къ щастію; но онѣ болѣе умножаютъ наше неблагополучіе.

Четыре вида безпокойствъ проистекаютъ отъ нашихъ желаній: безпокойство отъ ихъ многообразности, отъ ихъ пространства, отъ ихъ пылкости, отъ ихъ несогласія. Своею многообразностію они насъ обременяютъ, своимъ пространствомъ приводятъ въ заблужденіе, своею пылкостію выводятъ изъ границъ благопристойности, своимъ несогласіемъ раз-

раздирают сердце наше на части. Слепотствующий человек! для того ли ты имеешь многия желания? Из сего ли источника ты надеешься почерпнуть прямое благополучие? Разсмотри и не ошибайся.

Желания наши *многообразны*. Теперь мы желаем сего, спустя мало инаго; что час, то новыя прихоти в нас возрастают; родятся вдруг и вскоре одна другую поглощают. Се волны безчисленныя, непрестанным предшествием и последствием сильно нас обуревающия! Се колкое терние, ежеминутно под нашими ногами подавляемое и паки возрастающее! Се сокровенные черви, мучительно и неутомимо точащие наше сердце! Все мы чего либо желаем: да сколь желания наши разнообразны, сколь обширны и безпредельны, сколь сомнительны и неосновательны, сколь низки и подлы, сколь внезапны и самообычливы, сколь тщетны и безразсудны, сколь предосудительны и опасны? — сколь! . . . . да можно ли все описать их виды? Вникни и испытай каждой свое сердце; его непрестанное безпокойство и жалкий опыт лучше сие откроют, нежели умозрительная словесность. Чего мы не желали доселе?

И

И къ чему послужили всѣ наши желанія? Онѣ насъ много занимали, много прежде безпокоили; а теперь? — исчезли! — Вотъ что остается часто, хотя и выполнены прихоти наши, пустота и одно ничтожество. А при семъ не случается ли, что желанія наши вмѣсто доставленія радости и удовольствія неминуемо обращаются для насъ въ новый источникъ смущенія и унынія? Страшное наказаніе для сердца, — для коего единъ Богъ не можетъ составить полнаго довольства, и которое благополучія своего не ищетъ въ Богѣ!

Желанія наши *пространны*. Ибо сколь они бываютъ безчисленны, столько же безпредѣльны. До чего мы не доходимъ своими желаніями, давая сердцу своему полную свободу? Какъ можетъ быть доволенъ честолюбецъ снисканнымъ достоинствомъ, естьли онъ смотритъ на вышшія почести и ихъ снискать домогается? Какъ можетъ быть доволенъ сребролюбецъ совокупленнымъ богатствомъ, естьли онъ еще большія сокровища пріобрѣсть алчетъ? Сердце ни чѣмъ ненаполненное, какъ можетъ быть собою довольно? Часто исполнившееся желаніе раждаетъ въ насъ другое сильнѣйшее.

Первый шагъ, удачно предпринятый, побуждаетъ насъ сдѣлать другой шагъ, и при томъ гораздо отважнѣе; и мы, когда желаемъ еще итти впередъ, то рѣдко примѣчаемъ, сколь далеко отъ первой цѣли уклонились. Но къ сожалѣнію какимъ спокойствіемъ можетъ наслаждаться смущенное сердце, сердце всегда вздыхающее о томъ, чего не имѣетъ, или воображающее токмо, что чего-то не достаетъ у него? Какимъ спокойствіемъ наслаждается сердце непостоянное, сердце непрестанно гоняющееся за призракомъ щастія, за призракомъ въ то самое время исчезающимъ, когда онъ мыслитъ обладать онымъ? Какимъ спокойствіемъ наслаждается сердце алчное, которое ничѣмъ не насыщается, и для котораго самое богатство составляетъ горькую бѣдность? Вотъ бездна неизмѣримая, гдѣ все исчезаетъ; вотъ ненасытимая пучина, которая все поглощаетъ; вотъ пламень горящій, которой все пожигаетъ и истребляетъ мгновенно! Гдѣжъ то благополучіе, которое многіе льстились найти въ исполненіи своихъ желаній? — Пропало! —

Желанія наши *лылки*. Сердце наше сколько бы нечувствительно ни было, вдругъ дѣлается очень чувствитель-

тельнымъ, какъ скоро чего либо возхощетъ. Въ такомъ случаѣ оно преодолѣваетъ, кажется, самую природу; изъ хладнаго и ледянаго премѣняется въ крайне живое, и почти совсемъ въ огненное; въ такомъ случаѣ оно за все хватается, чтобъ выполнить свое желанїе. Старанїя и заботы усугубляетъ даже до истощенїя силъ. Въ такомъ случаѣ прошенїя его бываютъ неумѣренны и молитвы неблагопристойны; униженность и раболѣбство соединяются съ нѣкоторою подлостїю. Почему? Ибо когда мы чего желаемъ съ крайнимъ изступленїемъ; тогда ничто насъ не устрашаетъ, ничто не останавливаетъ нашихъ намѣренїй; самыя препятствїя иногда болѣе и болѣе умножаютъ рвенїе нашего сердца. Источникъ, прорвавши плотину, нигдѣ не находитъ себѣ препоны; такъ желанїе безпредѣльное все хочетъ объять и притомъ одолѣваетъ всѣ препятствїя. Однако рѣдко преднамѣренной корыстїю обладаетъ, не смотря на безпрерывныя попеченїя, дѣятельность и усилїя. А за симъ что раждается? Всѣ страсти сливаются въ сердцѣ ненасытимое, сливаются или для большаго его мученїя или для возженїя сильнѣйша-

го пламени. Зависть его начинаетъ грысть, ревность мучить, ненависть приводить въ изступленіе, ужасная меланхолія погружать въ страшную горесть. Сколько бъ слѣпы и унижены мы ни были, всегда желаемъ себѣ благополучія: но неумѣренными желаніями такой причиняемъ себѣ вредъ, какого самые непримиримые враги наши не могли бы пожелать намъ. Не жалка ли сія участь?

Однако нещастіе наше не симъ только оканчивается. Желанія наши *между собою противны.* Что тогда чувствуетъ наше сердце, когда противныя желанія раздираютъ оное на части? Внутренность, которую одна прихоть къ чемулибо влечетъ сильно, а другая удерживаетъ, одна возвышаетъ, а другая унижаетъ, подобна столпу Вавилонскому, при зданіи коего всякой говоритъ и никто не понимаетъ, — подобна ужасному театру, гдѣ многихъ лицъ противныя желанія представляютъ продолжительную и непрерывную брань. Или лучше сказать въ такомъ положеніи человѣческое сердце подобно бываетъ аду и душамъ въ немъ мучимымъ, кои сколько ни желаютъ, чтобъ избавиться отъ осужденія и улучить оправданіе, но

жела-

желанїе ихъ никогда исполниться не можетъ.

Таково-то или еще жалостнѣе бываетъ состоянїе человѣка, предавшагося неукротимой ярости безмѣрныхъ желанїй! Самъ Духъ Святый сердце ненасытимое изображаетъ намъ въ чертахъ самыхъ ужасныхъ: *нечестивiи возволнуются и почити не возмогутъ* (*). Представимъ себѣ море, колеблемое яростїю сильныхъ вѣтровъ; тамо видно безконечное множество волнъ вдругъ воздымающихся, тѣсно одна за другою гонящихся, и никакихъ границъ стремленїю своему не имущихъ; вотъ многообразность желанїй! Тамо видна буря безмѣрная, отъ одного края песка досязающая до другаго, колеблющая дно и поверхность. Вотъ пространство желанїй! тамо видны пѣною кипящїя пучины, поминутно съ новою яростїю разверзающїяся. Вотъ пылкость желанїй! Тамо наконецъ частые приливы и отливы, кажется, явно между собою сражаются и другъ друга одолѣваютъ. Вотъ несогласїе желанїй! *Неправеднiи волнуются и почити не возмогутъ.* Какъ на морѣ мрачность облаковъ висящая надъ главою, бездна пу-

(*) Исаїи 57.

чинѣ разверзающаяся подѣ ногами, молнія поражающая очи, громѣ, потрясающій слухѣ, разливая повсюду ужасѣ представляютѣ мореходцамѣ приближеніе смерти внезапной и страшной: такѣ вѣ сердцѣ, обуреваемомѣ многими желаніями, ничего не видно, кромѣ мрачности. Возмущенія и ужасы, поражающихѣ подобно грому и молніи и возвѣщающихѣ гнѣвѣ праведнаго Бога.

Благій Вседержитель! ты токмо единѣ можеши укротить сіе яростное море — сіе колеблемое наше сердце. Возобнови убо для насѣ чудо, его же Ты сотворилѣ еси нѣкогда для своихѣ Апостоловѣ. Повели морю, да утихнетѣ и вѣтрамѣ, да уляжутѣ. Укроти мірскія и земныя наши пожеланія: тако возсіяетѣ ведро вѣ душахѣ нашихѣ и воцарится вѣ сердцѣ нашемѣ спокойствіе *и будетѣ тишина велія* (*).

НАСТАВЛЕНІЕ VII.

О

Вредныхѣ слѣдствіяхѣ нашихѣ желаній.

Всѣ наши желанія должны бы кѣ Тебѣ стремиться, Боже! По сему мы

(*) Матѳ. VIII. 26.

мы бы нашли въ нихъ все ихъ исполненїе и наше благополучїе; но удаляясь отъ тебя они возстаютъ на насъ, и составляютъ тяжкое мученїе. Желанїя наши дѣлаютъ насъ нещастными и купно виновными. Излей свѣтъ свой на меня, солнце правды, и сотвори, чтобъ я позналь то плачевное заблужденїе, въ которое ввергаютъ меня безчисленныя мои пожеланїя; ввергаютъ и вмѣсто искуемаго щастїя доводятъ до неизбѣжныя гибели.

Наши желанїя дѣлаютъ насъ нещастными.

Всякой человѣкъ желаетъ быть благополучнымъ; сїе желанїе всякому врожденно, сама природа укоренила его въ нашемъ сердцѣ. Мы всѣ ищемъ полнаго щастїя; безпрестанно о немъ безпокоимся; но малоразсудные! ибо мы не думая оному быть тамъ, гдѣ истинно оно находится, ищемъ его тамъ, гдѣ его никогда не бывало. А такимъ образомъ, заблуждая въ своихъ изысканїяхъ и желанїяхъ, мы тогда дѣлаемся нещастливыми, когда надѣялись сдѣлаться благополучными.

И — что нещастнѣе сердца, сдѣлавшагося добычею множества, пространства, живости и противоборства желанїй? Множества, непрестанно его угнѣ-

угнѣтающаго, — пространства, приводящаго насъ въ заблужденіе, — живости, приводящей въ изступленіе, — наконецъ противоборства, на части оное раздирающаго; словомъ, что нещастнѣе сердца предавшагося насилію страстей, крайне неограниченному, мучительному? Такое сердце можетъ ли хотя одну минуту наслаждаться спокойствіемъ? Можетъ ли разумѣть, въ чемъ состоитъ истинный покой его? Для такого сердца нѣтъ другаго врага, и нѣтъ столь безчеловѣчнаго мучителя, кромѣ себя самого: ибо оно изображаетъ неисчерпаемую бездну снѣдающей печали; изображаетъ землю, проклинаемую Богомъ; изображаетъ царство смятенія и мрака — адъ преисподній. Толико, или еще болѣе бываетъ злощастно сердце, возмущаемое и терзаемое ненасытимою жаждою безконечныхъ желаній!

Сколь жалокъ человѣкъ, предавшійся во власть неумѣренныхъ своихъ желаній! Не уже ли ему неизвѣстно, что сколько непристойныхъ желаній имѣетъ онъ въ своемъ сердцѣ, столько ополчаетъ враговъ противъ своего спокойствія? Не уже ли онъ не могъ предвидѣть, что желанія его легко могутъ измѣниться въ насильствен-

ную

ную страсть, — страсть въ несносное мученїе? — а подъ владычествомъ мученїй быть щастливымъ никакъ не возможно!

Не Ты ли, Судїя праведный! опредѣлилъ, чтобъ сїя измѣна никогда не была измѣняемою? Гнѣвъ твой и наказанїе твое надъ заслужившими ихъ исполняются на всякъ день. Всякой человѣкъ, сердце свое поработившїй необузданнымъ желанїямъ, непрерывное долженъ ощущать въ себѣ безпокойство и мученїе.

Души нещастныя! Доколѣ будете шествовать кривымъ путемъ, путемъ тернїя, прямо ведущимъ васъ въ неизбѣжную пропасть? Не лучше ли, положивъ предѣлъ своимъ желанїямъ, къ вожделѣнному благополучїю тещи вамъ стезею мира? Или чѣмъ болѣе стенаете вы подъ мучительствомъ правосудительныхъ желанїй, тѣмъ отчаяннѣе предаетесь онымъ? Такое нещастїе дѣлаетъ васъ неизвинительными!

Наши желанїя дѣлаютъ насъ непростительно виновными: ибо они принуждаютъ насъ удаляться отъ путей провидѣнїя. Сердце, предавшееся стремленїю своихъ желанїй, желаетъ быть полномочнымъ начальникомъ своего

жре-

жребія; желаетъ само собою предначертывать себѣ путь къ благополучію, а такимъ образомъ отваживаться по своимъ прихотямъ располагать волею Божіею. Что сего безразсуднѣе и неизвинительнѣе?

Неумѣренныя наши желанія болѣе всего раждаются отъ неумѣренныхъ страстей. Гордость, скупость, зависть, мщеніе, злоба, роскошъ, сладострастіе, Вотъ обыкновенные источники непростительныхъ нашихъ прихотей, прихотей правильно обращающихся для насъ въ сильное обуреваніе спокойства внутренняго и въ опаснѣйшій ядъ для спасенія.

А чтобъ въ семъ болѣе увѣриться, испытаемъ, чего мы чаще всего желаемъ? Къ чему болѣе стремиться сердце необузданное, развращенное? Къ предметамъ запрещеннымъ, непозволительнымъ, пагубнымъ. Въ семъ ли возможно обрѣсть желаемое благополучіе? Такія стремленія чѣмъ болѣе занимаютъ нашу душу, тѣмъ паче препятствуютъ ей наслаждаться плодами вѣчности. Ибо такія стремленія всегда были неправильны, постыдны, а слѣдственно вѣчно останутся противными Богу, закону его, — волѣ его, — промыслу его, — вѣчно пребу-

будутъ неизвинительными. Какое множество преступленій! Какая бездна погибели! Какой источникъ наказанія Божія!

Создателю мой! — Умоляю благость Твою съ Твоимъ пророкомъ: *не предаждь мене отъ желанія моего грѣшнику* (*), — Не попусти мнѣ ввергнутися въ бездну необузданныхъ и беззаконныхъ моихъ прихотей! Сердце мое, для Твоей единственно любви сотворенное, утверди на пути семъ. Пусть кромѣ Тебя вѣчно оно ничего не находитъ, развѣ одну пустоту, ничтожество, неудовольствіе и горесть. Щастливыбъ мы были, естьли бы насъ хотя сіи непріятности къ Тебѣ всегда руководствовали, и всегда съ Тобою жить поучали! Да можетъ ли то назваться непріятностію, что насъ соединяетъ съ Богомъ?

Хотя отъ нынѣ поставимъ себѣ непреложнымъ обязательствомъ питать въ себѣ единое и чистѣйшее желаніе, быть выну съ Богомъ, служити ему искренне, назидать спасеніе свое благочестно. Пусть желаніе сіе да занимаетъ всю душу, наполняетъ

(*) Пс. 139. ст. 9.

няетъ все сердце, и да освящаетъ всѣ наши чувства.

Престанемъ болѣе гоняться за призраками міра сего; престанемъ бѣгать за мечтательностію честей, минутныхъ удовольствій и богатствъ гиблемыхъ. Довольно уже мы ими занимались, довольно ими безпокоились, довольно, ища ихъ, заблуждали, довольно они насъ помучили и умножили нашу вину и проступокъ. Время уже тещи намъ путемъ мира и покоя; время начать шествовать стезями святости и правды.

Будемъ желать чрезвычайно, — но желать единственно то, что чрезъ благочестіе можетъ насъ учинить истинно благополучными. Ограничимъ наши желанія однимъ преуспѣяніемъ въ добродѣтели; да глаголемъ чаще съ пророкомъ: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу* (*). Ничего не желаю я на земли больше, — ничего не требую въ семъ мірѣ, какъ любить одного Бога, — ему служить выну и спасти свою душу. Кромѣ бо сего сокровища *что ми есть на небеси, и отъ тебе что лучше возхощу на земли* (**)? Боже! Я

(*) Пс. (**) Пс. LXXII 25.

Я желалъ нѣкогда, обладалъ, гонялся за мечтами сего гиблемаго мїра, и *видѣхъ яко все суета и лукавство велїе* (*). Видѣлъ, что ничего подъ солнцемъ желать не должно, и ни чемъ кромѣ Бога на земли хвалитися не прилично. Всѣ мы истощаемся въ своихъ вымыслахъ; всѣ мучимся своими желанїями, и что подъ конецъ обрѣтаемъ? Одно раскаянїе, одинъ стыдъ, мученїе совѣсти, отчаянїе духа. Судя по сему пусть прочїе что ни вымышляютъ къ снисканїю своего благополучїя, пусть гоняются за многимъ въ мїрѣ; но какъ они во всемъ ничего не могутъ обрѣсти, кромѣ мечты, опасности и погибели: *мнѣ же прилѣплятися богови благо есть* (**).

Блаженно и преблаженно сердце ищущее тебя, Боже! одною твоею любовїю разумѣющее ограничивать всѣ свои желанїя и весь своего благополучїя жребїй полагающее въ Твоей святѣйшей волѣ: ибо сїе токмо сердце можетъ вкушать всѣ прїятности въ настоящемъ мїрѣ, можетъ находить спокойство посреди самыхъ суетъ, тишину въ обуреванїи. Вотъ блаженное желанїй

(*) Еклез. II. 21. (**) Пс. LXXII 28.

нїй нашихъ положенїе! жизнь безгрѣшная, вотъ все наше благополучїе! Внѣ Бога нѣтъ нигдѣ прямаго щастїя, и кромѣ благочестїя ничто не можетъ насытить безпредѣльныя желанїя нашего сердца.

НАСТАВЛЕНІЕ VIII.

О

Сообразованїи дѣлъ нашихъ съ волею Божїею.

Сообразованїе дѣлъ нашихъ съ волею Божїею существенно состоитъ въ сихъ трехъ обязательствахъ: 1 въ томъ, чтобы хотѣть того, чего Богъ хощетъ. 2 хотѣть такъ, какъ Богъ хощетъ, 3 хотѣть чего либо по тому, что Богъ сего хощетъ. Вотъ сообразованїе самое правильное! Хотѣть того, чего Богъ хощетъ, вотъ предметъ сообразованїя; хотѣть, такъ какъ Богъ хощетъ, вотъ правило; хотѣть по тому, что Богъ хощетъ, вотъ побужденїе къ сообразованїю!

Сколькобъ мы блаженны были, и сколько бы были безгрѣшны, естьли бы такимъ образомъ сообразовались съ волею Всевышняго! Чрезъ сїе надежно бы преселились отъ сея жизни во

страну избранныхъ на небесѣхъ, исполняющихъ волю Пресвятаго.

1 е. Хотѣть того, чего Богъ хощетъ; вотъ первый поступокъ, которой должно выполнять при сообразованiи дѣлъ нашихъ съ волею Божiею. Сего поступка что можетъ быть справедливѣе, основательнѣе, необходимѣе? Воля бо Всевышняго всегда свята, всегда просвѣщенна, всегда непреложна, а наша часто бываетъ слѣпотствующа, неограничена, повреждена, неосновательна, и почти всегда вводящая насъ въ заблужденiе. И такъ не благополучны ли мы, имѣя для послѣдованiя правило безопасное, твердое и надежное? Богъ ничего не можетъ желать, кромѣ единаго блага; предадимся убо волѣ Его, предадимся тѣмъ надежнѣе, чѣмъ непреложнѣе онъ обѣщавается ввести насъ въ тихое пристанищѣ.

Чего Богъ хощетъ, всего того и намъ надлежитъ желать безъ изъятiя, безъ малѣйшаго исключенiя. Ибо какъ для Вѣры необходимо нужно, признавать всѣ догматы Вѣры; иначе, естьли хотя одинъ отвергнемъ, Вѣра наша разрушается: такъ и при сообразованiй дѣлъ нашихъ съ волею Божiею безъ изъятiя во всѣхъ дѣлахъ должно съ нею сообразоваться; иначе, естьли хотя

въ одномъ поступкѣ съ волею Всевышняго мы будемъ несходны: то вся заслуга наша будетъ тщетна. Да и въ чемъ мы къ нашему горькому бѣдствію можетъ отказать Богу? Или лучше, чего для истиннаго своего благополучія, чего не должны исполнить?

Предположивъ сїю пользу, человѣкъ предавшїйся въ волю Божїю въ какомъ бы ни находился обстоятельствѣ, въ какомъ бы ни былъ состоянїи; при всякомъ произшествїи найдетъ примѣръ подражанїя въ жизни, помощь въ сраженїи, утѣшенїе въ нещастїи. Естьли по довольномъ благополучіи, послѣ исполненїя всѣхъ его желанїй случится впасть ему въ нещастїе: то при угнѣтенїи отъ многихъ бѣдствїй онъ разсуждаетъ со Апостоломъ: „Когда мы вся благая временная получили отъ десницы Господней, „получили безъ всякихъ нашихъ заслугъ, по одной Его благодати: по „сему для чего намъ не переносить „иногда съ покорностїю посѣщенія „Вседержителева?„ Когда превратность благополучїя лишаетъ его послѣдняго имущества, ввергаетъ въ крайнюю бѣдность и уничиженїе: въ такомъ положенїи онъ ободряется утѣшительными глаголы праведнаго Іова: *Господъ*

лодъ даде, Господь и отъя, — *буди имя Господне благословенно* (*). Наконецъ, дабы имѣть совершеннѣйшій примѣръ для подражанія въ какомъ бы то ни было горестномъ состояніи, онъ обращаетъ очи свои на своего Учителя Вѣры и начальника; Его благодатію всегда будучи одушевляемъ, взываетъ: *не моя*, Господи, *воля*, *но твоя* во всемъ *да будетъ* (**) надо мною.

Можетъ быть когда либо гласъ природы и отзывается иначе во глубинѣ страждущаго человѣческаго сердца, а по сему препятствуетъ чашу горести вкушать съ великодушіемъ: но вскорѣ внушеніе благодати въ сынѣ, сообразующемся съ волею Божіею, гласъ природы заглушаетъ, и такимъ образомъ возноситъ духъ Христіанина выше слабой языческой чувственности. Кто понимаетъ цѣну посѣщенія небеснаго; тотъ часто проситъ, чтобъ не прекращалось оное, проситъ сими искренними словами: „Поражай и наказуй „меня выну, святость правосудная! не „внемли тяжкимъ моимъ воздыханіямъ, не взирай на слабость моихъ „противопожертвованій: ибо что ты „ни творишь, то все спасительно и „по-

(*) Іов. I. 21. (**) Лук. XXII. 42.

„полезно.“ Сколь многоцѣнны сіи добрыя чувствованія сердца, съ волею Божіею сообразующагося! сколь пріятна бываетъ душа Создателю, когда она что ни дѣлаетъ и что ни переноситъ, все сіе творитъ изъ усерднаго повиновенія волѣ его!

2 е. Хотѣть добраго и всего честнаго, такъ какъ Богъ хощетъ. Мы слабы и часто себя обманываемъ. Часто воля наша основаніе и сущность дѣйствій своихъ приписуетъ Богу: но образъ, какъ она исполняетъ свои дѣйствія и обстоятельства, при которыхъ исполняетъ, совсемъ съ святостію Божіею не сходны. Часто мы желаемъ совершить что либо доброе; но совсемъ иначе выходитъ исполненіе. Желаемъ мы, на примѣръ, видѣть посѣщеніе нѣкоторой болѣзни; но не желаемъ вмѣстѣ, чтобъ она была мучительна и продолжительна. Всѣ мы вообще подлежимъ злохуленію и укоризнамъ; но когда насъ поносятъ явно, мы сего снести не хощемъ. Весь свѣтъ наполненъ неблагодарными людьми; но когда лично дѣлается намъ неблагодарнымъ лице, крайне облагодѣтельствованное, мы говоримъ: „Возможно ли „было ему сіе сдѣлать? Во всякомъ „другомъ случаѣ я бы повиновался съ

„охо-

„охотою Твоей волѣ; но при сихъ, „прости моей слабости, Боже! трудно „мнѣ побѣдить себя.„ Се тщетныя предложенія! се исключенія, противныя сообразности дѣлъ нашихъ съ благоучрежденіями Промысла! Душа Христіанская, въ какихъ бы ни была обстоятельствахъ, непрестанно должна повиноваться Богу. Ибо хотѣть того, чего Богъ хощетъ, и вмѣстѣ не хотѣть такъ, какъ онъ хощетъ; сіе означаетъ отнимать у него нѣкоторую важнѣйшую часть жертвоприношенія; и не ужасно ли приносить Всевышнему во благоугожденіе одно сухое древо, а цвѣты и листвіе предоставлять самому себѣ?

Будемъ непрестанно взирать на Божественнаго своего Учителя. Отецъ его опредѣляетъ ему чашу горести; чувства смущаются, вся природа содрогается: но вдругъ святѣйшее сообразованіе воли своей съ волею отчею все препобѣждаетъ. Да исполнится все надо мною, Боже! взываетъ Словочеловѣкъ, *не яко же азъ хощу*, но какъ чему быть опредѣлила святѣйшая Твоя Премудрость, *но яко же ты* (*).

Великій примѣръ! но сколько находится вѣрныхъ ему подражателей?

(*) Мат. XXVI. 39.

Не болѣе ли во всѣхъ примѣтно ожесточенныхъ упорствъ, неправильныхъ заключенїй? Маловѣрные! мы ли не можемъ полагаться на благость своего Создателя? мы ли смѣемъ не подражать его премудрой волѣ?

3 е. Нашъ долгъ желать многаго по тому единственно, что Богъ сего хощетъ. Вотъ истинное совершенство нашего сообразованїя и прямо любезная Богу жертва! ибо нѣтъ, подлинно, другаго побужденїя къ исполненїю воли Божїей, кромѣ его же святой воли; нѣтъ большаго, сильнѣйшаго и совершеннѣйшаго поощренїя къ добродѣтели, кромѣ препорученїя насъ самихъ въ волю вседѣйствующаго Промысла. Прилично ли намъ испытывать намѣренїя Божїи, и требовать отъ него причины въ его опредѣленїяхъ? *Какъ это? Для чего это?* Да удалятся отъ насъ сїи вредныя чувствованїя. Въ разсужденїи Вѣры естьли мы о чемъ мыслимъ: *какъ это?* Такъ Богъ учредилъ; вотъ и побужденїе къ ея воспрїятїю. Въ разсужденїи же сообразности дѣлъ своихъ съ волею Божїею естьли мы воображаемъ: *для чего это?* Поелику сего Богъ хощетъ. Сїя причина не сильна ли насъ расположить на испытанїе

всѣхъ

всѣхъ Евангельскихъ блаженствъ, бѣдности, поношенія, слезъ, глада и тяжкихъ даже мученій временныя жизни? Покланяемый нашъ Спаситель не тако ли самъ во всемъ сообразовался съ волею Отца Небеснаго? Не сознавался ли предъ нимъ при многихъ обстоятельствахъ въ сообразованіи дѣлъ своихъ съ Его превѣчнымъ опредѣленіемъ? не сознавался ли сими глаголы: я хощу сего, поелику Тебѣ угодно: *ей отче яко тако бысть благоволеніе предъ тобою* (*).

Высокое чувствованіе! премудрость совершенная! намѣреніе, означающее неизчерпаемый источникъ всякаго блага! Что мы можемъ получить отъ Создателя своего, естьли также будемъ сообразоваться Его волѣ? Тогда желанія наши измѣнятся въ Его святость, или яснѣе все изволеніе наше, изволеніе человѣческое, недостаточное преобразится въ волю божественную и совершенную. А сіе сходство дѣяній нашихъ съ совершенствами существа Верховнаго не содѣлается ли для насъ источникомъ благъ безконечныхъ? Подлинно, оно будетъ для насъ исполненіемъ всѣхъ даровъ благодати: ибо

(*) Мат. XI. 26.

Богъ во всякомъ изобилiи обѣщался изливать ихъ на душу смиренную и покорную. Оно будетъ для насъ исполненiемъ заслугъ: ибо чѣмъ мы лучше угодить можемъ Сердцевѣдцу, какъ не послушанiемъ волѣ его? Оно будетъ для насъ исполненiемъ утѣшенiя: ибо что для вѣрнаго сына можетъ быть утѣшительнѣе, какъ ввержение себя въ нѣжныя объятiя Отчи? Оно будетъ исполненiемъ мира: ибо кто можетъ нарушить спокойствiе души опочивающей, такъ сказать, въ нѣдрахъ самого Бога? Оно будетъ наконецъ исполненiемъ славы: ибо какой вѣнецъ прiуготовляется на небеси для души, ревностно сообразующейся на земли съ волею Создателя? О когда бы всѣ вѣрующiе вѣнца сего достигнуть старались!

НАСТАВЛЕНIЕ IX

О

Совершенномъ преданiи себя въ руцѣ Божiи.

Разсмотримъ причины, на которыхъ утверждается сiе размышленiе наше, и чувствiя, какiя оно въ насъ производить должно.

Вник-

Вникни, душа моя, въ высокія истины, долженствующія располагать тебя на совершенное преданіе въ руцѣ Божіи. Испросимъ благодати, твердо укореняющія ихъ въ нашемъ сердцѣ, испросимъ, и — скажемъ:

Я точно увѣренъ, что все случающееся въ мірѣ бываетъ или по закону всеобщаго теченія вещей, или по особенному изволенію Божію. Онъ столь хорошо располагаетъ всѣми твореніями, что хотябъ мы и препятствія нѣкоторыя видѣли; они всегда могутъ служить къ Его славѣ и къ нашему оправданію. Чтобъ иногда и непріятное для насъ по чувствамъ служило въ душевную пользу; сіе зависитъ отъ живой вѣры. *Любящимъ Бога, вся спосПѣшествуютъ во благое* (*).

Я точно увѣренъ, что Богъ лучше знаетъ намъ полезное, нежели мы сами. Ибо Онъ знаетъ нашу природу, наши наклонности, наши потребности, нашу слабость, нашу нужду и наши недостатки. Онъ, будучи обладателемъ вселенныя, всяческая производитъ въ мірѣ по премудрой благости своей; тому ли убо я не вручу себя самого, иже *вѣсть помышленія наша* (**)?

(*) Рим. VIII. 28. (**) I Кор. III 14.

Я точно увѣренъ, что тѣ самыя средства, которыя по мнѣнію нашему кажутся предосудительными и вредными, Богу содѣйствующу, измѣняются во благое. Когла мы почитаемъ спастися за невозможное; тогда сила Божія въ немощахъ нашихъ совершается. Въ чемъ свидѣтельствуютъ Іовъ на одрѣ болѣзненномъ, Іосифъ въ темницѣ, Даніилъ во рвѣ, Моусей на морѣ, и другіе памятники, воздвигнутые изъ бездны и праха въ вѣчную славу Божія Провидѣнія и повиновенія нашего неиспытаннымъ судьбамъ его. На что полагаясь, кто не речетъ изъ вѣрующихъ: *Аще Богъ по насъ, кто на ны* (*)?

Я точно увѣренъ, что для каждаго изъ насъ предназначенъ особенный путь, которымъ Богъ желаетъ ввести насъ на Небеса. Путь сей состоитъ въ теченіи естественныхъ произшествій, въ теченіи соединенномъ съ благодатію и ея пособіемъ. Не можно съ него совратиться не нарушивъ порядка Провидѣнія. Въ гаданіи мы постигаемъ нынѣ путь сей: но Богъ знаетъ его совершенно, и Онъ токмо единъ можетъ насъ по оному надежно руководствовать къ желаемому

(*) Рим. VIII. 31.

му блаженству. Возлюбимъ путь сей, естьли хощемъ любить добродѣтель: вси бо *путїе Господни суть истина* (*).

Сїе преданїе себя самихъ въ руцѣ Божїи будетъ для Создателя нашего великимъ побужденїемъ, чтобъ онъ ниже единаго отъ насъ лишилъ тихаго пристанища. Да и можно ли подумать, чтобъ преблагїй Богъ когда либо оставилъ душу, совсемъ предающуюся въ волю Его? Можно ли сомнѣваться, чтобы нѣжный и сердобольный Отецъ отвергъ когда либо сына, желающаго повергнуться въ распростертыя его объятїя? Вручимъ себя Богу, и Онъ насъ не оставитъ.

Не оставитъ, — сїя истина столь тверда, какъ Евангельское слово; столь ясна, яко свѣтъ солнечный; столь несомнѣнна, какъ спасительная вѣра; столь непреложна, какъ бытїе самого Бога. Вручимъ себя Благому Промыслителю и Онъ насъ взыщетъ. Довѣряя сей истинѣ, кто не речетъ изъ насъ въ себѣ самомъ кроткимъ духомъ, кто не речетъ словесъ сихъ:

Когда вѣрно, что все случается въ мїрѣ по особенному изволенїю Божїю; то для чего тѣмъ безпокоиться, что со мною случается? Богъ сего хощетъ, или

(*) Пс. XXIV. 10.

или по крайней мѣрѣ попускаетъ быть сему; попускаетъ, и знаетъ причину всякаго произшествїя. И такъ оставимъ Его совершеннымъ и полнымъ обладателемъ всѣхъ обстоятельствъ, какїя ни учреждаетъ для насъ отеческая его десница; во исправленїе наше часто посылаемыя отъ него на насъ посѣщенїя могутъ ли удалить насъ отъ Его преисполненнаго пламенною любовїю сердца?

Когда вѣрно, что Богъ знаетъ лучше все со мною случающееся, нежели я: то для чего мнѣ въ немъ не успокоиваться? Для чего не ввѣрять ему управленїе жребїя моего? Чтобы сказали о человѣкѣ, плывущемъ по морю покойно, но при наставшей бурѣ вдругъ исторгнувшему руль для управленїя судна, исторгнувшему изъ рукъ искуснаго кормщика? Неопытный и отчаянный мореплаватель учиненной наглостїю спасется ли отъ кораблекрушенїя? Гибель тѣмъ паче злощастна и сожалѣнїя достойна, что онъ самъ на себя навлекаетъ оную. Въ безчисленныхъ обстоятельствахъ поопасемся и мы представлять изъ себя подобное въ разсужденїи благоуправляющїя нами силы Божїя.

Когда вѣрно, что тѣ самыя средства, кои кажутся разрушающими наше

наше благополучїе, служатъ намъ къ безопасной отрадѣ, — и мы на сїе въ теченіи жизни своей множество видимъ убѣдительныхъ доказательствъ; вспомнимъ прошедшее, сколько изъ сего уразумѣемъ чудесъ преблагаго Промысла, сколько признаковъ милосердїя безконечнаго? По сему можемъ ли мы въ чемъ нибудь не довѣрять Богу, толико о насъ пекущемуся? Чего онъ для насъ благаго не сдѣлалъ, чего по благоутробїю своему не творитъ нынѣ, и чего мы совсемъ еще не понимаемъ, а онъ къ пользѣ нашей совершаетъ? Сколько намѣренїй мнѣ неизвѣстныхъ, и можетъ быть несравненно предъ прежними удивительнѣйшихъ сокрыто во Всевѣдущей премудрости? Они для меня спасительны; дознал я сїе прежде, и послѣ уразумѣю нѣкогда, — нѣкогда они исполнятся, а я всегда долженъ быть благодаренъ.

Когда вѣрно, что каждому изъ насъ предназначенъ путь особливый; путь, которымъ мы при содѣйствїи благодати удобно можемъ достигнуть небесъ, путь указуемый намъ всесильною десницею: то мы ли будемъ опасаться итти имъ? Естьли кто отъ него уклоняется, тотъ подобенъ страннику, котораго скоро мѣлкающая

вечер-

вечерняя зарница освѣщаетъ на мало, но вдругъ непримѣтно заводитъ въ глубокую пропасть.

Богъ въ щедротахъ своихъ неистощимъ, въ милостяхъ безконеченъ; и чѣмъ болѣе мы приписуемъ Ему величество въ премудрости и благости, тѣмъ онъ къ намъ бываетъ благорасположительнѣе, и такъ естьли мы во всемъ безъ изъятїя въ полную предадимся волю Его, какого блаженства и какой славы должны отъ него надѣяться?

Боже! Спасителю, и Отче мой! я забываю себя, и къ Тебѣ прибѣгаю, — я оставляю мїръ и ищу моего благополучїя въ нѣдрахъ неисчерпаемой Твоей благости. Ты безконечно премудръ, слѣдственно знаешь всякое благо; — безконечно милосердъ, слѣдственно всѣмъ даже и недостойнымъ желаешь блага; яко солнце сїяешъ на благїе и злые; ты безпредѣльно Всемогущъ, слѣдственно отъ тебя зависитъ всякое всякаго созданїя Твоего благо. Я все сїе знаю, — знаю, что ты лучше знаешь о моей жизни, о моихъ произшествїяхъ лучше, нежели я самъ. И такъ съ сей самой минуты препоручаю Тебѣ все то, что я имѣю; что я есьмь, и чего надѣюсь; препо-

ру-

ручаю разумъ мой и всѣ его помышленія, — сердце мое и всѣ его желанія, — жизнь мою и каждое оныя дыханіе; — препоручаю Тебѣ все мое упованіе, всю любовь и Вѣру. Я хощу всего, чего ты хощешь, и не желаю всего, что Тебѣ не угодно; желаю блага, яко ты желаешь, и не хощу беззаконія, потому что Ты не хощешь. Во всемъ буди со мною воля Твоя!

Съ сея самыя минуты до минуты смертныя я препоручаю Тебѣ судьбу мою; располагай ею владычно; располагай щастіемъ моимъ и нещастіемъ, бѣдностію и изобиліемъ, болѣзнію и здравіемъ, жизнію и смертію, временемъ и вѣчностію; располагай яко же хощеши; я Тебѣ преданъ и покоренъ. Судьбы Твои Святы, намѣренія благи, дѣянія спасительны, воля благодѣюща. Твердая убо о сей волѣ Твоей память и рѣшительная на нее надежда да начнется во мнѣ отъ нынѣ, да не кончится во вся дни живота моего, да возобновится паче при вратахъ смерти моей, да будетъ послѣднею моею мыслію, моимъ послѣднимъ чувствіемъ, послѣднимъ издыханіемъ. Предаю душу мою въ руцѣ Твои; благослови ю; хвалю имя Твое, да напишется имя мое въ книгѣ животной.

Вотъ

Вотъ образъ совершеннаго преданія въ руцѣ Божіи! кромѣ сей умозрительности при всѣхъ подвигахъ и страданіяхъ жизни своей да речетъ кійждо: „Богъ сего хощетъ, Богъ сего требуетъ, и — я „долженъ терпѣть.„ Симъ паче преданіе наше утвердится. Въ великихъ нещастіяхъ и необыкновенныхъ перемѣнахъ будемъ думать, что Богъ его же и убиваетъ, жити творитъ, по сему и мученическій крестъ покажется намъ подвигомъ радостнымъ и легкимъ. При щастливыхъ наконецъ обстоятельствахъ не все то надлежитъ исполнять, что можемъ, а что необходимо должно по закону благодати; иначе преданность наша будетъ мечтательная, гордая, постыдная. Да искушаемъ себя, чтобъ, когда полагаемся на Бога, не быти намъ искушающими волю Его, а твердо на нее уповающими.

НАСТАВЛЕНІЕ X
о
Небреженіи въ разсужденіи дѣлъ маловажныхъ.

Нѣтъ ни единаго столь малаго зла, которое бы ужасными своими последствіями не доводило насъ до великихъ

ликихъ и опаснѣйшихъ крайностей; такъ напротивъ нѣтъ ни одного столь малаго добра, которое бы непримѣтнымъ своимъ приращенїемъ не могло возвысить насъ до превосходной святости.

Зло по видимому маловажное, въ послѣдствїи обращается для насъ въ великое нещастїе, и сїе потому, что малое упущенїе нечувствительно доводитъ насъ до проступковъ важнѣйшихъ; доводитъ иногда путемъ расположенїя и обмана, а иногда путемъ наказанїя и искушенїя. Каждой путь сей колико достоинъ нашего размышленїя, и съ какимъ соединенъ ужасомъ и мученїемъ!

Небреженїе въ разсужденїи дѣлъ маловажныхъ доводитъ насъ до великихъ погрѣшностей 1 е. путемъ *расположенїя*, т. е. путемъ навыка. Человѣкъ прїобучившись дѣлать малые пороки, нечувствительно располагается и на большїе. — Сперва нужно лишъ ослабѣть, потомъ вдругъ возродится нерадѣнїе, за симъ отвращенїе отъ благочестїя, далѣе непрїятїе Благодати, наконецъ заглушенїе мученїй совѣсти. Нынѣ отважимся нарушить одно правило закона, а заутра мы и два преступимъ смѣло. Нынѣ впа-

демъ въ невѣрїе, а заутра и отпаденїе исполнится. Чѣмъ менѣе кто бодрствуетъ, тѣмъ меньше опасается; кто мало опасается, тотъ болѣе разслабѣваетъ, болѣе развлекается. А въ слабости и развлеченїи всякой не столько расположенъ бываетъ къ добру, сколько наклоненъ къ пороку. Между тѣмъ бремя благочестїя со дня на день при всей своей легкости опустившемуся духу кажется отяготительнѣе, несноснѣе; влекутъ его нерадивцы, — но что я говорю просто влекутъ; влекутъ, и при томъ жалуются, и при семъ сколько можно облегчаютъ важность чинимыхъ преступленїй. Въ человѣкѣ нечувствительно то пропадаетъ, что въ немъ было прежде добраго, и зло, лишъ только мы на него отважимся, непримѣтно возрастаетъ болѣе и болѣе.

Сколь надъ многими справедливость сихъ словъ живо исполнилась! Многїе ужасались прежде самой тѣни зла, а нынѣ, ослѣпившись первымъ покушенїемъ, посредѣ самой гибели живутъ безбоязненно. Сколько бы ни испытывали преступники дѣла свои, сколько бы ни облегчали вину свою; но молитва ихъ всегда пребудетъ моленїемъ хладнымъ, благочестїе опущеннымъ,

законъ

законъ Вѣры забытымъ; а по сему самая Благодать презрѣнною, грызенiе совѣсти погашеннымъ; вотъ начало и успѣхи первыхъ погрѣшностей! Явная невѣрность, наглое ожесточенiе, одно паденiе, сопровождаемое множествомъ другихъ паденiй, вотъ предѣлъ неизбѣжимый, до котораго доводятъ себя небрегущiи о исправленiи своемъ при первыхъ на зло покушенiяхъ!

2 е. Путемъ *обмана*. Нѣтъ почти ничего обыкновеннѣе для людей, отъ добра уклоняющихся и въ порокахъ разслабѣвающихъ, какъ предубѣжденiе, что они при самыхъ заблужденiяхъ правы. Въ такомъ случаѣ всѣ виновники утверждаются на ложныхъ началахъ, на ложныхъ правилахъ, на ложной совѣсти. Предполагаютъ иногда преступники, что они виновны, да при семъ вину свою стараются облегчить тысячiю неосновательныхъ умозаключенiй; сознаваясь въ своемъ проступкѣ, обѣщаются впредь никогда уже не выходить изъ границъ благопристойности: но когда легче имъ обманывать себя самихъ, какъ не при семъ обстоятельствѣ, въ которомъ добро и зло такъ тѣсно между собою сливаются, что ихъ и различить почти не возможно? Когда человѣкъ

чистъ, тогда и непростительное заблужденіе для него кажется маловажнымъ; ибо неиспытавшій зла и великое можетъ почесть легкимъ.

При неосновательномъ мнѣніи, при обозрѣніи вещей поверхномъ, при желаніи едва едва возраждающемся, когда сердце и на ту и на другую сторону легко можетъ преклониться, легко можетъ на что либо согласиться и отъ чего нибудь отказаться; въ такомъ случаѣ почти и различить трудно, что есть въ насъ и чего не достаетъ; чего мы боимся и что любимъ; чего ищемъ, и чего удаляемся. Сіе плачевное претыканіе коль ужасныхъ бѣдствій было виною, и коль многія производитъ даже и нынѣ! Подъ предлогомъ дружеской любви сколько мы употребляемъ иногда язвительныхъ шутокъ, ядовитыхъ колкостей, думая, что они для ближняго легки; однако часто въ семъ обманываемся: ибо легкія раны для чувствительнаго сердца бываютъ нерѣдко поразительны и смертоносны. Подъ предлогомъ мнимой слабости сколь многіе ввергаются въ нерадѣніе и разслабленіе, въ самомъ дѣлѣ опаснѣйшія; а за симъ сколько презираютъ должностей, сколько опускаютъ обязанностей, сколько дарованій

нїй погребаютъ въ землю, такъ что мученїя внутреннїя умолкаютъ, — совѣсть безмолствуетъ! Тако-то слѣпотствующїе человѣки обманываясь заблуждаютъ, и посредѣ самой погибели думаютъ, что они очень удалены отъ края бездны. Впали уже многїе въ ея неизмѣримость; а по сему коликой достойны жалости, колико виновны предъ судомъ Твоимъ, сердцевѣдче!

3 е. Путемъ *наказанїя.* Судїя праведный! что ты изрекъ нѣкогда древле въ разсужденїи беззаконныхъ; то и по днесь исполняется: *въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ* (*). Какъ вѣрнымъ и много о благочестїи пекущимся душамъ отверзаешь Ты обильно сокровища своея благодати, такъ душамъ грѣшнымъ, душамъ погрязшимъ въ чувственныхъ прихотяхъ заключаешь щедроты свои. Не льзя опасаться, чтобы дары нужные, дары общїе всегда были отъ грѣшныхъ отъяты; Ты по всеобщему Промыслу и ихъ не оставляешь; но дары частные, дары благодати оправдающїя удерживаешь. Ибо оправданїе обѣщано, и его тѣ только достойны, которые о немъ спа-

(*) Матѳ. VII. 2.

старяются и его заслуживаютъ. Нещастенъ, кто невѣрїемъ своимъ обращаетъ во зло великїе знаки Твоихъ милостей. Грѣшникъ чего долженъ надѣяться, когда онъ о малыхъ преступленїяхъ ни мало не разсуждаетъ, и потому только, что они не смертны, почитаетъ ихъ за ничто? Боящїйся осужденїя, долженъ бояться и легчайшихъ преступленїй. Всякой грѣхъ, по отношенїю къ святости Создателевой, великъ; слѣдственно заслуживаетъ тяжкое наказанїе, и оное, хотя мы не примѣчаемъ, сбывается надъ нами ежечасно. Однако не симъ только совершается нещастїе наше, когда мы опускаемъ съ малыми добродѣтелями великїя.

4 е. Дїаволъ къ горшимъ беззаконїямъ ведетъ насъ путемъ *искушенїя.* Дїаволъ, дабы погубить праведную душу, не представляетъ ей великїя беззаконїя, грѣхи явные, которыхъ одно воображенїе приводитъ въ ужасъ. Онъ вкрадывается не чувствительно, въ неосторожное сердце входитъ непримѣтно. Въ началѣ представляетъ ему не столь предосудительныя прелести; потомъ доводитъ до разсѣянїя мыслей, наконецъ приводитъ къ важнымъ преступленїямъ, съ опущенїемъ

нїемъ послѣдствій, по видимому не столь опасныхъ. Такимъ образомъ привыкаютъ мало по малу смотрѣть на бездну погибели безъ ужаса, на малыя погрѣшности съ холодностїю, на великїя безъ содроганїя. Вотъ стрѣла искушенїя вражїя! Когда ею поражается сердце наше: тогда нужно ли, чтобы вдругъ исполнялось съ нами крайнее нещастїе, или легче оное чувствовать постепенно? Нужно ли, чтобы вода капля за каплею втекала въ судно, или цѣлыми волнами, когда уже судно поглащено? Нужно ли, чтобы искра пепелилась, или ужасной пламень возгарался въ домѣ, когда уже домъ вожженъ отвсюду, и спасти его нѣтъ средствъ, ниже надежды? Нужно ли, чтобы человѣкъ шелъ тогда шагомъ, или стремглавъ низвергался въ пропасть, когда уже онъ въ ней — погибаетъ? И то и другое означаетъ крайнее бѣдствїе. Чтобъ не впасть въ зло великое, должно беречься малаго.

Порази мя, Боже праведный! спасительнымъ своимъ страхомъ при одномъ воззрѣнїи на малѣйшую опасность; порази горестнымъ раскаянїемъ при воспоминанїи легчайшихъ преступленїй, а паче всего обьими мя ог-

немъ чистыя къ Тебѣ любви; — объими, да страшуся неизбѣжнаго моего осужденія, естьли оскорблю величіе Твое. Одно имя невѣрія и всякаго грѣха да приводитъ меня въ содроганіе и въ трепетъ. Легчайшее преступленіе да будетъ мнѣ ужаснѣе, нежели всѣ временныя мученія, нежели смерть, нежели самый адъ. Тако любящіе Тебя и желающіе любить вѣчно, тако готовы служить Тебѣ до послѣдняго издыханія!

НАСТАВЛЕНІЕ XI

О

Выгодахъ малыхъ добродѣтелей.

Сколь утѣшительно для души, мало еще занимавшейся великими дѣяніями, думать, что малыя добродѣтели, нечувствительно увеличиваясь, легко могутъ насъ содѣлать совершенно непорочными! И сіе весьма справедливо, потому что малыя добродѣтели располагаютъ насъ къ великимъ, что малыя добродѣтели, совокупившись въ одно множество, составляютъ отличную заслугу, и что наконецъ малыя добродѣтели, сколько бы ни казались маловажными, будучи

дучи разсматриваемы въ особенности, въ своей цѣлости, въ своемъ продолженіи суть очень велики. *Вѣрный въ малѣ и во многомъ вѣренъ есть* (*). И такъ малыя добродѣтели какимъ могутъ быть для насъ источникомъ заслугъ, естьли только мы разумѣемъ почерпать изъ источника сего многоцѣнныя сокровища!

Открой мнѣ, Боже! сіи добродѣтели; содѣлай, чтобы я уразумѣлъ цѣну ихъ, и явился искусенъ въ ихъ совокупленіи. Будучи немощенъ по естественной слабости, совершить предъ Тобою великія жертвоприношенія; удостой благодатію своею, чтобы я хотя мало благоугодилъ Тебѣ чувствительнымъ преуспѣяніемъ въ малыхъ добрыхъ подвигахъ, чрезъ сіе могу я возвысить къ Тебѣ душу мою: и такъ буду ли столько вѣроломенъ, чтобъ вознебрегъ о легчайшемъ средствѣ моего оправданія?

Малыя добродѣтели располагаютъ къ великимъ. Весьма погрѣшительно думать, что святость состоитъ въ великихъ подвигахъ, или будто до оныя достигать должно вдругъ. Нѣтъ! Святыми дѣлаются обыкновенно по

 малу,

(*) Лук. XVI. 10.

малу, нечувствительно преуспѣвая въ дѣлахъ добрыхъ. Путь непорочности не льзя пройти въ единъ день, а надлежитъ по немъ шествовать долговременно. Тихїе путешественники надежно достигаютъ предназначенной цѣли. Ибо тихо шедши они укрѣпляются въ силахъ; тихо шедши снискиваютъ навыкъ безусталости; тихо шедши превозмогаютъ невѣроятныя трудности; а такимъ образомъ, легко успѣвая въ невозможномъ почти изнуренїи, они торжественно совершаютъ и великихъ поприщь теченїе. Святость снискивается побѣдою. При всякой же побѣдѣ бываютъ сраженїя великїя и малыя. Безъ сихъ предшествїй т. е. безъ малыхъ сраженїй рѣдко совершаются вѣнценосныя великїя. Напрасно нѣкоторые думаютъ, будто мужественно можно ополчаться противъ нападенїй сильныхъ и ужасныхъ, когда при малыхъ бываютъ безсильны. Глупо тогда надѣяться, итти подобно Гиганту, когда бывъ слабѣе младенца падаютъ на каждомъ шагу многократно. Думаешь ли ты итти въ путь; испытай прежде свои силы; къ великимъ подвигамъ прїобучи себя прежде трудами легкими; чтобъ одержать великую побѣду на-

научись прежде торжествовать при малыхъ сраженіяхъ. Яви себя прежде добрымъ воиномъ при слабыхъ нападеніяхъ, по томъ будешь героемъ и въ сильномъ ратованіи. А все сіе значитъ: будь сперва въ маломъ вѣренъ, по томъ получишь успѣхъ и въ великомъ.

Рекла истина: *Вѣрный въ малѣ и во многомъ вѣренъ есть*; глаголъ ея непреложенъ. Но я доселѣ не оказалъ вѣрности ниже въ великомъ, ниже въ маломъ. Ибо что я ни дѣлалъ доселѣ; дѣлалъ съ небреженіемъ, дѣлалъ безъ успѣха, дѣлалъ не простираясь далѣе, а паче уклоняясь отъ пути добродѣтельнаго. Вотъ жалкое состояніе, въ которомъ я по днесь живу и всегда ослабѣваю! Въ немъ едва могу возстенать предъ Тобою, Боже! Уповаю, что Ты паче просвѣтишь меня въ моемъ заблужденіи и отвратишь опасность. Помози ми, да изыду изъ бездны сея!

Малыя добродѣтели, соединившись купно, составляютъ особенную заслугу. Случаи дѣлать малыя добродѣтели суть многообразны и намъ весьма обыкновенны. Великія добродѣтели предоставлены рѣдкимъ, а малыя каждому; и потому естьли мы и въ сихъ пре-

пребудемъ вѣрны; то умноживъ заслуги, соберемъ себѣ великое небесное сокровище. Изъ малыхъ потоковъ составляются большія рѣки, и малыми днями, но многими путешественники оканчиваютъ великій путь. Чтобъ имѣть великій случай и исполнить дѣла великія, сіе бываетъ очень рѣдко; а чтобъ чрезвычайными дѣлами и чрезвычайную оказать заслугу вдругъ; сіе почти никогда не случается. Ибо есть нѣкоторая постепенность и въ добродѣтеляхъ. Человѣкъ, желающій быть добродѣтельнымъ великими подвигами, долженъ ожидать ихъ, и — можетъ быть во всю жизнь свою не дождется. Вотъ мечтаніе, въ которомъ часто многіе закоснѣваютъ и всегда ослѣпляются! Ожидать великихъ случаевъ для великихъ добродѣтелей, а между тѣмъ опускать малыя видимыя и настоящія добродѣтели; сіе означаетъ сомнѣваться о цѣнѣ малыхъ и неприметно разслаблять дѣятельность духа въ разсужденіи великихъ; и такъ сіе есть желать ни тѣхъ, ни другихъ не дѣлать.

Великій Спасителю! Ты намъ показалъ совсемъ иной путь къ предуспѣянію въ добродѣтеляхъ; Ты самъ сказалъ нѣкогда: *подобаетъ сія творити* —

ти — т. е. добродѣтели великїя, и *онѣхъ не оставляти* (*) т. е. малыхъ. Тако живутъ предъ Тобою многiя души праведныя, и на семъ твердомъ ученїи Твоемъ сколько назидаютъ заслугъ своихъ? А я напротивъ сколь много презиралъ твои наставленїя? Сколь мало старался о настоящихъ благихъ, а предполагая успѣть въ нихъ послѣ, потерялъ тысячу случаевъ къ добродѣтели? Мое упущенїе во все теченїе лѣтъ моихъ не позволило еще мнѣ ни единаго шага содѣлать къ святости; между тѣмъ другїе, какъ я вижу, уже оканчиваютъ подвигъ благочестїя. И такъ я буду жить до конца дней моихъ въ сей холодности, въ семъ нерадѣнїи, въ семъ уклоненїи отъ пути непорочности? Я знаю все то, что мнѣ должно дѣлать, и не исполняю ничего; вижу прямый путь къ оправданїю и заслугамъ, да все еще медлю по немъ итти: симъ ли средствомъ достигну Твоея, Боже! награды?

Малыя добродѣтели составляютъ великїя. Ибо малыя добродѣтели сколько бы ни были разнообразны; но, будучи разсматриваемы въ своей особен-

(*) Мат. XXIII. 23.

бенности, въ своей цѣлости, въ своемъ совокупленіи, суть очень велики. Тотъ лучше сіе знаетъ, кто чувствуетъ ихъ цѣну и важность. Однако мы болѣе ихъ презираемъ, нежели сколько любимъ. Ибо всѣ ли понимаютъ, что значатъ слова сіи, сіи великія правила: безпрестанное насиліе, безпрестанное умерщвленіе, уничиженіе ежеминутное? Не означаютъ ли они всегдашнюю жертву, всегдашнее мученичество, всегдашнюю смерть? Подлинно, не столь важно побѣдить себя въ одномъ случаѣ, сколь величественно преодолѣвать себя всегда. Малаго стоитъ вооружаться противъ себя при одномъ покушеніи на злое, но великаго, не попускать себя на оное при всякомъ соблазнѣ. Не удивительно укротить единожды возстающія страсти, но рѣдко, сохранить въ сердцѣ своемъ всегдашнее спокойство. Ничего не стоитъ потерпѣть день, одинъ мѣсяцъ своенравіе и злость людей съ нами живущихъ; но сносить сіе всякой день, во всю жизнь, каждую минуту, какое сраженіе! какое при семъ потребно мужество! какая жертва! Добродѣтель не уже ли потому только бываетъ уже маловажна, что она обыкновенна; или не смотря на сіе, самое помышленіе,

испол-

исполнить оную, означаетъ такое великое добро, которымъ великія сердца восхищаются? Много мы видимъ въ одну минуту оказавшихъ нѣкоторые подвиги; но мало такихъ, которые бы непрестанно и различныя совершали добродѣтели. Многіе великодушно сносятъ тяжкія, но минутныя болѣзни, а въ болѣзняхъ, мало по малу разслабляющихъ тѣло, рѣдкіе не отчаяваются. Многіе краткое мученіе переносятъ великодушно и твердо, а въ исполненіи легкихъ ежедневныхъ добродѣтелей оказываются малодушными и непостоянными.

Да многія добродѣтели маловажны, говорятъ нѣкоторые, и потому исполненіе ихъ наскучиваетъ. — Добродѣтели и — маловажны... Боже мой! можемъ ли мы творенія слабыя и смертныя, можемъ ли что величественнѣе исполнить что предъ Тобою, какъ добродѣтель? Добродѣтели маловажны, и потому ихъ опускаютъ; да естьли бы великія содѣлать открылся намъ случай: то могли ли бы ихъ содѣлать? Не сказали ли бъ тогда, что они превышаютъ наши силы? Добродѣтели маловажны: — но естьли они Богу пріятны и онъ ими благоугождается, то естьли ихъ что превосходнѣе?

нѣе? Добродѣтели маловажны. — Да цѣну ихъ испытали ли мы на самомъ опытѣ? — Добродѣтели маловажны: — что сего виновнѣе, какъ смотрѣть на добродѣтель, каковабъ она ни была, яко на предметъ недостойнѣйшїй не токмо нашего исполненїя, но даже вниманїя? Добродѣтели маловажны: — да не онѣ ли содѣлали нѣкогда многихъ великими святыми? — Есть, подлинно, есть по сему и маловажныя добродѣтели; но онѣ соединены съ великими побужденїями, съ великими чувствїями, съ великою любовїю, съ великою ревностїю; слѣдственно великую составляютъ заслугу, великїя означаютъ сокровища, великаго достойны воздаянїя. Двѣ лепты были нѣкогда похвалены, и мы естьли жаждущему подадимъ стаканъ воды, сїе не будетъ забыто.

Я слышу гласъ, Божественный Учителю! слышу гласъ Тобой внушаемый душѣ вѣрной, душѣ ниже что малѣйшее, служащее къ славѣ Твоей, оставляющей: поелику въ маломъ ты мнѣ явилась вѣрною; во многомъ явлю Тебѣ довѣрїе: *надъ многими тя поставлю* (*). Коль безконечны Твои щедроты мы

(*) Матѳ. XXV. 21.

мы лишь токмо похощемъ выполнить повелѣнія Твои, — соблюсти дарованные намъ таланты, и Ты въ величіи мзды своея сіяешь паче солнца. Естьли каждой поступокъ рѣшились мы обращать въ любовь къ Тебѣ: то каждое наше дыханіе обогащается новыми твоими милостями. Ежедневная и новая вѣрность наша пріобрѣтаетъ ежедневно новую благодать Твою. О! когда бы симъ щастливымъ соединеніемъ благодати и вѣрности, — благодати низводимой съ небесъ на землю вѣрностію, и вѣрности награждаемой благодатію, мы рачительнѣе переходили отъ малыхъ добродѣтелей къ большимъ, отъ заслуги къ заслугамъ; чрезъ сіе возрасталибъ мы изъ славы въ славу, и прямо взошли бы во святую гору Сіонъ. — Въ жилищѣ Божіе духомъ непорочности.

Велій Богъ нашъ взираетъ паче на сердца, а не на дѣянія. Да творимъ убо все съ любовію къ нему, и — все будетъ предъ Нимъ велико; все удостоится своего вѣнца, своего возмездія.

НАСТАВЛЕНІЕ XII.

О
Смерти грѣшника.

Ужасная смерть есть обыкновенный предѣлъ, до котораго доводитъ насъ порочная жизнь наша. Естьлибъ мы умирали токмо и смерть вводила насъ въ блаженную вѣчность: то мы не только бы оныя не боялись, но даже должны бы ее желать и воздыхать объ ней. Но когда временная кончина наша непремѣнно имѣетъ быть сопутствуема великими нещастіями, и конецъ жизни сея долженъ быть началомъ злощастныя вѣчности: то какими чувствіями объемлется душа грѣшная при приближеніи своея мстительницы? Какимъ ужасомъ поражается при приходѣ смерти человѣкъ виновный, коего вся жизнь была непрестаннымъ преступленіемъ, всегдашнимъ скопищемъ безпорядковъ? *Смерть грѣшниковъ люта* (*). Во время живота своего беззаконникъ покоился въ лонѣ радости, щастія и обилія: но вдругъ, — какая страшная перемѣна! при смерти ничего ему въ удѣлъ не остается, кромѣ

(*) Пс. XXXIII. 22.

мѣ горькихъ воздыханій и смущенія, — воздыханій при воззрѣніи на то, что теряетъ во времени, а смущенія въ разсужденіи того, что ожидаетъ въ вѣчности. Какая страшная кончина! Для того ли мы родилися, чтобъ умереть такимъ образомъ?

Умирающій грѣшникъ бываетъ въ состояніи крайней бѣдности и сокрушенія. Теряя жизнь свою, чего онъ не лишается? Лишается богатства, которымъ онъ обладалъ много и довольно; лишается друзей, съ которыми онъ жилъ весело и откровенно; лишается всѣхъ предметовъ, которые онъ крайне любилъ и ими утѣшался; лишается благодати, которую употребилъ во зло. Чтожъ ему остается? Одни грѣхи его и мученіе совѣсти!

Но еще прискорбнѣе бываетъ грѣшникъ во время болѣзни, во время приближенія своего ко гробу, во время разлученія души отъ тѣла. Живая печаль, печаль соединенная съ мучительнымъ и горькимъ сокрушеніемъ; вотъ часть достойная души, для которой самая Вѣра не хощетъ умалить строгостей своего закона! Правда, страждетъ при смерти и Праведникъ; страждетъ, да умираетъ спокойно.

 Ибо

Ибо праведникъ пріобучился уже страдать, пріобучился умерщвлять плоть свою и чувства, пріобучился къ жестокостямъ жизни строгостію покаянія; слѣдственно и пораженіе смерти для него уже не прискорбно. Праведникъ страдаетъ, да онъ покоенъ: ибо жертвою болѣзней своихъ желаетъ умилостивить раздраженнаго Бога; желаетъ, и точно надѣется жертвою сею загладить преступленія свои. Праведникъ страдаетъ, и поелику чашу горестей своихъ соединяетъ съ чашею страданій Бого-человѣка; по сему Богъ облегчаетъ скорби его, облегчаетъ силою благодати и надеждою вознагражденія. Напротивъ грѣшникъ, не обыкшій терпѣть, умерщвлять себя, прибѣгать въ немощахъ къ Богу, грѣшникъ много приверженный къ плоти своей, къ своимъ выгодамъ, чувственнымъ прихотямъ, суетнымъ удовольствіямъ, долженъ всегда чувствовать всю тяжесть и мученіе смертныя болѣзни, долженъ чувствовать безъ всякаго облегченія и пользы. Отъ сего-то во многихъ примѣтны бываютъ при смерти крайняя нетерпѣливость, крайнее безпокойство, крайнее смущеніе, которыми предстоящіе чрезвычайно поражаются, и не смотря на

всѣ свои старанія, скорби ихъ ни чѣмъ облегчить не могутъ.

Боже праведный! сей страшный жребій Ты всегда предвозвѣщалъ грѣшнику, всегда угрожалъ его имъ во исправленіе: но онъ не внялъ гласу Твоему, и такъ достойно наказуется. „Вы меня оставили, вѣщаешь ты нѣ„гдѣ въ писаніи къ умирающимъ грѣ„шникамъ, вы во всю жизнь свою без„честили меня своимъ ожесточеніемъ, „нечувствительны были къ моему пре„щенію, издѣвалися надъ моимъ зако„номъ, посмѣялись повелѣніямъ; те„перь уже *я посмѣюся погибели вашей*, „предавши васъ всей жестокости и „горестямъ мучительной смерти.„ Ужасное наказаніе! Сколь убо бѣдственно во всю жизнь свою оставлять Бога и зрѣть себя отверженнымъ отъ Него при смерти! Естьли бы служили мы Ему такъ усердно, какъ раболѣпствуемъ міру: то бы при концѣ жизни никогда не чувствовали столь страшныхъ мученій!

Но воспоминаніе о будущемъ еще поразительнѣе для умирающаго грѣшника, нежели скорбь о прошедшемъ. Кончаясь неправедный, видитъ предъ собою будущее, и сіе будущее какія жалкія картины представляетъ слезами

зами наполненнымъ очамъ его? Кончаясь неправедный, вдругъ ужасается вѣчности извѣстной, вѣчности близкой, вѣчности страшной, вѣчности неизбѣжной, вѣчности непремѣняемой. Какими чувствїями поражается сердце его при такомъ воспоминанїи?

Грѣшникъ боится вѣчности извѣстной. Во время жизни мїръ, грѣхъ, страсти такъ ослабили и исказили вѣру его, что въ немъ едва едва остается нѣсколько слѣдовъ оныя; по сему вся Вѣра его, все благочестїе его было слабое, немощное и какъ бы мертвое; видѣлъ онъ свѣтъ, но отъ него удалялся; видѣлъ истины Евангельскїя, да въ нихъ сомнѣвался; видѣлъ догматы, да временемъ покушался опровергать ихъ. Слабая искра здраваго чувства, сокрытая подъ пепломъ толь многихъ страстей, казалась быть совсемъ погашенною: но при смерти она возгарается, прїемлетъ свою силу и дѣлается гораздо пылчѣе и блистательнѣе, нежели сколько погашена и помрачена была прежде. При смерти сомнѣнїя изчезаютъ, облака мрачности протекаютъ, важныя истины о безсмертїи и вѣчности представляются во всемъ своемъ величествѣ. Грѣшникъ начинаетъ при смерти познавать

вать Бога, но ахъ! — начинаетъ познавать Его, яко дїаволъ, не съ любовїю, а съ трепетомъ, ужасомъ и боязнїю безплодною.

Грѣшникъ боится вѣчности приближающейся. Во всю жизнь свою онъ старался удалить отъ себя всякое понятїе о вѣчности. Онъ думалъ, лаская себя обманчивымъ воображенїемъ, что жизнь его еще долго не окончится; онъ взиралъ на вѣчность издалека и надѣялся тогда ей исполниться, когда будетъ на сїе его собственное желанїе. Но вотъ вѣчность приближается; она уже при дверяхъ, — входитъ — и уже воцаряется надъ развлеченнымъ сердцемъ. При сознанїи приближенїя оныя грѣшникъ чувствуетъ, что правосудный Богъ хощетъ пресѣчь теченїе жизни его, хощетъ призвать его къ себѣ на судъ, хощетъ изслѣдовать его поступки: *Заутра предстану ти* (*), глаголетъ Сердцевѣдецъ, *и узриши мя*, и узриши величїе правды моея, и узриши сколь несходны дѣянїя твои съ моими совершенствами! Коль страшно при множествѣ беззаконїй видѣть Судїю неумолимаго, щедроты свои другимъ, а не

(*) Пс. V. 4.

не намъ изливающаго! а по сему можно ли не бояться грѣшнику вѣчности, въ разсужденіи всего бытія его рѣшительно злощастныя?

Грѣшникъ боится вѣчности подлинно ужасной. Во всю жизнь свою сжималъ онъ очи свои, страшась проницать далѣе и боясь поколебать свои удовольствія. Во всю жизнь свою грѣшникъ былъ нечувствителенъ въ разсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствъ вѣчности. Но при смерти ясно видитъ всѣ послѣдствія дѣлъ своихъ, всѣ обстоятельства будущаго жребія, всѣ ужасы достойнаго наказанія. Страшное видѣніе вѣчности, въ которую идутъ многіе безъ всякаго пріуготовленія, съ пріумноженіемъ однихъ грѣховъ и съ потеряніемъ спасительныя благодати! Въ такомъ положеніи коль *страшно есть впасти въ руцѣ Бога живаго* (*), Бога раздраженнаго, наказующаго!

Грѣшникъ страшится вѣчности неизбѣжной. Рука Божія надъ нимъ уже вознесена: кто можетъ защитить его отъ пораженія ея? *Кто есть изымаяй* нечестиваго *изъ руку Господню* (**)? Умирающій грѣшникъ ни чѣмъ отъ

(*) Евр. X. 31. (**) Іов. X. 7.

отъ нея заградиться не можетъ. Вѣчность обтекаетъ его плачевнымъ мракомъ; наказанїе, достойное преступленїй неизчислимыхъ, постигаетъ его совсѣхъ сторонъ; нѣтъ ни единой отрады и убѣжища для души, въ беззаконїяхъ ожесточенной, — отчаянной. Развѣ къ тебѣ единому, Боже! должно бы ей прибѣгнуть; но грѣхи ея, кажется, на вѣки затворили входъ стенанїемъ ея къ твоему сердцу. Ты, человѣколюбче! во всю жизнь преслѣдовалъ беззаконнаго, преслѣдовалъ съ тѣмъ, дабы его тронуть и обратить на путь истинный: но онъ, яко противящїйся Iона, отъ тебя выну удалялся. Ты его по днесь наказуешь, исправляешь: но онъ ни чѣмъ не исправляется. И такъ долженъ ужасаться вѣчности нескончаемой.

Вотъ ужаснѣйшая картина! естьли бы опредѣлено было нѣсколько лѣтъ, или вѣковъ пострадать, помучиться, постенать; то бъ мы когда либо увидѣли конецъ своего злощастїя. Но не такой мы ожидаемъ вѣчности. Она начинаться будетъ всегда, и никогда не окончится. Единожды унаслѣдивъ жилище сїе, мы никакъ уже изъ онаго изыти не можемъ. Нѣтъ во адѣ избавленїя, нѣтъ и милосердїя. Царство

благодати въ мірѣ настоящемъ, а въ будущемъ одно безконечное правосудіе будетъ надъ всѣми проявлено. Какимъ трепетомъ, какимъ содроганіемъ, какимъ возмущеніемъ должны поразить грѣшника столь ужасные предметы, естьли только умирая бываетъ онъ еще въ силѣ, помыслить о неправдѣ своей и разсудить о возмездіи оныя!

Въ такомъ положеніи могъ бы онъ обратиться къ Богу, и послѣднія минуты живота временнаго употребить въ пользу живота вѣчнаго; могъ бы онъ сіе содѣлать безъ сомнѣнія, и его сокрушеніе естьлибъ было искренно, моглобъ быть принято совершенно. Но когда грѣшникъ умираетъ, — умирая страдаетъ, мучится: тогда можетъ ли что доброе сдѣлать? Всякаго человѣка, даже самаго праведника предъ концемъ жизни смятеніе совѣсти бываетъ столь велико, разлученіе съ жизнію столь чувствительно, гнусность беззаконій столь разительна, что всякой въ такомъ положеніи не знаетъ что предпринять, и на что рѣшиться. Когдаже грѣшникъ при смерти находится внѣ себя, лишается дѣятельности чувствъ и живости духа; сіе означаетъ явное наказаніе раздраженнаго Бога. Думаютъ иногда предстоящіе,

щїе, что когда умирающїй тяжко воздыхаетъ, мечется, не находя себѣ ни въ чемъ облегченїя и отрады; думаютъ, что то производитъ въ немъ болѣзнь его изнуряющая: но въ семъ обманываются. Ибо всѣ мученїя, случающїяся при смерти, означаютъ отчаянїе души, приближающейся къ страшному суду, приближающейся къ вѣчному жребїю осужденныхъ. Издыхаетъ беззаконный, умираетъ, и жребїй его уже рѣшился, — душа во адѣ.

Боже мой! коль страшно событїе кончины сїя! коль ужасны ея послѣдствїя! коль плачевны грѣшники, заслужившїе кончину сїю! предохрани мя, Человѣколюбче! отъ толь злощастныя доли; накажи мя во время живота моего всѣми за грѣхи моя посѣщенїями; токмо не попусти, чтобы я при самой смерти испыталъ всю строгость Твоего правосудїя. Много я преступленїями своими, много раздражалъ величїе Твое доселѣ: но Твое милосердїе превосходитъ мѣру грѣховъ. Потерпи убо еще мало, и азъ во всю жизнь мою, благоугождая тебѣ, потщуся заслужить оправданїе и блаженство!

НАСТАВЛЕНІЕ XIII.

О

Смерти праведника.

Праведникъ умираетъ, не сожалѣя о томъ, что оставляетъ; умираетъ въ полной надеждѣ, получить ожидаемое. Коль завидно кончить такъ жизнь временную, чтобъ послѣ несомнѣнно внити во страну живыхъ!

Боже! ты меня создалъ для наслѣдія равнаго благополучія: но жизнь моя, жизнь безплодная, жизнь порочная означаетъ пристойное пріуготовленіе къ щастливой смерти. Помози мнѣ, создателю мой! хотя остатокъ дней моихъ посвятить на пріуготовленіе къ благополучной кончинѣ. Я еще надѣюсь сего отъ Твоей благости.

Праведникъ умираетъ не сожалѣя о томъ, что оставляетъ. Никто не можетъ точно въ себѣ быть увѣренъ, точно ли онъ праведенъ предъ Богомъ во всемъ ли святъ предъ очами его: ибо никто не можетъ знать, достоинъ ли онъ подлинно любви, или заслуживаетъ ненависть. Вѣра насъ сему научаетъ. Однако хотя не можно совершенно удостовѣреннымъ быть о точномъ будущемъ своемъ состояніи: но при истинномъ раскаяніи во грѣхахъ своихъ, при

внут-

внутреннемъ свидѣтельствѣ совѣсти, при святѣйшемъ уповании на Бога можно надѣяться въ прiобрѣтенiи милостей его; можно надѣяться, естьли мы согласно съ разумомъ и Вѣрою мыслимъ, что въ существенныхъ правилахъ закона мы предъ нимъ правы, или хотя и погрѣшили, но сердечно въ томъ раскаеваемся. Въ семъ-то положенiи человѣкъ можетъ назваться праведнымъ, и по сему то-можно сказать, что онъ умираетъ не сожалѣя о томъ, что оставляетъ. Да и какое сожалѣнiе ему чувствовать можно?

Праведникъ оставляетъ мiръ: да оставляетъ ли онъ что разлучаясь съ мiромъ? Мiръ всегда намъ льститъ, всегда насъ обманываетъ; мiръ всегда неправеденъ, неблагодаренъ, во всемъ вѣроломенъ; узнавъ его, можно ли сожалѣть объ немъ? Или какъ не печалится о томъ, что мы къ нему прилѣплялись, что столь долгое время послѣдовали его мечтанiямъ, его заблужденiямъ, его соблазнамъ? Но сердце праведника сему мiру было уже мертво; во всю жизнь его всѣ суеты и прелести были для него ничто. И такъ когда умираютъ, отвергнувшись отъ всего прежде еще смерти, тогда ничего не теряютъ.

Пра-

Праведникъ оставляетъ свои богатства; смерть ихъ у него похищаетъ. Но сими благими онъ не страстно плѣнялся, ни къ единому изъ нихъ въ животѣ своемъ онъ слѣпо привержень не былъ; онъ ими обладаетъ какъ бы не обладая. Всѣ сокровища, имѣя въ рукахъ своихъ, оставлялъ онъ духомъ и сердцемъ, почиталъ ихъ не за истинное и негиблемое благо, а за случайныя потребности, потребности обходимыя; и по сему что ни имѣлъ, всемъ съ радостїю всегда жертвовалъ Богу. Желалъ бы онъ иногда большимъ изобиловать, но для того, чтобъ чрезъ сїе больше угодить вся содержащему. И такъ смерть, лишая его всѣхъ имуществъ, ничего не лишаетъ, или лишаетъ одной темницы тѣлесныя. Кромѣ сея, сказать утвердительно, онъ ничѣмъ болѣе не обладалъ въ жизни.

Праведникъ оставляетъ родителей, друзей. Жертва, подлинно, чувствительная! но онъ зналъ, что должно ихъ оставить нѣкогда, — онъ знаетъ, что ихъ оставляетъ подъ кровомъ десницы Божїя, а по сему умирая тако часто вѣщаетъ: нѣжные дѣти, любезная супруга, искреннїе друзья, рано или поздно, но непремѣнно всѣмъ намъ съ мїромъ симъ должно рас-

растаться. Богъ сего требуетъ. Однако разлучаясь, да не отчаяваемся: ибо мы паки уповаемъ соединиться нѣкогда на небеси. Праведникъ оставляетъ по сему всѣхъ, но мѣсто всѣхъ въ сердцѣ его занимаетъ одинъ Богъ, и онъ всѣхъ находитъ въ Богѣ. Такимъ образомъ оставлять ближнихъ, не значитъ оставлять ихъ на всегда, а разлучиться съ ними на время. Всѣ мы нѣкогда паки соединимся, и — соединимся вѣчно. По сему праведникъ, отходя въ будущую жизнь, пріуготовляетъ другимъ путь къ той же жизни и предваряетъ другихъ ожиданіемъ всеобщаго совокупленія въ лонѣ самого Бога.

Праведникъ оставляетъ жизнь. Да какую жизнь? Жизнь плачевную, жизнь гиблемую, жизнь подверженную многимъ бѣдствіямъ и печалямъ, а еще болѣе искушеніямъ и великимъ опасностямъ. Жизнь, въ которой столь часто принуждены бываютъ оскорблять Бога. Праведникъ, оставляя жизнь свою, не можетъ сожалѣть объ ней, а еще какъ бы услаждается кончиною оныя жертвуя Богу. Жертвуетъ онъ ею Богу, будучи исполненъ духа покаянія; жертвуетъ, зная, что она зависитъ отъ Верховнаго Существа; жертвуетъ упо-

уподобляясь во всемъ Іисусу Христу, предавшему нѣкогда жизнь и дыханіе свое въ руцѣ Отчи; жертвуетъ жизнію. — Нѣтъ! онъ желалъ бы имѣть тысящи жизней, дабы съ искренними благоугожденія чувствами посвятить ихъ своему Создателю.

И такъ далече бѣжитъ отъ него страхъ смертный. Праведникъ скорыя кончины желаетъ, ожидаетъ, проситъ. Такъ Давідъ жаловался нѣкогда на долговременное свое заточеніе: *Увы мнѣ! яко пришельствіе мое продолжися* (*)! Такъ Святый Апостолъ Павелъ желалъ нѣкогда скорѣе освободиться отъ узъ тѣлесныхъ, взывая: *Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (**)? Такъ Святые всѣ воздыхали о концѣ своего странствованія и заточенія.

Боже мой! Сколь пріятна Тебѣ жертва столь непорочныхъ расположеній! И сколь утѣшно праведнику душу свою предать во объятія Твои! Ты ее ввѣрилъ ему на нѣсколько времени, и ты паки требуешь залогъ сей для преселенія въ вѣчность. Судя по сему, что значитъ жизнь наша? Мы думаемъ *нѣчто* очень лестное, *нѣчто* очень драгоцѣнное, и по сему всегда жела-

(*) Пс. CXIX. 5. (**) Рим. VII. 24.

желаемъ пожить дольше. Но не примѣчательно, самолюбцы! мы ежедневно умираемъ, и сего не видимъ. Мы страстно прилѣпляемся къ жизни скоропреходящей, а между тѣмъ теряемъ изъ виду жизнь совершенную, — вѣчную, — блаженную. Жизнь, къ которой каждаго изъ насъ самъ Творецъ съ любовїю приглашаетъ. Боже свѣта! просвѣти умъ нашъ, возбуди сердца наши; освяти всѣ минуты дней нашихъ, чтобъ каждая изъ нихъ была для насъ вождемъ къ вѣчности.

Праведникъ умираетъ въ полномъ увѣренїи, получить ожидаемое. Онъ въ Богѣ, вмѣсто Судїи строгаго и нелицепрїятнаго, надѣется обрѣсти Отца милосердаго. Онъ умирая, ожидаетъ жизни лучшей, нежели маловременная и смертная на земли, гдѣ токмо что стеналъ, а болѣе ничего радостнаго не чувствовалъ. Онъ умирая, надѣется собесѣдовать съ другами Божїими, съ Божїими избранными, и въ сей надеждѣ полагается не столько на свои заслуги, сколько на безконечную благость Вседержителя. — Онъ отходя отъ сей юдоли плачевныя, надѣется въ вѣчности лицемъ къ лицу видѣть Господа, надѣется обладать имъ, и быть съ нимъ не разлучно со-

единеннымъ. Онъ умираетъ; — и — Небеса, кажется, развераются предъ его очами, Святые простираютъ къ нему свои руки, блаженная вѣчность разверзаетъ нѣдра свои къ его воспрїятїю.

Смерть для Праведника не есть смерть, а начало жизни безконечной, — вѣчной; есть конецъ изнурительнаго заточенїя и тягостнаго странствованїя; есть послѣ великихъ бурь и непогодъ тихое пристанище; есть преселенїе во страну живыхъ, — въ истинное наше Отечество, — въ Небеса, насъ ожидающїя.

О смерть! сколь горько воспоминать тебя человѣку, привергнувшемуся сердцемъ своимъ ко благимъ временнымъ, къ удовольствїямъ чувственнымъ, къ грѣховнымъ прелестямъ мечтательной временности! Но сколь напротивъ прїятно о тебѣ размышлять тому, кто жилъ въ мірѣ не живя міру, а Богу, и кто умирая былъ прежде еще мертвъ себѣ и грѣхамъ плоти!

Сколь прїятно узрѣть пристанище послѣ долговременнаго обуреванїя посредѣ страшнаго моря! Сколь драгоцѣнна свобода послѣ заточенїя въ мрачной и печальной темницѣ! Сколь любезенъ

безенъ миръ послѣ тысящи и тысящи сраженій! Не менѣе усладительно отрекаться отъ міра, жертвовать чувствительными прихотями строгому благочестію, умерщвлять свои страсти для того токмо, чтобъ поживъ на землѣ безгрѣшно, умереть праведно! Избранные Богоугодники съ какою радостію тогда внушаютъ плодъ своихъ подвиговъ, своихъ сраженій, своего мученія, когда умирая слышатъ отъ своея совѣсти сей гласъ пророческій: *Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ его* (*)? Въ такомъ положеніи удовольствіе ихъ бываетъ неизъяснимо.

Правда, самый праведникъ не можетъ твердо быть увѣренъ въ разсужденіи своего оправданія; самый праведникъ непрестанно долженъ страшиться грѣховъ своихъ, непрестанно обязанъ трепетать при воспоминаніи суда Божія: однако, естьли умирая и прежде еще своей смерти онъ искренно всегда раскаявался во грѣхахъ своихъ, естьли онъ во всю жизнь свою ежеденно пріуготовлялся къ суду Божію, во всемъ полагалъ упованіе свое на единаго Бога; то страшась и опа-

 саясь

(*) Пс. CXV. 6.

саясь всего, онъ ничего не ожидаетъ отъ руки Судіи праведнаго, кромѣ благости и помилованія. — Умираетъ праведникъ, и послѣднее издыханіе, хотя сознаетъ себя величія Создателева недостойнымъ, дерзаетъ яко послѣднюю жертву посвятить Богу. Минута конечная исполнилась, и — онъ прешедши отъ міра въ селенія небесныя, началъ уже жить вѣчно — блаженно. Окончилъ жизнь плачевную, да вшелъ въ жилищѣ радости, въ селеніе избранныхъ. О жилище святыхъ! О земля обѣтованная!

Гряди убо, душа праведная! поспѣшай внити въ лоно Авраамле, пріуготовляйся жити со избранными, пріуготовляйся наслѣдовать уготованное тебѣ царство Божіе. Ты же, источникъ всякаго милосердія, Боже благоутробный! сотвори сладкимъ сей послѣдній подвигъ умирающаго праведника; утиши его издыханіе, подкрѣпи въ страхѣ и отчаяніи живою вѣрою и благодатію. Онъ ждетъ минуты своего освобожденія; освяти исходъ его, да внидетъ душа, Тобою оправданная, въ блаженное жилище чадъ Тобою возлюбленныхъ. Ты самъ сказалъ нѣкогда, Промыслителю! что смерть праведныхъ въ очахъ Твоихъ драго-

драгоцѣнна. Но дабы умереть такъ; всякому надлежитъ быть безгрѣшнымъ. Ктожъ изъ насъ о правдѣ своей предъ Тобою похвалитися можетъ? Естьли не освятитъ насъ благодать Твоя; суетна наша о спасенiи надежда. Безконечное Твое благоснисхожденiе; вотъ все наше упованiе. Не оставь убо меня, Человѣколюбче! хотя при послѣднихъ минутахъ житiя моего; не предай меня горести и мученiямъ, грѣшникамъ уготованнымъ. Я былъ прежде мертвъ Тебѣ; но днесь ожививъ, сотвори, чтобъ я умеръ смертiю Христiанскою: *Да умретъ душа въ душахъ праведныхъ* (*).

А чтобъ всѣмъ сего жребiя безъ сомнѣнiя достигнуть; для сего должно жить всегда безпорочно, всегда прiуготовляясь ко смерти раскаянiемъ, всегда умирая себѣ, и — всему, что беззаконно; для сего должно удаляться отъ мiра и презирать его соблазны; для сего, прежде нежели насъ смерть постигнетъ, должно взирать на каждый день яко на послѣднiй, и при семъ благовременно надлежитъ просить Бога, чтобъ Онъ по своей благодати споспѣшилъ намъ въ праведной

 кон-

(*) Числ. XXIII. 10.

кончинѣ. Будемъ такъ всегда готовы ко смерти, и мы скончаемся праведно. Кто не хощетъ оправданія и блаженства, кто убо отречется и поживть добродѣтельно? *Да умретъ душа наша съ душахъ праведныхъ!*

НАСТАВЛЕНІЕ XIV

О

Льстивомъ человѣкоугожденіи.

Льстивое человѣкоугожденіе означаетъ низкое чувство души, чувство противное разуму и совѣсти. Оно означаетъ временемъ подлый страхъ, возбраняющій дѣлать доброе, а временемъ вынуждающій, въ намѣреніи обмануть другаго, или чтобъ не раздражить кого, дѣлать дурное. Оно означаетъ предосудительную слабость, искажающую въ насъ хорошія качества, а вмѣсто оныхъ укореняющую дурныя свойства. По сему не мало ли еще сказано, что льстивое человѣкоугожденіе стыдитъ здравый разумъ? Не нужно ли еще прибавить, что оно безчеститъ и самую Вѣру? Подлинно, порокъ сей означаетъ постыдное нѣкоторое уничиженіе, судя какъ

какъ по своему началу, отъ котораго происшекаешъ, шакъ по цѣли, къ которой стремится, и по мѣрѣ, въ какой истекаетъ. Христіанинъ, постыдись такого поведенія! *Усрамися Сіоне* (*)!

Льстивое человѣкоугожденіе означаетъ подлое уничиженіе себя самого: ибо что безразсуднѣе, а слѣдовательно что безчестнѣе для насъ быть можетъ, какъ добрыя свои намѣренія и поступки изъ минутнаго иногда благоволенія, или страха, управлять согласно съ дурными намѣреніями и поступками прочихъ, — мыслить, говорить и дѣлать не по своему здравому разсудку, а по прихотямъ постороннихъ, — одобрять хорошее и не смѣть его исполнять, видѣть дурное, и противъ расположенія дѣлать оное, — притворно подражать другимъ и имъ, такъ сказать, жертвовать своею невинностію, своими добродѣтельми. Что сего безчестнѣе?

Льстивое человѣкоугожденіе есть постыдное уничиженіе по своему началу. Ибо отъ чего оно происшекаетъ? Отъ презрительной хитрости ума, или отъ явнаго развращенія сердца.

(*) Исаіи. XXIII. 4.

Естьлибъ мы всегда старались угодить другимъ изъ чистаго добра, изъ довольнаго сразмѣренія заслугъ нашихъ съ благоволеніемъ взыскателей, изъ прямаго понятія личныхъ достоинствъ каждой уважаемой особы: то довели ли бы себя до такого низкаго поступка? Нѣтъ, хотя бы весь міръ грѣховный противу насъ вооружился; мы бы, чтобъ не польстить въ неправдѣ, согрѣшающимъ отважились сказать со Апостоломъ: *Мнѣ же не велико есть да отъ васъ истяжуся* (*). Хвалите вы меня или поносите, любите или ненавидите, но я вамъ подражать не намѣренъ. Ибо съ совѣстію не согласно, видя явное предубѣжденіе, явное пристрастіе, явную погрѣшность, хвалить ихъ, а тѣмъ еще паче, чтобъ изъ льстиваго угожденія поставлять ихъ за правило собственной жизни. Лицемѣріе стыдитъ чистоту и вѣрность.

Льстивое человѣкоугожденіе предосудительно по своему предмету. Правда, есть степени угожденія законныя и похвальныя: ибо иногда благоволеніе властей предержащихъ, иногда любовь наша и уваженіе подражаемыхъ

(*) I Кор. IV. 3.

мыхъ достоинствъ требуютъ того; чтобъ мы другимъ угождали, и прочіе угожденіемъ нашимъ услаждались: но не противно ли совѣсти, когда мы всемъ благонравіемъ, всей чистотою жертвуемъ грѣшнымъ человѣкамъ? Предъ кѣмъ мы иногда не унижаемся? Осужденные невольники всегда имѣютъ надъ собою одного начальника; справедливъ онъ или несправедливъ, строгъ или снисходителенъ; онъ одинъ занимаетъ ихъ сердце. Но узникъ, унижающійся предъ другими изъ своей воли, сколько видитъ надъ собой властителей? сколько людей, которыхъ слова его устрашаютъ? Взоры онъ примѣчаетъ, мнѣнія поставляетъ закономъ, или еще больше, которыхъ онъ не личное уважаетъ достоинство, а страсти. Плотоугодникъ когда хочетъ понравиться одной Сиренѣ: тогда наглое безстыдство считаетъ совершенствомъ. Жалкіе человѣкоугодники! до какого степени выходимъ мы изъ себя самихъ? Узники самопроизвольные! доколѣ мы будемъ нарушать скромность и справедливость? Не порокъ и страсти, а истинная заслуга и добродѣтель требуютъ нашей похвалы и подражанія. Но до какой низкости не доводитъ насъ льстивое че-

 ловѣко-

ловѣкоугожденїе и какого оно намъ вреда не причиняетъ?

Порокъ сей крайне пагубенъ для насъ по мѣрѣ своего пространства. *Уста имутъ и не возглаголютъ; очи имутъ и не узрятъ* (*), говоритъ Псалмопѣвецъ о нѣкоторыхъ законопреступникахъ. Такое описанїе кому лучше приличествуетъ, какъ не льстивымъ человѣкоугодникамъ? Они имѣютъ языкъ, но подражая, такъ сказать, обожаемому предмету, ничего говорить не смѣютъ, или говорятъ, но съ содроганїемъ, съ притворствомъ, съ обманомъ. Они имѣютъ уши, и во многихъ случаяхъ слышавъ нѣчто, притворяются, будто ничего не слыхали; а иногда не слышавъ вынуждаютъ себя сознаваться, что слышали. Имѣютъ очи, а самихъ себя не видятъ. Ибо человѣкоугодникъ на другихъ только смотритъ, а себя забываетъ. Такою слѣпотою страждущїе несравненно большаго достойны сожалѣнїя, нежели отъ природы слѣпорожденные. Ибо сихъ болѣзнь не рѣдко служитъ къ большей славѣ Создателя и къ спасенїю страждущаго: но слѣпота душевная означаетъ гибель неизбѣжную. Ког-

---

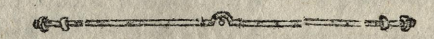
(*) Пс. 113. 13.

Когда Богъ требуетъ отъ насъ себѣ угожденія; тогда увѣряетъ насъ, что *иго Его благо и бремя Его легко есть* (*): но мы, когда унижая себя всѣми неправдами, стараемся угодить подобострастнымъ и не рѣдко самымъ соблазнительнымъ людямъ, несемъ иго самое тягчайшее, и имъ бываемъ довольны. Льстивые лицепріемники! по всѣмъ наимянованіямъ мы принадлежимъ паче Богу, — яко твореніе по его созданію, яко наслѣдники славы его по его искупленію, яко возлюбленные чада по духу. И такъ угождая самымъ людямъ, мы должны угождать святости и добродѣтели, а не грѣху и соблазнамъ.

Храня правду, любя истину можемъ мы притти иногда въ ненависть прочихъ: но что значитъ и самая любовь грѣшныхъ человѣковъ, какъ не пагубную сѣть нашу? Всякъ по своей совѣсти долженъ будетъ отдать отчетъ въ дѣлахъ своихъ Сердцевѣдцу; и такъ пусть развратники насъ осуждаютъ, ненавидятъ, гонятъ; — чтобъ избѣжать злобы сей, беззаконіямъ ихъ льстить и угождать не должно. Ревностный исполнитель благочестія сколь-

(*) Мат. XI. 30.

сколько бы ни чувствовалъ огорченій отъ того, что грѣху не угождаетъ, не трогаясь, симъ свидѣтельствомъ можетъ на всегда утѣшаться: *аще Богъ по насъ, кто на ны* (*)?

НАСТАВЛЕНІЕ XV

О

Вредныхъ слѣдствіяхъ человѣкоугожденія.

Какое бы отвращеніе возъимѣли мы къ предосудительному человѣческому угожденію, естьли бы воззрѣли на него очами Вѣры? Тогда-то бы подлинно мы сказали, что помянутое пристрастіе, какъ по низкости чувствій, имъ вдыхаемыхъ, такъ и послѣдствіямъ, отъ него проистекающимъ, есть нѣкоторое отпаденіе отъ Вѣры и нѣкоторой родъ гоненія для Христіанства. Одно воображеніе о семъ не должно ли насъ приводить въ содроганіе и ужасъ?

Безконечная Премудрость! просвѣти умъ мой, да познаю всю тяготу реченнаго порока; а прошу паче, подкрѣпи слабыя силы мои, чтобъ я надеж-

(*) Рим. VIII. 31.

надежно могъ ему сопротивляться во всѣхъ обстоятельствахъ.

Человѣкоугожденіе, по низкости чувствій имъ вдыхаемыхъ, обращается въ нѣкоторое отпаденіе отъ Вѣры. Отдавать Богу предпочтеніе предъ тварїю, — сооружать ему въ сердцѣ престолъ жертвоприношенія, престолъ благолѣпнѣйшій, нежели всякому созданію; жертвовать Богу, естьли нужно сіе, всѣми временными корыстьми, помышленіемъ, волею, — явно исповѣдывать святый Его законъ, исполнять ревностно всѣ должности званія; — такая жизнь, есть жизнь чистыя и живыя Вѣры. Но напротивъ тварь предпочитать иногда Создателю, созданію жертвовать всѣми совершенствами, врожденными и обрѣтаемыми преимуществами; сіе значитъ наглое презрѣніе Вѣры. А кто безмѣрно угождаетъ людскимъ прихотямъ: въ томъ не видно ли помянутыхъ пороковъ?

Съ одной стороны судя, всѣ мы сознаемся, что сотворены для исполненія воли Божіей, а съ другой примѣчаемъ, что міръ и развратники отъ сего насъ уклоняютъ. Богъ, естьли мы будемъ искренно служить ему, обѣщаетъ намъ и почести и богатство; но мы симъ мало плѣняемся.

Ког-

Когда же неистовые прихотники вынуждаютъ насъ, угождать и при семъ не рѣдко отягчаютъ насъ поношенїемъ и ругательствами; все сїе охотно переносимъ. Во многихъ крайностяхъ низкая нѣкоторая безразсудность, глупой стыдъ, подлая лесть и хитрое самолюбїе насильно побуждаютъ насъ, служенїе Вѣры оставивъ, любить служенїе мїру. Послѣдуя слѣпому предразсудку, мы часто забываемъ своего Создателя, раздражаемъ его непрестанно; но чтобъ забыть иногда любимую особу, раздражить ее, хотя и должно, рѣдкой на сїе покушается. Многїе изъ угожденїя подобнымъ не стыдятся того, что не угождаютъ Сердцевѣдцу. А сїе не означаетъ ли дерзскаго отъ Вѣры отпаденїя?

Читая или слыша иногда поношенїе, какое нанесли Вѣрѣ своей первобытные законопреступники, правильно мы предосуждаемъ ихъ поведѣнїе; ибо измѣнять Вѣрѣ какимъ бы то ни было образомъ, не простительно. Однако отпаденїе отъ вѣры изъ человѣкоугожденїя еще важнѣе и не извинительнѣе. Ибо древнїе нещастливцы посрамляли иногда вѣру свою неосновательностїю изъ очевиднаго страха, нарушили исповѣданїе свое, но послѣ паки признавали

вали оную не рѣдко; не рѣдко, когда многихъ тѣлеса были неимовѣрно мучимы, тогда души, обратившись ко Господу, вопіяли: „прости вину нашу, „Человѣколюбче! мы беззаконницы великіе, мы посрамители вѣры твоея, но „не изъ ожесточенія; страхъ мученій „былъ причиною нашего паденія; слабость плоти не могла соотвѣтствовать бодрости духа, и такъ мы „согрѣшили, но днесь въ преступленіяхъ нашихъ требуемъ прощенія. Не „вмѣни, Боже! грѣхъ нашъ въ ожесточеніе.„ Чувствительное раскаяніе! но какими очами долженъ взирать Богъ на пороки человѣкоугодниковъ, которые много грѣшатъ, предпочитая во многомъ тварь Создателю, предпочитаютъ, и при семъ грѣха сего не видятъ, или видятъ, но считаютъ его за нѣчто маловажное, а по сему и раскаяваться въ немъ полагаютъ за не нужное? Какой соблазнъ для вѣрующихъ! какія опасныя вытекаютъ изъ сего слѣдствія!

Человѣкоугожденіе значитъ временемъ явное гоненіе для церкви. Древнія гоненія были отъ язычниковъ, а гоненіе изъ человѣкоугожденія не утихаетъ и въ Христіанахъ; древнія гоненія касались токмо до наружности

человѣческой, а сїе погубляетъ душу, древнія гоненія содѣлали намъ мучениковъ, а сїе дѣлаетъ людей богоотступниками. Пагубныя слѣдствія, коль многие и жалкїе примѣры въ разсужденїи сего находятся въ Священномъ писанїи!

Святый Апостолъ Петръ любилъ паче сверстникъ своихъ своего учителя Iисуса; тысячекратно онъ обѣщался умереть, нежели его оставить, и — вѣрно бы онъ остался непоколебимымъ въ любви своей, въ своей вѣрѣ, въ своей твердости, естьли бы подобострастное человѣкоугожденїе не взошло въ его сердцѣ. „Не его ли ты ученикъ, „сказала ему рабыня? и Уваженїе къ сей клеветницѣ заграждаетъ уста въ разсужденїи исповѣданія вѣры Хрїстовой, заграждаетъ и творитъ отпадшимъ. Благодарность, любовь, совѣсть, всѣмъ пожертвовано человѣку; однако пожертвовано изъ страха; но изъ чего тѣми же добродѣтелями жертвуемъ иногда мы и жертвовали многїе древнїе человѣкоугодники?...

Се содрогаяся, взираю я на самое величайшее и ужаснѣйшее преступленїе, какое только могло случиться въ свѣтѣ. Человѣкоубїйства, смерти праведнаго крестителя Хрїстова Iоанна не

не угожденіе ли человѣку было причиною? Угоди плясавица, и главу Крестителя получила себѣ въ награжденіе. Но что я говорю о смерти праведнаго человѣка, усѣкнутаго Пророка; страданій и смерти самого безгрѣшнаго Богочеловѣка Іисуса не то ли же угожденіе человѣкомъ было причиною?

Пилатъ видитъ невинность Христову; объявляетъ на судилищѣ, что онъ не обрѣтаетъ вины въ семъ праведникѣ; народъ приходитъ въ смятеніе. Пилатъ еще подтверждаетъ, что онъ не хощетъ омыть рукъ своихъ въ крови Неповиннаго; но ожесточенные гонители лишъ только рекли: *нѣси другъ Кесаревъ*. Большее уваженіе къ твари, нежели къ Создателю, вдругъ втекаетъ въ его сердце; предпочтеніе Кесаря Христу вдругъ вынуждаетъ согласиться Пилата на неправедное осужденіе Праведника. Боязнь, чтобъ не неугодить волѣ Кесаревой отнимаетъ всю справедливость у начальника Преторства. И такъ человѣкоугожденіе произноситъ опредѣленіе казни, а злоба немедленно оное выполняетъ. Закланъ агнецъ безгласный; кровь его видима и на чадѣхъ ожесточенныхъ мучителей.

Страшуся я, Боже! видя такое беззаконіе въ другихъ: но чѣмъ я долженъ казаться предъ Тобою естьли оное во мнѣ существуетъ? Дабы угодить человѣкомъ, я не угождалъ Тебѣ, не угождалъ многократно. Чтобъ угодить человѣкомъ, часто я хвалилъ доброе, а дѣлалъ лукавое; любилъ порокъ, а ненавидѣлъ добродѣтель; что было во мнѣ честнаго, то нагло искоренялъ, а что безчестнаго, тѣмъ явно хотѣлъ всюду казаться, и при семъ не стыдился нарицатися Христіаниномъ. Чтобъ угодить человѣкомъ, часто я всѣми добрыми чувствованіями, всею свободою, совѣстію, вѣрою жертвовалъ однѣмъ прихотямъ грѣховнымъ, — и при семъ не стыдился нарицатися Христіаниномъ. Чтобъ угодить человѣкомъ, все мною было забыто и законъ и благочестіе; законъ, увѣряющій, что не возможно работати вмѣстѣ Господеви и мамону, а я работалъ, — да еще послѣднему паче перваго; вотъ и благочестія презрѣніе. Нещастный! рѣшусь ли я хотя отъ нынѣ угождать паче Богу, нежели человѣкомъ, и человѣкомъ грѣшнымъ? Оставивъ беззаконныхъ не отвергуся Тебя, Создателю мой! Да что я говорю не отвергуся; умру

угож-

угождая Тебѣ, не щадя жизни! ибо Ты самъ, чтобъ угодить мнѣ, оправданіемъ вѣчнымъ умеръ. Споспѣши, Сердцевѣдче! моей рѣшимости; подкрѣпи силы мои. — Я хощу избавиться отъ узъ грѣховнаго міра, только бы вѣчно, угождая Тебѣ, быть блаженнымъ и прославленнымъ. Чего же не достанетъ во мнѣ къ Твоему благоугожденію, то дополнитъ благодать Твоя и милосердіе!

НАСТАВЛЕНІЕ XVI

О

Спокойствіи душевномъ.

Внутреннее спокойствіе наше состоитъ въ соединеніи души нашей съ Богомъ, въ наслажденіи его благодатію, и въ томъ, когда она, подобно Апостолу, можетъ похвалитися о оправданіи своемъ, можетъ, хотя бы ей въ сію минуту надлежало явиться предъ Господемъ, безбоязненно на сіе рѣшиться, уповая на свидѣтельство своей совѣсти. Истиннымъ спокойствіемъ и тогда наслаждается душа наша, когда тщательно убѣгаетъ грѣховъ самопроизвольныхъ, сколько бы они малы

ни были, когда ненарушимо испол-
няетъ законъ благодати, страшась въ
чемъ либо ему воспротивиться, или
опасаясь чемъ нибудь помрачить его,
когда наконецъ старается все то ис-
требить въ себѣ, что только можетъ
препятствовать внутреннему спокой-
ствїю. На пр. естьли имѣетъ какое
сомнѣнїе, старается прогнать его ис-
тиною; естьли чувствуетъ мученїе
совѣсти, старается искоренить его
причину; естьли видитъ какое огор-
ченїе, заботы, старается усердно по-
жертвовать ими Богу; естьли испол-
няетъ заповѣди закона, то испол-
няетъ съ чувствїемъ сыновняго стра-
ха, или съ крайнимъ упованїемъ на
безконечное милосердїе.

Вотъ истинный миръ! Вотъ ис-
точникъ и основанїе истиннаго наше-
го спокойствїя! Блаженна убо и пре-
блаженна та душа, которая обладая
симъ миромъ, понимаетъ цѣну его, а
понимая старается соблюсти оный. Но
чтобъ болѣе мы сохраняли и любили
паче всего миръ сей; то разсудимъ о
немъ далѣе по тѣмъ чудесамъ, какїя
онъ производитъ въ душѣ нашей; раз-
судимъ по тѣмъ неизреченнымъ удо-
вольствїямъ, какїя превышаютъ всѣ
сладости чувственныя и даже самое

во-

вооброженіе; разсудимъ о мирѣ, каковъ есть не человѣческій, а *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (*).

Сей миръ входитъ ли въ душу нашу? Съ нимъ вся благая втекаютъ въ оную: тишина, порядокъ, спокойствіе, радость, утѣшеніе, пріятность; съ нимъ *приходятъ намъ вся благая вкупѣ* (**) по слову Соломонову. Кто имъ обладаетъ; тотъ живетъ въ Богѣ, — съ Богомъ; съ Богомъ тѣсно соединившись, — въ Богѣ, находя все свое довольство и радость. Такого человѣка суеты не безпокоятъ, печали не огорчаютъ, нещастія не удручаютъ ниже слезами, ниже воздыханіями. Въ глубокой тишинѣ страстей, при ненарушаемомъ спокойствіи чувствъ мирная душа обладаетъ сама собою, и Богъ ею обладаетъ. Душа въ мирѣ, — миръ въ душѣ, — а обоя т. е. и душа и миръ въ Богѣ. *Миръ Божій.*

Сей миръ утверждается ли въ душѣ нашей? Тогда душа наша представляетъ истинное царство Божіе. *Царство бо его внутрь насъ есть* (***). Богъ хощетъ царствовать во всякой душѣ, и — царствовать съ миромъ:

 ибо

(*) Фил. IV. 7. (**) Прем. VII. 11. (***) Лук. XVII. 21.

ибо онъ не живетъ посредѣ смятенїя: *не въ трусѣ Господь.* Когда душа волнуется; тогда она подобна обществу, колеблемому внутренним междоусобїемъ сограждан. Когда душа безпокоится; тогда смущенїе, страхъ, огнь и мечь, казнь и смерть со всѣми ужасами въ ней водворяются. Съ противной стороны въ обществѣ мирномъ все спокойно, все тихо, — законы соблюдаются, добродѣтель въ почтенїи, Монарху повинуются; сей сладкїй миръ означаетъ какъ бы душу общества, душу тѣсно связующую всѣ привязанные къ ней члены; душу яко кровь по жиламъ разливающуюся вездѣ съ обилїемъ и веселїемъ. Вотъ внутреннее царство Божїе! По обладанїю симъ миромъ душа наша есть престолъ, жилище и держава Божїя. Престолъ, ибо Господь посредѣ токмо внутренняго мира присѣдитъ и услаждается; жилище, ибо онъ посредѣ того же мира всегда жити хотѣлъ и хощетъ; держава, ибо онъ ни надъ чѣмъ не хощетъ болѣе царствовать, какъ надъ реченнымъ миромъ. Всѣ его совершенства слїянно обитаютъ въ душѣ миролюбивой. Онъ ее освящаетъ своимъ присутствїемъ, господствуетъ надъ нею своею премудростїю, управляетъ

сво-

своей силою, начальствуетъ своимъ Всемогуществомъ. Богъ любитъ миръ; — ищетъ мира, яко Царь мира, съ миромъ надъ всѣми владычествуяй. *Миръ Божій.*

Сей миръ царствуетъ ли въ душѣ нашей? Тогда душа наша подобна бываетъ пространному и покойному морю, неизмѣримому и тихому Океану. Естьли ярые вѣтры бунтуютъ, ужасныя волны одна о другую разбиваются, наступаетъ *страшная* буря; сіе означаетъ царство смятенія. Но естьли море спокойно; все перемѣняется, вездѣ примѣтна пріятная тишина, всюду чувствительна безопасность; прозрачность водъ, свѣтлость лазуревыхъ небесъ все плѣняетъ, все восхищаетъ. Вотъ живое изображеніе души, миромъ обладающія! Неизмѣримое пространство моря означаетъ неизмѣримую власть души господствующія надъ собою; глубина морская представляетъ глубокій миръ, водворяющійся внутрь ея; прохлажденіе воды означаетъ сладость мира, разливающагося по всѣмъ ея чувствамъ. *Миръ Божій.*

Или — скажемъ еще болѣе: душа находится и въ семъ мирѣ? Она изображаетъ вѣрное зерцало самого Бога и его великихъ совершенствъ. Подлин-

то! ничто не представляетъ намъ столь живо, столь чувствително величїе безсмертнаго Бога, какъ сей ненарушаемый миръ душевный! Естьли нѣтъ ничего обыкновеннѣе между смертными, какъ безпокойство, смущенїе, перемѣна и непостоянство: то душа наша тогда бываетъ, кажется, выше жребїя человѣческаго, и приближается къ соединенїю съ самимъ Богомъ, когда она блаженствуя въ правдѣ обладаетъ чистѣйшимъ миромъ. Никогда мы не можемъ имѣть о Богѣ лучшаго понятїя, развѣ воображая, что Онъ всегда одинаковъ, всегда непремѣненъ, всегда непоколебимъ какъ въ самой своей сущности, такъ въ наслажденїи вѣчнымъ миромъ и блаженствомъ. Вотъ Богъ! — Вотъ его образъ! Да не то ли же самое изображенїе носитъ на себѣ душа, ублажающая жребїй свой посредѣ праведнаго мира? Что величественнѣе и Богоподобнѣе можетъ быть, какъ видѣть душу всегда тою же и одинаковою, яко Бога, всегда спокойною, непоколебимою, тайно надъ собою владычествующею? Что яснѣе представляетъ намъ Бога, какъ не мирное души положенїе? Небо проповѣдуетъ его славу, земля доказываетъ его благость, море пред-

представляетъ неизмѣримость, а душа покоющаяся изображаетъ миръ его и съ миромъ всѣ его совершенства: ибо всѣ Божїя совершенства заключаются въ мирѣ. *Миръ Божїй.*

Но — скажемъ, еще нѣчто болѣе. Душа наша наслаждается ли симъ миромъ? Въ семъ мирѣ, и чрезъ него токмо, кажется, что она соучаствуетъ уже въ блаженствѣ и въ радости избранныхъ къ славѣ безконечной; она въ мирѣ блаженствомъ своимъ сходствуетъ съ блаженствомъ праведныхъ небожителей. Ибо что подлинно составляетъ небесное блаженство, какъ не миръ ненарушимый — вѣчный, миръ, состоящїй въ наслажденїи самимъ Богомъ, миръ, имъ же праведная душа на земли обладая видишъ исполненными всѣ желанїя своего сердца? Въ семъ-томирѣ всѣ чада Божїй живутъ, царствуютъ, будутъ жить и царствовать вѣчно: *миръ Божїй превосходяй всякъ умъ.*

И такъ вотъ что производитъ миръ душевный въ сей еще жизни; онъ способствуетъ намъ предвкушать сладость Райскую, онъ сообщаетъ намъ объ ней живое понятїе, онъ дѣлаетъ намъ ее прелестною, онъ въ сей еще жизни, въ семъ странствованїи нуж-

номъ представляетъ черты небеснаго веселія и заставляетъ предчувствовать оное; *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ.*

Представимъ мы душу свою въ различныхъ состояніяхъ, въ состояніяхъ, какія только встрѣчаются съ ней въ сей жизни; разсудимъ объ ней во всѣхъ отношеніяхъ, какія только можетъ она имѣть съ Богомъ, съ ближнимъ, съ собою: при семъ не увидимъ ли мы, какія дѣйствія, но что я говорю дѣйствія, не увидимъ ли какія чудеса въ насъ производитъ миръ душевный, — *миръ превосходяй всякъ умъ?*

Душа обладая симъ миромъ чего не исполняетъ въ отношеніи къ Богу? Покорность, повиновеніе, зависимость, ненарушимая вѣрность къ благодати, полное врученіе себя въ волю Божію, твердое сообразованіе съ закономъ, тѣсное соединеніе чувствій своихъ съ совершенствами безконечными, все сіе въ ней находится.

Душа обладая симъ миромъ чего не исполняетъ въ отношеніи къ ближнему? Любовь, благость, кротость, снисхожденіе; все въ ней царствуетъ обильно. А на противъ несогласіе, злоба, зависть удалены отъ ней; удалены, ибо они не означаютъ чувствій

мира.

мира. Видитъ по сему она другихъ проступки и ихъ великодушно переноситъ; видитъ другихъ нужды и имъ помогаетъ; видитъ бѣдность, и оной состраждетъ.

Душа обладая симъ миромъ чего не исполняетъ въ отношенiи къ себѣ самой? Въ какомъ бы она ни была обстоятельствѣ, но естьли миръ съ нею, она всегда одинакова; ее ничто не перемѣняетъ. Лишившись всего, она все находитъ во обилiи мира. Имѣнiе ея похищено, щастiе низпровергнуто, здравiе умалилось, мiръ видимый ей измѣнилъ — да душевный цѣлъ, и такъ она на развалинахъ временнаго благополучiя съ торжествомъ воздвизаетъ и утверждаетъ престолъ славы Богу мира. Такимъ образомъ въ житейскихъ ли обстоятельствахъ, или въ правилахъ благочестiя и Вѣры нужно для ней удовольствiе и оправданiе; возлюбить токмо должно миръ, — миръ все составляетъ, и спасенiе и славу вѣчную.

Должно ли при подножiи престола, или посредѣ храма приносить Богу молитвы? Она приступаетъ къ нимъ съ дерзновенiемъ, входитъ съ надеждою, предстоитъ съ радостiю, воздѣваетъ руки съ умиленiемъ, воздыхаетъ

хаетъ съ теплою любовїю, и сїи дѣйствїя суть дѣйствїя мира. Должно ли ей совершить таинство покаянїя? Она твердо почитаетъ таинство сїе за союзъ и примиренїе съ Богомъ, а посему, видя свои грѣхи, смиряется, смиряясь не предается въ страхъ рабскїй и гибельное отчаянїе, а скорѣе спѣшитъ явиться предъ священника; спѣшитъ и утѣшается, когда слышитъ: *иди въ миръ* (*). Должно ли ей приступить къ Святой вечери? Она грядетъ насладитися Богомъ мира. Миръ сей предъявляетъ путь къ трапезѣ небесной, располагаетъ ея чувствїями, уготовляетъ ее достоянїе. Она приступаетъ къ Богу и Богъ благости съ нею соединяется. Миръ въ мирѣ водворяется. Тако миръ управляетъ, сопутствуетъ человѣку и утѣшаетъ его во все теченїе жизни, — да онъ не оставитъ его при самой смерти, онъ будетъ сопровождать его даже до гроба, — и тогда-то дастъ ему болѣе возчувствовать свою цѣну и прїятность.

Я восхищаюсь духомъ къ послѣднимъ минутамъ; я присутствую при страшномъ одрѣ умирающаго человѣка,

(*) Лук. VII. 50.

ка. Какое вижу вокругъ его позорище! Все кажется земное его устрашаетъ и приводитъ въ робость, и плачъ ближнихъ и свое возмущенiе. Се окружаютъ его тѣни смертныя, предъявляется мрачность гроба, мечтаются страшныя привидѣнiя, смятенiе и трепетъ обемлютъ его внутренность; всѣ чувства его содрогаются при воспоминанiи вѣчности: но миръ душевный лишъ только возжетъ свой пламенникъ; при лучезарномъ сiянiи сего небеснаго свѣта тѣни смертныя изчезаютъ, мрачность гроба пропадаетъ, привидѣнiя уничтожаются. — Миръ душевный лишъ только покажется очамъ умирающаго; всѣ ужасные предметы измѣняются въ прiятные, смерть представляется сномъ, Судiя нелицепрiятный нѣжнымъ отцемъ, вѣчность блаженствомъ, конецъ жизни началомъ жизни безсмертной и владычествомъ мира.

О миръ! о сладость душевная! о плодъ небесный! сколь вы велики и отрадны! Миръ небесный, пребуди въ семъ мiрѣ — возцарствуй посредѣ насъ, чтобъ мы не опасались ниже чего во времени страшнаго. Но что я говорю не опасались страшнаго? Чего мы не должны страшиться, дабы ты за него-

годованіе наше на сїю юдоль плачевную не прелѣтелъ на Небеса и тамъ не утвердилъ своего жилища? Естьли нѣтъ тебя нынѣ въ мірѣ, коль алчно желаемъ мы узнать, гдѣ ты обитаешь! Куда должно итти, дабы обрѣсти тебя? Чѣмъ можно заплатить за тебя, — яко за сокровище безцѣнное? Что надобно исполнить, дабы обладать тобою?

Все сїе находится въ тебѣ самой, душа вѣрная! Ты найдешь его, будешь обладать имъ, естьли только искренно его пожелаешь. Онъ требуетъ, — ищетъ единаго сердца, прїуготовленнаго въ жилищѣ ему. Расположи ты для него оное; онъ утвердитъ въ тебѣ царство свое съ царствомъ Божїимъ.

НАСТАВЛЕНІЕ XVII

О

Томъ, какъ прїобрѣтать и сохранять миръ душевный.

Миръ душевный естьли означаетъ благо столь великое, столь нужное и столь божественное, то какїя намъ должно употреблять средства, дабы прїобрѣсть и сохранять оный?

От-

Открой мнѣ сїи спасительныя средства, Боже мой! Я желаю познать ихъ и ими воспользоваться; желаю употребить ихъ на снисканїе того, чего мнѣ миръ дать не въ силахъ, а только Твоя единая благодать доставить можетъ.

Первое средство къ прїобрѣтенїю и къ сохраненїю мира, есть избѣжанїе всякаго грѣха. Ибо грѣхъ есть непримиримый врагъ мира сего. Онъ есть мечь обоюду острый, мечь болѣзненно порожающїй сердце; грѣхъ есть ядъ, на части разрывающїй нашу внутренность; онъ есть червь, точащїй нашу утробу. Грѣхъ и миръ никогда не были между собою въ согласїи. И подлинно, какимъ миромъ можно тогда наслаждаться, когда мы бываемъ врагами Божїими?

Я понимаю, Создателю мой! что все справедливо въ законѣ Твоемъ; премудрость Твоя ничего въ немъ не помѣстила, чтобъ было превыше силъ моихъ, и правосудїе Твое никогда не будетъ наказывать меня за не возможное. По сему теряя благодать Твою, достойно теряю и миръ душевный; когда я дѣлаюсь врагомъ Твоимъ; праведно и себѣ самому врагомъ дѣ-

лаюсь;

лаюсь; ища удовольствія внѣ Тебя, правильно нигдѣ ничего не нахожу, кромѣ прискорбія духа и горести сердечныя. Но нещастіе мое было бы несравненно еще больше, естьли бы я во грѣхахъ своихъ находилъ миръ свой! — Окаяненъ остался бы я на всегда, естьли бы въ великихъ безпорядкахъ жилъ спокойно. Въ такомъ положеніи чье ослѣпленіе могло бы съ моимъ сравниться? Нещастіе мое было бы величайшее. Жить во грѣхѣ и пребывать въ покоѣ, сіе значитъ, что Твоя безконечная благость совсемъ меня оставила, и я долженъ погибнуть непремѣнно въ заблужденіи моемъ. Однако я къ Тебѣ прибѣгаю, неисчерпаемый источникѣ милосердія! надѣюсь, что Ты меня падшаго возставишь Да и гдѣбъ мнѣ искать отраднаго убѣжища, естьли бы посредствомъ внутренняго душевнаго содроганія Ты мнѣ не давалъ возчувствовать, что я не тотъ, какимъ бы мнѣ быть надлежало; что душа моя дотолѣ будетъ возмущаться, доколѣ я не оставлю грѣхъ, и что потерявъ единожды миръ праведный, могу я потерять съ нимъ благополучіе свое вѣчно? Ты изрекъ, Боже! и слово твое во вѣкъ истина: *нѣстъ мира въ*

костехъ

костехъ грѣшничихъ отъ лица грѣхъ его (*).

Помни убо свидѣтельство сïе, душа моя, и никогда не забывай его. Естьли ты хощешь наслаждаться внутреннимъ миромъ; убѣгай грѣха, страшись его, трепещи при воззрѣнïй на оный, такъ какъ при видѣнïи страшнаго чудовища; знай, что какъ скоро грѣхъ внидетъ въ твое сердце, миръ уже изъ него изгнанъ. Миръ изгнанъ — что же гонитель его можетъ представить тебѣ въ замѣну потери сея, въ замѣну мира, — въ замѣну блага, коего паче всего должно желать въ мïрѣ семъ? Бойся убо грѣха, чтобъ не потерять мира!

Второе средство къ прïобрѣтенïю и сохраненïю душевнаго спокойствïя есть избѣжанïе всякаго высокоумнаго суевѣрïя, всякаго гордаго сопротивленïя благодати и гласу Божïю. Духъ Святый сказалъ, и опытъ справедливость словесъ его открылъ надъ милïонами беззаконныхъ: кто есть, противяйся Богу и обрѣтый благо мира? *кто жестокъ бывъ противу его, пребысть* (**)? Не льзя противиться благодати Божïей, не чувствуя, сколь сïе про-

(*) Пс. XXXVII. 4 (**) Iов. IX. 4.

противно Богу, сколько симъ поражается сердце его, сколько опечаливается Святый духъ? А при семъ внутреннемъ преступленiй своихъ сознанiи можно ли быть спокойнымъ, можно ли не скорбѣть о томъ, что удалившись отъ пути истиннаго правда и миръ никогда уже въ душѣ нашей не произведутъ радости неописанной, никогда въ ней не соединятся? Ибо въ праведной токмо душѣ, въ душѣ кроткой и богобоязненной *правда и миръ облобызастася* (*).

Ахъ! сколь мало я понималъ прежде важность потери сея! Естьли я многократно лишался внутренняго спокойствiя, естьли я когда смущался духомъ и мучимъ былъ совѣстiю: то не иное что сему было причиною, какъ невѣрiе и сопротивленiе мое гласу благодати. — Огорчался я прежде многими обстоятельствами: но всѣ бывшiя огорченiя не означали ли тайнаго увѣщанiя, чтобы я проснулся, возсталъ, исправился, чтобъ престалъ раздражать Бога, престалъ ему противиться, престалъ печалить Духа Святаго въ сердцѣ своемъ, чтобы пожалѣлъ нарушать миръ и погублять спокой-

(*) Пс. LXXXIV. 11.

спокойствіе своей совѣсти? И я всегда былъ нечувствителенъ!

Нещастный! сколь въ многомъ сопротивленіи и невѣріи я долженъ обличать самого себя? Сколько разъ я изгонялъ миръ изъ сердца своего? Поражало меня внутреннее безпокойство, и уста мои скоро вопрошали душу мою: *вскую прискорбна еси?* Не долженъ ли я былъ узнать, что причина всѣхъ огорченій скрывается во мнѣ самомъ, въ моемъ сопротивленіи благодати Божіей? Много въ семъ погрѣшилъ умъ мой, и — что, естьли я и нынѣ еще не престану сопротивляться волѣ Отца Небеснаго? Вѣчный мракъ, всегдашнее смущеніе и непрекратимое мученіе всюду меня будутъ преслѣдовать. Боже мой! я ласкаюсь, соблюсти миръ въ душѣ своей, миръ, превышающій цѣною своею всѣ сокровища видимаго міра; а по сему готовъ убѣгать всего, что только можетъ не только совсемъ потребить, но даже хоть мало поколебать миръ сей. Естьли же всякое сопротивленіе Твоему гласу, всякое невѣріе благодати Твоей можетъ быть великимъ препятствіемъ сему миру: то я при самомъ легчайшемъ смущеніи буду отнынѣ думать, что Ты

много раздраженъ мною, много моими студодѣяніями прогнѣванъ, многая вина моя предъ Тобою. Въ такомъ положеніи можно ли намъ наслаждаться истиннымъ спокойствіемъ? Сердце невѣрное не естьли изображеніе ада, вмѣщающаго въ себѣ необлегчаемыя мученія для заслуживших оныя? Коль жалко, вѣчно пребывать въ смущеніи! а чтобъ отъ него избавиться, не должно быть вѣроломнымъ противникомъ внушеніямъ благодати.

Третіе средство къ сохраненію душевнаго мира есть умерщвленіе страстей и чувствъ. Душа моя! желаешь ли ты имѣть миръ съ Богомъ? Объяви войну себѣ самой; всякая страсть есть врагъ нашего спокойствія; поелику она возмущаетъ и разрушаетъ порядокъ Божій. Чтобъ миръ въ насъ царствовалъ, должно страсти покорить подъ его владычество. Миръ всегда хощетъ обитать въ насъ яко полномочный властеначальникъ, и по сему должно, чтобъ все ему было покорено. Его престолъ созиждется на тишинѣ и безмятежіи; а всякая страсть производитъ волненіе въ душѣ нашей, слѣдственно усмиривъ оную, надлежитъ отдать ее въ плѣнъ мира.

Ты

Ты сказалъ, Спасителю мой! *Не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ* (*) т. е. чтобъ обрѣсти всякому миръ душевный, миръ оправданія и веселія вѣчнаго; для сего нужно вооружаться противу себя самого, нужно мечь умерщвленія страстей взять въ руку охотно и держать его крѣпко; нужно имъ всѣ злыя наклонности, всѣ порочныя предпріятія пресѣкать мужественно, неослабно. Ибо многими только сраженіями и войною противъ себя непрестанною мы можемъ получить побѣду и одержать миръ совершенный. Чтобъ насладиться тишиною, должно поразить и покорить враговъ своихъ. Иначе возставая противъ насъ непрестанно, они поработятъ насъ подъ свое мучительное иго и постыдное для насъ уничиженіе.

Чего опасаясь съ какою ревностію мнѣ должно вступать въ сраженіе сіе? Естьли я истинно желаю пріобрѣсть и сохранить миръ душевный, миръ составляющій полное благополучіе всего бытія моего: то на что не отважусь духомъ? Кого не побѣжду изволеніемъ сердца? Но чтобъ на самомъ дѣлѣ успѣть въ духовной побѣдѣ, Ты самъ

 мнѣ

(*) Матѳ. X. 34.

мнѣ помози, Боже мира! самъ укрѣпи меня въ сраженіи со страстями моими, въ сраженіи столь опасномъ для меня при моей слабости. И Твоя помощь не столько для меня нужна для сисканія реченнаго мира, сколько для умноженія Твоей славы.

Четвертое средство къ пріобрѣтенію, къ наслажденію и къ сохраненію душевнаго мира, средство всѣхъ надежнѣйшее и непреложное есть совершенное повиновеніе воли Божіей, полное препорученіе себя во власть Его Промысла. Повергнемся во объятіе Отче; пусть Онъ располагаетъ жребіемъ нашимъ велемощно; предадимся во всемъ въ управленіе безконечныя премудрости; она доставитъ намъ все нужное; не смотря ни на какіе горькіе случаи жизни своей, не дѣлая никакихъ о превратностяхъ жребія человѣческаго умозаключеній, речемъ въ себѣ внутренно: *да будетъ воля твоя*; по сему и вредъ для насъ обратится въ пользу. Въ такомъ щастливомъ расположеніи, что можетъ поколебать миръ души, всегда тому повинующейся, чего Богъ хощетъ и что исполняетъ? Что можетъ лишить спокойствія сердце, взирающее спокойнымъ окомъ на всѣ произведенія Промысла,

и тогда въ благодарность подъемлющаго руки свои къ небесамъ, когда скорбитъ частію подъ легкимъ бременемъ минутныя печали?

О, сколь свято сіе средство! сколь надежно и несомнѣнно! Душа, шествующая симъ путемъ пріобрѣтенія, вскорѣ достигнетъ желаннаго мира. А ты, душа моя! лишена сего драгоцѣннаго спокойствія; ты не хотѣла итти путемъ симъ, не хотѣла даже доселѣ. Но естьли бы твердо была увѣрена, какія изъ того проистекаютъ удовольствія: какихъ бы заслугъ не оказала? Аще бы разумѣла хотя въ единъ день то, что служитъ къ миру твоему; крѣпко бы его возлюбила: но бывъ ослѣплена страстями и мечтаніями, ты не познала своего благополучія, устранилася отъ стези мира, обманчивыми и кривыми путями дошла до великой опасности, лишилась надежды къ истинному удовольствію и радости. *Нынѣ же скрыся отъ очію твоею* (*) миръ душевный. Чѣмъ ты замѣнишь сіе?

Познай заблужденіе свое, оплачь преступленіе; сознайся, сколько ты виновна, когда желая мира не рѣдко на-

(*) Лук. XIX. 42.

напоминала: *Миръ миръ* (*): но днесь желанія твои не выполняются; поелику ты не знала чѣмъ обрѣсти миръ: *и небѣ мира.*

Боже благоутробный! могли ли бъ мы заблуждать такимъ образомъ, естьли бы истинно вѣрили, что ты Отецъ нашъ, что Ты желаешь намъ всякаго блага, что Ты знаешь все съ нами встрѣчающееся, и обращаешь на пользу? Вѣруемъ мы въ Твой Спасительный Промыслъ; но конечно мало, и по тому не обрѣтаемъ мира. Помози убо невѣрію нашему, чтобъ мы живя по волѣ Твоей выну, яко чада радовались въ объятіяхъ нѣжныя Матери. Съ слезами и на слезы мы вышли въ свѣтъ сей: но сотвори, чтобъ изходя изъ него сердце наше исполнено было радости; рцы душѣ, живущей по закону Твоему: *иди въ мирѣ.*

НАСТАВЛЕНІЕ XVIII.

О

Любви къ Богу.

Человѣки, произшедшіе изъ рукъ Божіихъ и сотворенные по образу его! вотъ великая и непреложная заповѣдь, ко-

(*) Іер. VI. 19.

которую виновникъ бытія вашего предлагаетъ вамъ для достиженія къ истинному благополучію: любите Бога своего всемъ сердцемъ своимъ, всемъ помышленіемъ и всею крѣпостію своею: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего* (*). Отецъ желаетъ быть любимъ яко Отецъ; другъ желаетъ быть любимъ яко другъ; Государь желаетъ быть любимъ яко Государь; а Богъ яко Богъ, т. е. мы должны любить его во всемъ, — прежде всего — превыше всего, — ни съ чѣмъ несравненно. Любовь всегда должна быть сообразуема съ важностію любимаго блага. Естьли какое добро не такъ важно, то и любовь бываетъ слабая; а естьли оно очень драгоцѣнно, то и любовь должна быть пламенная. Но когда благо неизмѣримо, — безконечно, то и любовь, естьли только сему быть можно, должна быть столько же безконечна и неизмѣрима, какъ самое благо. Предположивъ сіе знаемъ мы, что Богъ есть благо, всѣ прочія превосходящее; слѣдственно и любовь наша къ Нему должна быть превыше всякой другой любви. Мы его должны любить болѣе всего; болѣе своихъ бо-

(*) Втор. VI. 5.

гатствѣ, ибо онѣ тлѣнны; болѣе нашихъ друзей, ибо они смертны; болѣе своея жизни, ибо она гиблема; болѣе самаго бытїя нашего, болѣе себя самихъ, ибо мы *о немъ движемся и есьмы* (*). *Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего.* Вотъ любовь, величїя Божїя достойная, любовь славная; но мы никогда объ ней не разсуждали, никогда ее не исполняли.

Въ чемъ же подлинно состоитъ сїя любовь пресовершенная, и что она исполнять обязываетъ насъ? Она означаетъ высочайшее почтенїе, занимающее первое мѣсто въ сердцѣ нашемъ; она означаетъ непреоборимую приверженность къ закону Божїю, обязывающему насъ дружество съ Богомъ предпочитать всякому благу, проистекающему изъ дружелюбїя человѣческаго; она означаетъ внутреннее расположенїе сердца, столь великое, что естьлибъ представили намъ съ одной стороны обязательства любить Бога, а съ другой побужденїе любить чтолибо земное, троны, вѣнцы, скипетръ, вся благая сотворенная и возможная; вдругъ отъ всего надлежало бы намъ отказаться, дабы соблюсти благодать Божїю; лучше

(*) Дѣян. XVII. 28.

чте надлежало бы намъ презрѣть вѣчное обладанїе тысящїю мировъ, нежели на одну минуту охладѣть въ любви Божїей; она означаетъ благородную рѣшимость души, души расположенной предпринимать всякую тягость, жертвовать всѣмъ Создателю, претерпѣвать все изъ угожденїя ему, нежели чѣмъ либо огорчить величїе его. Она означаетъ твердость духа, которую никакїя нещастїя, никакїя мученїя, ниже какая смерть, ниже тысящи смертей, представляемыя очамъ нашимъ, никакъ ее поколебать не могутъ.

Таково есть превосходство любви, требуемыя отъ насъ закономъ! Отъ сей верховной любви проистекаютъ всѣ другїя расположенїя къ Богу. *Вниманїе*, которое наслаждается существенными и неизрѣченными Божїими совершенствами, неотлучно пребывающими въ немъ самомъ, на пр. Его славою, его величествомъ, его блаженствомъ. *Угожденїе*, приносящее Богу всякую честь, достойную его величїя, желающее ему поклоняться, служить и прославлять его во всей вселенной. *Благодарность*, возхваляющая Творца щедротъ выну за всѣ бывшїе и настоящїе знаки его милосердїя. *Рас-*

кая-

каянїе, горестно болѣзнующее о томъ, что когда либо не любилъ духъ нашъ Создателя, или огорчилъ его. Всѣ сїи добрыя чувствїя происходятъ отъ одного начала, всѣ сїи благочестїя потоки проистекаютъ отъ единаго источника. Сколь многїе образы, угодить Богу, заключаются въ единой любви предпочтенїя Его всѣмъ тварямъ, въ любви, составляющей первую и главнѣйшую Хрїстїанскую заповѣдь: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего.*

Но сїя любовь столь высокая, столь совершенная можетъ ли быть въ мїрѣ? Можетъ ли при всей нащей слабости и несовершенствѣ? Думать должно, что на небесахъ только, гдѣ мы увидимъ Бога лицемъ къ лицу, гдѣ ничѣмъ не будетъ развлечено наше сердце, тамъ-то мы возлюбимъ Господа своего совершенно. А здѣсь — на земли, въ сей юдоли плачевной, гдѣ многїе предметы насъ развлекаютъ, гдѣ обуреваютъ насъ многїя искушенїя, гдѣ владычествуютъ надъ нами страсти, какъ намъ любить Господа при толикомъ множествѣ претыканїй? Какъ любить его совершенно? Очень удобно!

Любовь къ Богу можно понимать двояко, или въ ея совершенствѣ, или въ самой сущности. По *совершенству* судя она состоять должна въ чувствительной и непрестанной горячности, въ живой и непоколебимой приверженности, во всегдашнемъ умственномъ лицезрѣнiи совершенствъ безконечныхъ, въ строгой дѣятельности и отправленiи всякаго предпрiятiя какъ бы въ явномъ съ нами присутствiи Бога. Въ такомъ разумѣ любовь наша въ мiрѣ семъ не можетъ быть совершенна, и точно сбудется на небеси. Ибо когда мы занимаемся здѣсь безчисленными суетами, различными житейскими должностями: тогда душа наша не можетъ соединиться тѣсною съ Творцемъ своимъ любовiю. Но что касается до любви, взятой въ самой *сущности*, въ любви, состоящей въ семъ, чтобъ Бога почитать превыше всего, всегда быть готовымъ, лучше лишиться всего временнаго, нежели его благодати; сiя заповѣдь не только легка по умозрительности, но даже на самомъ опытѣ засвидѣтельствована многими праведниками. Тысячи мучениковъ любовь свою къ Богу запечатали кровiю своею; слѣдственно любовь сiя возможна, а тѣмъ паче, что любить Бога составля-

вляетъ все наше благополучїе, всю радость, все утѣшенїе. Но чувствуемъ ли мы въ себѣ любовь сїю? Сердце наше хладно, развлеченїе велико. Когда мы приближаемся къ Богу, когда о немъ бы только единомъ надлежало намъ думать: тогда сердце наше ничего не чувствуетъ. Въ разсужденїи всего мы очень живы, а въ разсужденїи Бога бываемъ какъ бы безъ души и сердца. Страшно не любить Господа!

А чтобъ совсемъ испровергнуть предосудительные предлоги нашего хладнокровія; для сего нужно еще вѣдать различїе любви чувственной и прїятной, отъ любви основательной, отъ любви чистыя вѣры. Чувственную любовь мы оказываемъ тогда, когда видимъ нѣкоторое удовольствїе, утѣшенїе. Сердце наше въ такомъ положенїи хотя съ восторгомъ прилѣпляется къ Богу: однако, поелику любовь сїя зависитъ не отъ насъ, не отъ внутренняго расположенія, а отъ внѣшнихъ побужденїй, отъ какой нибудь случайной выгоды, или минутной радости; любовь сїя не похвальна. Можно любить Бога не имѣя слїянія съ чувственными побужденїями: ибо многїе святые чувственной любви были не причастны. Будемъ довольны

любовїю чистою, любовїю Вѣры: будемъ расположительны всѣмъ пожертвовать Богу, все изъ угожденїя ему терпѣть; рѣшимся лучше тысячу разъ умереть, нежели оскорбить Бога и лишиться его благости; симъ докажемъ любовь основательную, любовь чистыя вѣры, и чтобъ въ семъ успѣть, предадимся его безконечной благости.

Но любя Бога, не ужели намъ совсемь запрещается любить что либо кромѣ его? Нѣтъ! Богъ не благоволилъ въ сердцахъ нашихъ погасить всякое чувствованїе добра; не создалъ насъ хладнокровными въ разсужденїи невинныхъ предметовъ, которыхъ *не любить* запрещаетъ онъ самъ гласомъ природы и разума. Не повелѣваетъ онъ намъ любить что либо любовїю безмѣрною, неограниченною, превышающею иногда любовь его благости: но позволяетъ напротивъ любить все съ мѣрою, съ границами, съ отношенїемъ любви каждаго предмета къ умноженїю его любви божественной. По сему предположенїю родители любите дѣтей своихъ, супруги любите супругъ своихъ, друзья любите друзей вашихъ, но только любите ихъ о Господѣ, любите для Господа, а не

такъ, какъ должно любить самого Бога, или лучше, любите въ нихъ Бога. Любовь къ Богу, говоритъ Б. Августинъ, подобна великой рѣкѣ, разливающейся въ широкой долинѣ, въ которую всѣ мѣлкїе источники сливаются купно. Такъ и любовь къ Богу должна разливаться въ нашемъ сердцѣ. Всѣ другїе источники горячности нашей, яко мѣлкїе потоки, должны стекаться въ едино, къ единой любви Божїей, яко въ безмѣрный Океанъ. А такимъ образомъ можно любить Бога во всемъ и всѣхъ, и вся въ Богѣ.

Да по чему можно узнать, что любятъ Бога? Предложивъ вопросъ сей, хотя я и самъ не имѣлъ къ тебѣ любви, Боже! да теперь хощу любить, и болѣе, нежели сколько хладенъ былъ прежде, любить тебя, Боже!

По чему можно узнать, что мы любимъ Бога? Вѣрный и неложный знакъ любви сей каждой въ себѣ можетъ примѣтить изъ каждаго поступка. Никто не знаетъ любитъ ли его Богъ, или ненавидитъ. Тайна сїя сокрыта въ Господѣ; да всякая вѣрная душа, хотя бы и признавала себя слабою любить Бога,

усер-

усердіе ея драгоцѣнно. Вотъ нѣкоторые знаки любви Божіей! Они хотя не столь надежны, чтобъ намъ ими хвалитися было можно, однако всякой ими утѣшаться можетъ. 1е. Желаешь ли искренно и пламенно любить Бога? Когда такъ, уповай, — будь увѣренъ, что непреоборимое желаніе всегда оканчивается съ успѣхомъ; стоитъ только возжелать любви Божіей, а при семъ Онъ самъ воцарится въ сердцѣ нашемъ, воцарится и имъ возобладаетъ. 2е. Съ удовольствіемъ ли ты всегда разсуждаешь о Господѣ? Когда говоришь о Немъ, воспоминаешь Его милости; съ благоговеніемъ и съ благодарнымъ ли духомъ сіе исполняешь? Естьли такъ, то утѣшайся, что ты Бога любишь и Онъ тебя больше возлюбитъ. А когда ты больше думаешь о прелестяхъ міра, болѣе плѣняешься земными благими; страшись, сердце твое развлеченно, и тѣмъ паче страшись, чтобъ оно при развлеченіи совсѣмъ не охладѣло. 3е. Ужасаешься ли ты грѣха? Взираешь ли на него, яко на зло величайшее? Когда такъ, то надѣйся, что нѣтъ лучшаго и доказательнѣйшаго знака любви Божія, какъ страхъ въ разсужденіи грѣха. 4е. Сохраняешь ли ты заповѣди Господни?

 Ста-

Стараешься ли выполнить всѣ обязательства закона? Естьли такъ, то не безпокойся, ты любишь Бога. Іисусъ Христосъ намъ проповѣдуетъ, что аще кто хранитъ законъ его, тотъ любитъ Господа и Господь его любитъ. *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя; а любяй мя, возлюбленъ будетъ отцемъ моимъ, и азъ возлюблю его* (*). 5е. Когда ты любишь Бога: не умственно ли токмо его любишь? Дѣянія добрыя означаютъ лучшую любовь къ Нему; дѣянія добрыя превосходнѣе всякаго умозрительнаго размышленія о величіи Божіемъ. Ибо всякое мудрованіе льститъ только нашему самолюбію, а добродѣтель оправдываетъ. *Разумъ кичитъ, а любы созидаетъ* (**).

Сколькобъ мы были блаженны, естьли бы соединивъ всѣ сіи знаки во едино, могли твердо надѣяться, что мы совершенно любимъ Господа! Сколько бы мы были прославлены, естьли бы вмѣщая всѣ знаки реченныя любви въ сердцѣ своемъ понимали все ихъ величіе, красоту, превосходство и награду! Но разсмотримъ еще въ нѣкото-

(*) Іоан. XIV. 21. (**) 1 Кор. VIII. 1.

торыхъ обстоятельствахъ любовь Божію, чтобъ болѣе любить Его.

Она означаетъ дѣйствіе непорочнѣйшее изъ всѣхъ дѣйствій жизни; она есть достойное расположеніе величія Божія; она есть героическое чувствіе твердаго духа; она есть важнѣйшая должность Вѣры; она есть высочайшая добродѣтель Христіанства; она есть святѣйшее занятіе невиннаго человѣка; она есть приличнѣйшая жертва, какую только можно приносить Богу; она насъ уподобляетъ небеснымъ духамъ, показуетъ путь въ нѣдро живаго Бога; она насъ возноситъ нѣкоторымъ образомъ въ царство избранныхъ, въ царство блаженства вѣчнаго, возноситъ, когда еще мы обитаемъ на земли.

Дѣйствіе любви къ Богу совершенной столь велико, что въ немъ заключается мзда всѣхъ благотвореній Божескихъ и заслуга всѣхъ нашихъ добродѣтелей, или лучше, оно есть средство, удаляющее насъ отъ всякаго грѣха и осужденія. Подлинно, пусть мы погрузились въ великія неистовства, пусть предались страшнымъ порокамъ; но возлюбимъ Господа, — всѣ грѣхи мгновенно изглаждаются, и хотя бы въ сію минуту надлежало умереть;

 душа,

душа, любящая Бога, поспѣшитъ въ чертоги нерукотворенные, поспѣшитъ насладиться присутствіемъ жениха небеснаго.

Смертные! кто бы вы ни были, любите убо Господа; живите на земли приверженно къ живущему на небесѣхъ; любите Его на всякое время. Престаньте прилѣплять сердца свои къ чему либо другому: ибо что вы обрящете нѣкогда отъ всѣхъ чувственныхъ и неосновательныхъ къ временности пристрастій? Онѣ нынѣ душу вашу возмущаютъ, безпокоятъ, колеблютъ; чтожъ послѣ? удовлетворятъ ли, исполнятъ ли желанія ваши? Любите Господа отъ всего сердца своего, любите даже до послѣдняго издыханія, любите, и — Богъ любя васъ, паче возлюбитъ.

НАСТАВЛЕНІЕ XIX

о

Свойствахъ истинной любви къ Богу.

Повергнувшись предъ лицемъ твоимъ, Боже! повергнувшись въ присутствіи Твоихъ Святыхъ Ангеловъ, повергнувшись предъ лицемъ Неба и земли,

мли, я начинаю познавать, что для того существую въ семъ мірѣ, дабы любить Тебя. Для сего конца, съ симъ намѣреніемъ Ты даровалъ мнѣ бытіе и жизнь.

Въ горести души моей и въ сокрушеніи сердца моего я признаюсь, что я не любилъ тебя, Боже! не любилъ, и чрезъ сіе сколько потерялъ благъ, сколько погубилъ времени, сколько обезобразилъ чувствованія свои!

Наконецъ отъ сего времени желаю любить Тебя отъ всего моего сердца; отъ сего времени желаю вознаградить прошедшую потерю, потерю не дней, но лѣтъ многихъ.

О сей любви Тебя же молю, Создатель! Тебѣ ею желаю пожертвовать. Но чтобъ она была совершенна, не хощу, чтобъ она имѣла границы, или въ чемъ либо развлекающемъ ее учавствовала. Какія же любви истинной суть отличныя свойства?

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *живая и пламенная.* Лобовь есть огнь. Огнь скоро можетъ погаснуть, естьли ослабѣвать станетъ. Любить Бога во всемъ, прежде всего, и паче всего, — сей огнь священныя любви да возгорится, да обыметъ и да палитъ все во мнѣ, мой

 духъ,

духъ, мое сердце, мои страсти, мои дѣянія, мои слова. Уста мои да будутъ огненны, помышленія да будутъ пламенны, желанія мои и воздыханія да будутъ исполненными сего невещественнаго жара. Симъ только духовнымъ огнемъ да живу я, да дышу имъ. Сей огнь да будетъ пищею моею, душею души моей, жизнію сердца моего. Блаженъ человѣкъ, естьли живетъ и сгараетъ любовію къ Богу!

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *благородная*, готовая, естьли должно, исполнить великіе подвиги, на все отважиться, всемъ жертвовать, все оставить, и еще важнѣе, все переносить для Бога. Божественная любовь не жалѣетъ никакихъ жертвованій; собою она души многихъ возводитъ на Голгофу, напояетъ изъ чаши горести, окропляетъ ихъ кровію. Но сію чашу они пріемлютъ отъ руки Жениха Небеснаго; и такъ горесть ея измѣняется въ сладость, пролитіе крови дѣлается источникомъ безсмертія. Богъ страждущія души любитъ и ихъ очищаетъ. Не на Фаворѣ, а у подножія креста дѣлаются святыми. Здѣсь Господь посѣщаетъ избранныхъ, и туда призываетъ всегда истинныхъ своихъ любителей. Сердцу токмо мужест-

жественныя, души благородныя приближаются къ сему святилищу охотно, — грядутъ къ нему и остановившись близъ его не возвращаются вспять, а низкія трепещутъ, малодушныя удаляются, удаляются, и такъ часто бываетъ, что Богъ любви, пострадавый и умершій на древѣ клятвы, одинъ остается висяй на престолѣ крестномъ. Человѣколюбче! хотя отъ нынѣ научимся ли мы сострадать Тебѣ, умирать съ Тобою? Умственно всѣ мы желаемъ любить Тебя, да ничего не хощемъ перенесть на дѣлѣ, а кольми паче страдать, стенать и умереть. Вотъ жребій любящихъ тя! Многіе не имѣя благородныхъ чувствій, хотя и нарицаются Христіане, но едва ли познаютъ величіе имени Твоего.

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *дѣятельная*, свидѣтельствуемая самыми поступками. Любить Бога, сіе не значитъ простое суесловіе; любить не значитъ одно токмо желаніе любить Его; любить Бога не значитъ минутное какое нибудь воспаленіе сердца, а означаетъ умереть себѣ, оставить міръ, отказаться отъ всего временнаго, естьли только сіе нужно. Любить Бога озна-

чаетъ въ точности исполнять Его заповѣди, покоряться волѣ Его, предаваться Промыслу Его, полагаться во всемъ на Его благость; любить Бога означаетъ владѣть своими страстями, отвергать чувственныя сладострастія, побѣждать соблазны. Вотъ любовь дѣятельная! Безъ сего сколькобъ мы ни говорили, сколько бы ни желали, и сколько бы ни располагались любить Бога, любовь наша несовершенна. „Люблю Бога„, а когда мы сіе не устнами только произносимъ, а свидѣтельствуемъ добродѣтелію, вотъ любовь совершенная! Глаголъ любви велегласенъ, естьли онъ издается отъ дѣяній.

Такъ любили Бога прославленные святые, такъ Апостоли, преходящіе концы земли, такъ исповѣдники посажденные въ темницу, такъ мученики посредѣ раскаленныхъ пещей, такъ дѣвы, окровленныя кровію своею, яко кровію незлобивыхъ агнцевъ, такъ всѣ отшельники удалившіеся въ пустыни. Всѣ они дѣлами возгласили: „Мы любимъ Бога.„ Но я, о Боже мой! когда скажу, что люблю Тебя? Дерзну ли на сіе растворить уста мои, когда дѣянія мои молчатъ, или еще меня осуждаютъ? Даждь мнѣ, Создатель мой!

мой! чувствїе огненно, да скажу сердцемъ, да скажу дѣлами моими, яко люблю Тя, и Ты гласъ сей не отвергнешь, внемлешь ему и имъ благоугодишься.

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *чистая*, не имѣющая въ виду никакихъ временныхъ выгодъ. Любить Бога должно единственно для него самого: ибо Онъ есть благо всѣхъ драгоцѣннѣйшее, всѣхъ превосходнѣйшее; онъ есть Богъ. Любить Бога, должно любить не смотря ни на Его дары, ниже на Его мздовоздаянїе, а токмо взирая на Его совершенство, на Его величїе, на Его безпредѣльную благость, мудрость, силу и другїя неизслѣдимыя преимущества. Любовъ не значитъ любовь, а куплю, естьли любятъ съ тѣмъ только намѣренїемъ, чтобъ получить пользу. Да удалятся отъ насъ такїя корыстолюбивыя чувствованїя, сердца сжатыя случайными выгодами. Они не умѣютъ любить, и не знаютъ, что есть любовь; они не имѣютъ нѣжныхъ чувствїй, или имѣютъ, да ихъ искажаютъ. Покажись намъ, высочайшая благость! покажись, красота безконечная! покажись и разжени всѣ пустые предметы, такъ какъ солнце прогоняетъ

всѣ ночные мраки. Ты одинъ, Боже! ты одинъ во всемъ, вездѣ и всегда достоинъ любви нашей. Что мы можемъ обрѣсти внѣ Тебя? Что ты Богъ, — сїе одно имя не довольно ли къ услажденїю сердецъ нашихъ? Да столько ли велики сердца наши, чтобъ могъ въ нихъ Богъ вмѣститься?

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *твердая и непремѣнная.* Я имѣю одну искру любви, да я желалъ бы быть неизмѣримою пещїю. Сїя искра возжигается мало по малу и вскорѣ угасаетъ, а я желалъ бы быть огнемъ вѣчнымъ, неугасаемымъ. Боже мой! Ты всегда любезенъ: Для чего же не любить Тебя вѣчно? Для чего имѣть перемѣну, холодность, слабость? Иногда я Тебя любилъ въ нѣкоторыя минуты, будучи тронутъ Твоею благодатїю; я вѣщалъ тебѣ отъ моего сердца: „Люблю тя, Жизнодавче! Минуты блаженныя, прїятныя минуты! Но вы уже перемѣнились; краткость ваша миновала; и такъ любовь моя непостоянна, не тверда. Любимъ мы Господа одинъ день, а другой нѣтъ. Ищемъ Его одинъ день и слѣдуемъ за Нимъ, а другой нѣтъ. Любимъ Его на время, а какъ пройдетъ время, забываемъ Его и то, что имѣ-

имѣли любовь къ Нему. Малоразсудные! (естьли только не страшно о семъ подумать), что мы нашли въ Создателѣ своемъ отвратительнаго? Что привлекательнѣе внѣ Его? Господь есть въ красотѣ своей ветхъ деньми и новъ въ величїи ея. Совершенства Его потеряли ли что либо изъ мѣры величїя своего? Лепота Божїя неизрѣченна, вѣчна. Черты ея не могутъ ли возбуждать въ насъ выну новыя любви и приверженности?"

Сей-то священной, небесной и всесовершенной любви я прошу у Тебя, Боже! Прошу, не требуя ни здравїя, ни жизни, ниже другаго временнаго блага, прошу единственно любви твоей, Боже! Я знаю, что сего не заслуживаю, недостоинъ дара сего; ибо сердце мое развлеклось мїромъ; я не заслуживаю, да Ты самъ отъ меня требуешь жертвы сея; Ты ее заслуживаешь, Ты ее достоинъ, и такъ я прошу о сообщенїи мнѣ дара сего. Я не любилъ Тебя доселѣ; но я днесь живу еще, еще имѣю дыханїе, слѣдственно еще въ силахъ любить Тебя. Можно еще сказать мнѣ въ сердцѣ своемъ: „Люблю тя, Господи!„ Можно сказать сїе отъ всего моего сердца, отъ всѣхъ моихъ чувствъ, и пусть слова

сїи

сїи произнесъ я въ первый только разъ, да отъ нынѣ я буду повторять ихъ до послѣдняго моего издыханїя.

Такъ, истинно желаю я Тебя любить, Боже! Желаю вознаградить все то время сильнѣйшимъ пламенемъ любви моей, въ которое я не любилъ Тебя прежде; хощу вспомнить тѣ злощастные дни, въ которые я былъ столь слѣпъ и дерзокъ, что не видалъ Тебя, огорчалъ Тебя, забывалъ Тебя. Для чего бы мнѣ всѣ дни жизни своей не посвятить Твоей Божественной любви? Для чего бы? — Я жилъ любовїю мїра и содѣлалъ дѣла смерти.

Однако днесь я хощу любить Создателя своего, и сего еще не довольно, что я люблю; я желаю, чтобы Тебя, Боже! любила вся вселенная; желаю всѣ сердца воспламенить къ Тебѣ любовїю; желаю самыя и несмысленныя существа привлечь къ Тебѣ; желаю, чтобъ всѣ люди совокупившись во едино съ восхищеннымъ чувствїемъ выну глаголали другъ другу: возлюбимъ Бога, возлюбимъ, ибо онъ нашъ Отецъ, а мы его дѣти; я желаю во всѣ концы земные пренести небесный свѣтильникъ Твоей любви, научить заповѣди сей всѣ народы, просвѣтить симъ закономъ всѣ влады-

че-

чества; хощу возпламенить вселенную; хощу, чтобъ во всѣхъ не было другихъ чувствій, кромѣ чувствій Твоея любви; хощу, чтобы всѣхъ сердца были горящими угліями, вся земля необъятымъ пламенемъ; хощу, чтобы сія любовь продолжалась дотолѣ, пока родъ человѣческій будетъ обитать въ мірѣ, пока совершатся времена и лѣта; хощу, естьлибъ только сіе было можно, чтобъ огнь, долженствующій нѣкогда уничтожить вселенную, измѣнился въ любовь къ Тебѣ, или лучше въ сильнѣйшее для насъ благовременное побужденіе къ тому, чтобъ любить Тебя на земли и удостоиться любви Твоей въ кровахъ небесныхъ. Словомъ токмо я вѣщаю сіе, Боже! хощу любить Тебя тою же горячностію, каковою Ты насъ самъ любишь: но Ты зриши сердце мое, Ты вѣси даже и несодѣянная намѣренія сердца моего; оно уже болѣе не живетъ во мнѣ. Ты въ немъ царствуешь, Господь мой и Богъ мой. Благоволи убо, дабы любы твоя, любы неизрѣченная и неописанная обитала въ немъ вѣчно.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XX

О Раѣ.

Богъ сотворилъ человѣка, дабы содѣлать его благополучнымъ; для сего пріуготовилъ ему на небесѣхъ нескончаемое блаженство. Онъ на нѣсколько времени поставилъ его на земли, поставилъ съ тѣмъ, чтобъ открыть ему средства къ заслуженію сего благополучія; ибо Онъ хощетъ даровать ему блаженство въ видѣ награжденія. По чему душа, произшедши отъ десницы Божіей, должна возвратиться въ его утѣшительныя объятія; должна возвратиться для вѣчнаго соединенія съ виновникомъ бытія своего. И вотъ въ чѣмъ будетъ состоять ея блаженство.

Мы увидимъ Бога, возлюбимъ Его, будемъ обладать имъ. Мы Его увидимъ лицемъ къ лицу; возлюбимъ совершенно; будемъ обладать, не опасаясь когда либо лишиться Его. *Увидимъ*, — *возлюбимъ*, — *вообладаемъ*. Вотъ сколь великое понятіе Б. Августинъ представляетъ намъ о блаженствѣ небесномъ!

Мы *увидимъ* Бога. Съ его лицезрѣніемъ какіе неизреченные предметы представятся очамъ нашимъ!

Мы

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ откровенно тѣ великїя таинства, которыя въ продолженїи жизни нашей столь много занимаютъ нашу Вѣру, которыя нынѣ сокрыты отъ насъ непроницаемою завѣсою, густыми облаками. Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ покланяемую Троицу, Троицу едину въ существѣ своемъ; увидимъ Богочеловѣка, облеченнаго нашимъ тлѣнїемъ; увидимъ Бога во плоти; увидимъ и прочїя таинства, несовмѣстныя нынѣ съ понятїемъ всѣхъ тварей, на земли живущихъ. Тогда все будетъ ясно; гаданїе уничтожится, и мы отъ Вѣры прейдемъ къ видѣнїю исполненїя и событїй, прейдемъ къ свѣту невечернему, къ свѣту блаженному, удобозримому.

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ удивимся полному на насъ излїянїя той безконечной благости, которою въ продолженїи живота своего мы наслаждаемся нѣсколько. Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ откроется намъ то безпредѣльное милосердїе, которое насъ нынѣ съ великимъ убѣжденїемъ уклоняетъ отъ всякаго грѣха, съ великою любовїю взыскуетъ насъ въ нашемъ заблужденїи, съ великимъ сожаленїемъ терпитъ наше медлительное на правыя стези

обра-

обращенïе, съ великою нѣжностïю прïемлетъ возвращающихся, и — даже до гроба сопутствуетъ намъ, укрѣпляетъ насъ на пути непорочности и правды. Частïю мы понимаемъ нынѣ величïе сего милосердïя, а тогда узримъ его въ полномъ сïянïи. Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ удивимся той безконечной благости, которая предохраняетъ насъ нынѣ отъ безчисленныхъ опасностей, отъ крайнихъ золъ, отъ великïя погибели; увидимъ, что тысящу разъ мы были на краю бездны; стоило сдѣлать одинъ токмо шагъ, и — мы бы въ оную впали, впали и вѣчно погибли: но десница Божïя насъ удержала. О благость безконечная! о любовь неизслѣдимая! что мы содѣлали, дабы заслужить васъ, и что содѣлываемъ, дабы удостоиться познать цѣну вашу въ вѣчности!

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ непостижимыя соотношенïя премудраго и неизмѣняемаго Промысла съ безчисленными человѣческими перемѣнами, съ безконечными превращенïями цѣлой вселенной. Мы увидимъ Бога. И — узнаемъ, какими путями Онъ велъ всегда избранныхъ къ славѣ своей, какою благодатïю Онъ имъ покровительствовалъ, для чего и какъ одни

изъ

изъ человѣковъ просвѣщены Евангельскою Вѣрою, а другіе погружены во мракъ заблужденія, — пребываютъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй. Всѣхъ сихъ событій теперь причины намъ недовѣдомы; но пождемъ уповаемыхъ вещей откровенія. Вѣчность всѣ наши сомнѣнія разсыплетъ, Промыслъ оправдаетъ. Отъимется завѣса съ очей нашихъ; тогда все сокровенное предъ нами обнаружится.

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ всѣ необъемлемыя его совершенства, совершенства неизглаголанныя. Увидимъ восхитительную лѣпоту, непрестанно привлекающую взоръ и сердца избранныхъ; увидимъ ветхо-новую благодать, непрестанно пріемлющую на себя новыя черты, возраждающія во всѣхъ новыя удовольствія; увидимъ неизслѣдимую Премудрость столь рѣшительную въ своихъ опредѣленіяхъ, столь непреложную въ своихъ намѣреніяхъ, столь непроницательную въ своихъ совѣтахъ, столь точную въ дѣлахъ, что нѣтъ твари, которую бы она забыла, и которая бы ею была недовольна. Сія Премудрость каждому существу предозначаетъ удобныя средства къ концу ихъ; ея силою все щастливо въ мірѣ исполняется; увидимъ

верховное Всемогущество, которое вселенную извлекло изъ ничтожества и тяготѣющую землю неодержимо повѣсило на воздухѣ, морю положило песокъ предѣломъ, и что день, то новыми чудесами исполняетъ всяческая; увидимъ безмѣрную щедроту, всякое сердце преисполняющую неизъяснимыми удовольствіями.

Мы увидимъ Бога; увидимъ лицемъ къ лицу, — безъ завѣсы, — безпрепятственно; увидимъ таковымъ, каковъ Онъ есть самъ въ себѣ. Здѣсь, — въ семъ райскомъ жилищѣ мы увидимъ Бога во всемъ величіи и славѣ. На земли мы видимъ Его въ твореніяхъ, подъ слабыми чертами, Вѣрою оттѣняемыми въ душѣ нашей, видимъ одною частію ума нашего, видимъ несовершенно: но тогда мы Его увидимъ въ полномъ видѣ, увидимъ живо. Увидимъ во всемъ божественномъ сіяніи. Какой отъ него свѣтъ изліется въ души наши, изведенныя изъ мрачности житія сего сей многобѣдственной нощи! О минута наслѣдія райскаго! О день, предначиняющій вѣчность! Какое лучезарное солнце откроешь ты намъ въ видѣніи солнца Правды!

Узрѣвши Господа мы его *возлюбимъ.* Очи не могутъ взирать на Верховное

благо,

благо, на источникъ всѣхъ благъ, не могутъ такъ взирать, чтобы сердце ими не было восхищено.

Мы возлюбимъ Бога, возлюбимъ всемъ сердцемъ. Всѣ наши наклонности къ Нему устремятся, устремятся съ великимъ жаромъ. Камень летитъ къ своему центру, огнь возвышается къ своей сферѣ, источники текутъ внизъ: но все сіе слабо изображаетъ дѣятельность восторговъ, съ каковыми сердце наше будетъ стремиться къ верховнѣйшему предмету. Мы возлюбимъ Бога, возлюбимъ на всегда, — вѣчно возлюбимъ Бога и все въ Богѣ. Сердце наше не будетъ раздѣлено въ своихъ чувствованіяхъ, не будетъ колебаться страстями. Богъ одинъ будетъ для него единымъ занятіемъ и центромъ. Онъ для вѣрныхъ и нынѣ составляетъ исполненіе всѣхъ упованій, а тогда будетъ концемъ нашихъ желаній, предѣломъ нашихъ желаній. Его любовію исполнится вся широта нашего сердца.

Мы возлюбимъ Бога, возлюбимъ достойно его Величества, возлюбимъ не меньшею любовію, какою Онъ насъ любитъ. Мы любимъ Его нынѣ, но любовію слабою, несовершенною, а тогда, что такъ нынѣ Его любимъ, о семъ

 бу-

будемъ скорбѣть и печалиться; слѣдственно душа Бога возлюбитъ въ вѣчности сколько возхощетъ, а не сколько можетъ. Тогда ей любить Его не будетъ препятствія.

Мы возлюбимъ Бога, и въ любви своей будемъ увѣрены, что она совершенна. Въ теченіи жизни сея мы желаемъ любить Бога; но будучи въ любви не очень тверды, не знаемъ, истинно ли его любимъ. Часто сомнѣніе сіе приводитъ насъ въ содроганіе; а по сему самая любовь, долженствующая составлять наше удовольствіе, нѣкоторымъ образомъ дѣлается для насъ возмущеніемъ. Но тогда, будучи увѣрены въ своихъ чувствіяхъ, мы возлюбимъ Бога несомнѣнно, и расположеніе наше къ Нему будетъ безбѣдно, основательно, щастливо.

Мы возлюбимъ Бога, и чтобъ увеличить любовь свою, соединимся со святыми, соединимся, дабы любить Его сліянными размышленіями, сліянными чувствіями, сліяннымъ духомъ и сердцемъ; соединимся, дабы изъ совокупной любви Божїей вкушать нераздѣлимое блаженство, дабы болѣе и болѣе другъ друга поощрять къ сей священной любви; соединимся, подобно искрамъ огненнымъ, которыя своимъ

имъ совокупленїемъ умножаютъ и жаръ и пламень. О любовь! о божественный пламень! возжги сердце наше, и непреставай палить его силою небеснаго своего жара!

Мы увидимъ Бога, увидя возлюбимъ, возлюбивши *будемъ обладать* имъ. Вотъ предѣлъ и верхъ небеснаго блаженства! Вотъ рай нашъ!

Мы будемъ обладать Богомъ, а въ Богѣ всѣми благими, всемъ богатствомъ, всѣми сокровищами, честями, всѣмъ ихъ сїянїемъ и услажденїями. Обладая Богомъ мы будемъ имѣть не только все то, чего желаемъ, но еще и то, чего желать можно. Ибо сколько бъ ни было пространно наше сердце, оно во всемъ будетъ удовлетворено; всѣ желанїя наши тогда исполнятся, да еще со избыткомъ. При такомъ обладанїи всѣми благими чьи уста не прорекутъ съ Давїдомъ: *Насыщуся внегда явитимися славѣ твоей* (*)? На небеси вся благая, всѣ удовольствїя, всѣ сокровища вдругъ соединятся въ каждомъ сердцѣ, дабы дать возчувствовать цѣну Высочайшаго блага.

(*) Пс. XVI. 15.

Мы будемъ обладать Богомъ, а въ Богѣ всѣми благими безъ всякаго даже малѣйшаго участія въ неблагополучіи. Въ мірѣ семъ всѣ удовольствія всегда соединены съ нѣкоторою горестію, радость никогда не бываетъ совершенна, пріятность часто бываетъ съ отвращеніемъ соединена: но на небеси нѣтъ ни возмущенія, ни скуки, ни печали, ни безпокойства, ниже малѣйшаго какого нещастія жизни сея. Тогда ничто не нарушитъ нашего спокойствія, ничто не перемѣнитъ нашего услажденія; тогда мы будемъ блаженны вѣчно. *Ни плача, ни вопля не будетъ къ тому* (*).

Мы будемъ обладать Богомъ, а въ Богѣ всѣми благими на всегда, неопасаясь когда либо лишиться оныхъ. Кто можетъ познать, сколь величественъ и славенъ рай? Вѣруемъ мы, что блаженство его безпредѣльно, сладости его нескончаемы будутъ, и сего довольно. Доколѣ небеса будутъ существовать, доколѣ Богъ будетъ Богомъ, дотолѣ будетъ твердо блаженство избранныхъ. Въ продолженіи всѣхъ вѣковъ, тысящи тысящь лѣтъ и болѣе, избранные будутъ жить вѣчно съ Богомъ

(*) Апок. XXI. 4.

томъ и въ Богѣ; слѣдственно всегда будутъ о Немъ величественны, всегда довольны, всегда блаженны. Вѣчность для нихъ будетъ начинаться каждую минуту, и всѣ минуты будутъ представлять имъ новыя удовольствїя вѣчности. Ихъ жребїй утвержденъ на неизмѣнности самаго Бога. *И царствїю его не будетъ конца*; слѣдственно ниже ихъ блаженству.

О небо! о существо высочайшее! о слава неизрѣченная! Смертныя творенїя доколѣ облечены плотїю; никогда не могутъ постигнуть отъ васъ проистекающаго, на васъ утверждающагося и въ васъ живущаго своего блаженства. Хотя они и сотворены обладать имъ, но дотолѣ не уразумѣютъ его совершенно, доколѣ не заслужатъ и заслуживши не узрятъ то, чего *око не видѣ, ухо не слыша и на сердцѣ не взыде* (*). Любящїе Бога ищите уготованное вамъ благо, ищите прилѣжно и обрящете. Насадите въ душахъ своихъ вертоградъ благочестїя, и возрастетъ Рай нетлѣнный; посѣйте плодъ добръ и онъ прїумножится *и на тридесять, и на шестьдесятъ и на сто* (**).

(*) I. Кор. II. 9. (**) Мар. IV. 8.

НАСТАВЛЕНІЕ XXI

О

Взысканіи блаженныя вѣчности.

Что намъ должно дѣлать, дабы заслужить Небеса? Съ какими чувствіями надлежитъ итти душѣ нашей въ чаемое горнее жилище? Ты съ тѣмъ послалъ меня на землю, Боже! дабы чрезъ временные подвиги наслѣдовалъ я прежде вѣкъ уготованное мнѣ царство; по сему всѣ дни живота своего мнѣ должно посвятить на взысканіе не пребывающихъ благихъ, а грядущаго Отечества. Возвыси духъ мой, да уразумѣю величіе благихъ безконечныхъ; возпламени сердце мое, да желаю ихъ единыхъ паче всего въ животѣ моемъ; подкрѣпи силы мои, да заслужу вѣчное блаженное наслѣдіе.

Извѣстно, что мы сотворены для блаженства неизмѣримаго, неизреченнаго, безконечнаго; да будучи призываемы къ такому благополучію, сколь мало мы желаемъ онаго? Будучи опредѣлены къ безсмертной славѣ, сколь рѣдко мы размышляемъ объ ней, сколь мало ею занимаемся? Всѣ почти неусыпно стараются о богатствѣ тлѣнномъ, а благія вѣчныя уже и изъ виду потеряли. Помышленія духа, жела-

ланія сердца должно бы намъ воскрилять горѣ, а мы пригвождаемъ ихъ долу, — прилѣпляемъ къ міру, къ благимъ міра, къ удовольствіямъ міра; и такъ вся жизнь наша проходитъ въ бѣганіи за мечтою, въ стремленіи за привидѣніями. Безмѣрно мы жаждемъ временныхъ корыстей, ненасытимо алчемъ минутныхъ выгодъ; все сердце наше предается прелестямъ случайнымъ, а благія небесныя, благія вѣчныя едва едва заслуживаютъ когда наше, не говорю воздыханіе, а воспоминаніе. Слѣпотствующіе смертные! Доколѣ мы будемъ много желать недостойнаго и мало желать достойнаго? Много желать пустыхъ и временныхъ благъ одною поверхнею наружностію, плѣняющею наше сердце, а мало желать благъ истинныхъ, благъ вѣчныхъ, благъ, могущихъ составить твердое и совершенное наше блаженство?

Всякъ, будучи призываемъ къ толь великому благополучію, къ блаженству самаго Бога, что содѣлалъ, дабы явить себя онаго достойнымъ, дабы заслужить его? Какія попеченія, какіе подвиги, какія изнуренія для сего предпринималъ? Гдѣ добродѣтели нами содѣянныя? Гдѣ жертвы прино-

 симыя?

симыя? Гдѣ побѣды торжественно оконченныя для сего Верховнаго блага, о которомъ намъ выну должно воздыхать и мыслить?

Сколько Бого-человѣкъ пострадалъ на крестѣ, дабы и мы подражая страданіямъ его подобныя ему искали славы? Его мученія, его слезы, его кровь, его смерть что намъ проповѣдуютъ? Какой гласъ мы отъ нихъ слышимъ? Святые мужи, что нѣкогда предпринимали, дабы содѣлаться достойными вѣнца нетлѣннаго? Одни обитали въ горахъ, въ вертепахъ, другіе смиряли себя строгимъ воздержаніемъ и покаяніемъ; одни погребали себя въ пещерахъ, другіе на мѣстѣ страшныхъ мученій, посредѣ меча и огня; многіе охотно претерпѣвали ужаснѣйшія казни для наслѣдія будущихъ благихъ: но всѣ они не уже ли взирали на другое небо, нежели мы? Не уже ли имѣли другую надежду, нежели мы? Не уже ли мы сотворены для инаго конца, нежели они? Не уже ли намъ того заслужить не можно, что заслужили они?

Міролюбцы! чего мы не подъемлемъ въ жизнь свою для снисканія скорогиблемыхъ малостей? Изнуряемся трудами непрестанными, ослабѣваемъ

ваемъ отъ чрезвычайныхъ заботъ и неусыпности: какихъ не предпринимаемъ старанiй? и они намъ кажутся малы. Всѣ наши насилiя часто бываютъ слабы, всѣ замыслы тщетны; но мы на все отваживаемся, всѣми силами домогаемся, дабы хотя на нѣсколько щастiе свое временное возвысить, утвердить его на своихъ и чужихъ огорченiяхъ, на своемъ бѣдствiи и другихъ паденiи; ни боязнь, ни стыдъ отъ сего насъ не удерживаютъ; ничто не отвращаетъ. И о чемъ такъ почти всѣ болѣзненно мятутся, *да истлѣненъ вѣнецъ прiимутъ* (*). Но всѣ ли твердо увѣрены въ полученiи и сея награды? Сколько времени многiе текли, подвизалися, усиливались, и при томъ тщетно! А мы, надѣющiеся вѣнца безсмертнаго, что дѣлаемъ, что претерпѣваемъ, да его несомнѣнно получимъ? Сынъ свѣта не достоинъ ли равнаго осужденiя съ чадами мрака? Они все дѣлаютъ, много трудятся для неизвѣстнаго, для благъ обманчивыхъ; а мы будучи предопредѣлены для обладанiя благими высочайшими, благими безсмертными, естьли не бережемъ о нихъ, не должны ли опа-

(*) I. Кор. IX 25.

опасаться, дабы не потерять ихъ вѣчно? Гдѣ наша Вѣра?

Естьли мы не стараемся заслужить небо: то для чего же и на земли существуемъ? Всякой съ тѣмъ получилъ жизнь, чтобъ приуготовить себя къ наслѣдiю живота безсмертнаго; а дѣлами смерть покупаетъ. Знаемъ мы, что все въ мiрѣ нѣкогда окончится, знаемъ мы, что нѣтъ здѣсь пребывающаго града, слѣдственно о грядущемъ должно пещись: но мы въ мiрѣ живемъ не яко пришельцы и странники, а яко всегдашнiе сожители его тлѣнiю, его соблазнамъ; мыслимъ иногда возвратиться въ лучшее отечество, да помышленiе не оправдываемъ дѣлами. Такое поведѣнiе, такая жизнь сколько предосудительны, столько противныя имъ достойны подражанiя.

Какая будетъ тогда радость для души благочестивой, когда она будетъ съ довольными заслугами преселяться на небо? Тогда она скажетъ въ себѣ самой: „какая сладкая минута! какой „восторгъ! теперь-то я уже увѣрена „о жребiи моемъ; теперь-то достигаю „до предѣла моихъ желанiй; отъ ны„нѣ всегда я буду обладать Верхов„нымъ благомъ; отъ нынѣ я вѣчно „буду жить съ Богомъ, вѣчно буду

„имъ

„имъ наслаждаться, вѣчно буду царствовать въ лонѣ его со избранными. „Прешли уже дни суетъ моихъ, прешли дни печалей и мученїя. Сколько „лѣтъ надлежало мнѣ стенать, страдать, вооружаться противъ себя самой: но теперь всѣ труды мои, всѣ „страданїя и сраженїя должны окончиться, и — сколь обильно они будутъ награждены! Боже милосердїя! „сколь утѣшительно для меня всегда „быть съ Тобою. Сколь сладко наслаждаться Твоимъ присутствїемъ! ничто „меня не можетъ разлучить съ Тобою.„ Сїе одно воображенїе, сїя первая минута небесныя радости не можетъ ли вознаградить душу за всѣ ея подвиги, за всѣ искушенїя жизни? Не возглаголетъ ли она въ такомъ положенїи сїи словеса Апостольскїя: *недостойны суть страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (*)? Всѣ временныя изнуренїя ничто суть въ сравненїи съ тою славою, которою мы надѣемся быть вознаграждены, увѣнчаны.

О Святый Сїонъ, Іерусалимъ небесный! преселюсь ли я когда либо во твои блаженные предѣлы? Жребїй мой будетъ ли жребїемъ избранныхъ? Естьли бы я подлинно удостоился внити въ сїе

(*) Рим. VIII. 18.

сїе горнее отечество, что бы я сказалъ о всѣхъ суетахъ мїра, о всѣхъ мечтательностяхъ, о всемъ его ничтожествѣ? Буду вѣренъ навсегда закону Господню. — Сколь прїятно пострадать нѣсколько на земли съ тѣмъ, чтобъ послѣ вѣчно на небеси блаженствовать! Сколь отрадно, удалившись обширнаго мїра, узкими враты сопровождать себя къ сему восхитительному предѣлу! Сколь славно соединиться съ наперстниками наслѣдїя Божїя, воспѣвать съ ними непрерывную хвалебную пѣснь Богови! Будемъ надѣяться, о душа моя! сихъ небесныхъ благъ; вознесемся нынѣ умомъ въ царство присноживыхъ; размышленїе о горнихъ сокровищахъ да питаетъ нынѣ наше сердце, да питаетъ во всю жизнь. Оно принесетъ намъ неизреченную пользу.

Сїе размышленїе будетъ для насъ спасительнымъ средствомъ къ презрѣнїю благихъ мїра. Оно спроситъ нѣкогда: благїя тлѣнныя, благїя мечтательныя, благїя обманчивыя, что вы стоите въ сравненїи съ благими твердыми, съ благимн неизмѣримыми, съ благими на небеси намъ обѣщаемыми? Заслуживаете ли вы единое имя: благо? Какихъ бѣдствїй вы бываете источни-

никомъ! Я признаю благомъ, желаю и люблю однѣ токмо благія вѣчныя, а прочее все, что проходитъ, тлѣетъ и не обновляется, есть ничто предъ моими очами.

Сіе размышленіе будетъ спасительнымъ средствомъ утѣшенія нашего во всѣхъ прискорбіяхъ и нещастіяхъ жизни сея. Оно внушитъ намъ, что всѣ временныя бѣдствія нѣкогда окончатся, и ихъ мзда будетъ вѣчная. Страданіями обрѣтается блаженство непремѣняемое, и по тому ихъ должно считать знакомъ особеннаго къ намъ благоволенія Божія. Сколько святыхъ спасеніемъ своимъ одолжены временнымъ искушеніямъ? Безъ понесенія бремени крестнаго они были бы вѣчно нещастны.

Сіе размышленіе будетъ твердымъ средствомъ къ сопротивленію нашему противу всѣхъ искушеній. Оно научитъ насъ побѣждать злыя страсти; оно заставитъ насъ опасаться, чтобъ при самой побѣдѣ и торжествѣ надъ ними не ослабѣть и въ порокахъ не быть восхищенными отъ міра сего. Минутное грѣха удовольствіе можетъ лишить насъ вѣчнаго блаженства.

Сіе размышленіе будетъ надежнымъ средствомъ къ укрощенію жестоко-

костей смерти. Когда мы вѣруемъ, что за смертїю наступитъ райское веселїе: то стараясь заслужить веселїе сїе, можемъ ли, взирая на смерть, возмущаться и бояться? Естьли выходя изъ сей юдоли плачевной, мы уповаемъ внити въ отечество радостное: то оставляя землю, мы ни скорбѣть, ни сожалѣть объ ней не будемъ; въ мїрѣ семъ мы осуждены непрестанно стенать и раздражать величїе Божїе: но смерть насъ приближитъ къ тихому пристанищу, и такъ для чего намъ оныя страшиться? Принесемъ жертву Богу отъ дѣлъ благочестивыхъ, возложимъ упованїе на его милосердїе. Онъ насъ не оставитъ.

Будемъ непрестанно размышлять о семъ великомъ благополучiи, къ которому предопредѣлены мы прежде сложенїя мїра. Будемъ непрестанно воспоминать о сихъ неизреченныхъ благихъ, которыхъ мы изъяснить не можемъ, а при семъ будемъ непрестанно готовы къ достойному воспрїятїю ихъ. Благодать Божїя да поможетъ намъ помышлять о семъ выну ясно и здраво, тако да сопутствуетъ намъ къ славѣ обѣтованной. Довольно мы странствовали, довольно жили на земли, любя землю; теперь время на

Небе-

Небеса обратить все наше вниманіе. Душа наша сотворена, дабы всегда обладать ими; не попустимъ убо, чтобъ житейскія суеты удалили насъ отъ наслѣдія сего райскаго чертога.

Святый Сіоне! преславная гора Божія! когда пріидетъ тотъ радостный день, тотъ восхитительный часъ, въ которой я надежно осмѣлюся внити въ радость Господа моего, въ Его утѣшительныя объятія? *Когда пріиду и явлюся* (*)? При семъ ожиданіи скорыя мгновенія представляются для меня медлительными годами, годы столѣтіями, жизнь бременемъ. Когда возвеселюся *о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господенъ пойдемъ* (**)? Днесь и за утра сего ожидаю!

НАСТАВЛЕНІЕ XXII

о

Постоянствѣ.

Сіе наставленіе касается до тѣхъ, кои удалившись нѣкогда отъ Бога, паки имѣли щастіе съ Нимъ соединиться чрезъ покаяніе. Да будетъ

(*) Пс. XLIII. 3 (**) Пс. CXXI. 1.

урокъ сей сильнѣйшимъ побужденіемъ къ утвержденію ихъ въ благочестіи; да приносятъ души, спасшіяся разкаяніемъ, да приносятъ за спасительное обращеніе свое на путь истины вѣчную благодарность.

Души обновленныя! что вы прежде сего были? Чѣмъ сотворились теперь? Что Богъ учинилъ для васъ — для вашего обновленія? Вы были умерщвлены грѣхомъ, достойны осужденія, удалены отъ Бога; были врагами Божіими, чадами гнѣва Его, заслужившими вѣчную клятву. Въ семъ плачевномъ состояніи, когда вы заслуживали одно правосудное наказаніе, что содѣлалъ для васъ Всещедрый Богъ? Онъ васъ убѣгающихъ отъ себя призывалъ къ себѣ благодатію, о заблужденіи вашемъ сердобольно жалѣлъ, обратившихся васъ принялъ въ объятія свои съ нѣжною любовію. Какая благость! Какое милосердіе! А по сему какую благодарность, какую любовь вы должны имѣть къ Богу! Какую вѣрность къ Его святѣйшему закону, какую преданность къ Его служенію! Естьли послѣ благоутробныхъ милостей Создателя своего вы паки Его оставите, паки оскорбите, паки противъ Его возстанете: то не должны

жны ли на себя взирать, яко на недостойныхъ жизни и дыханія?

Грѣшники, обновляемые покаяніемъ, кто вы таковы въ настоящемъ положеніи вашемъ? Дѣти расточительные, блудные, вспомните о томъ неблагоразумномъ Евангельскомъ сынѣ, которой дерзнулъ удалиться отъ отца своего, отца щедраго, благоутробнаго. Извинителенъ ли его поступокъ? Однако онъ обратился, и отецъ принявъ его благосклонно, оказалъ ему новую ласку; пусть онъ и недостоинъ былъ любви отчей, однако обрѣлъ себѣ мѣсто въ сердцѣ родительскомъ. Часто и мы удаляемся отъ Отца небеснаго подобно, часто паки къ Нему возвращаемся и Онъ насъ пріемлетъ съ любовію. Но — естьли бы той же сынъ послѣ особеннаго снисхожденія родительскаго опять отважился впасть въ прежнія заблужденія, опять нанесъ бы отцу поношеніе, опять бы его оставилъ съ поношеніемъ: какою бы язвою, какимъ ударомъ поразилъ онъ сердце его? Не сдѣлался ли бъ онъ по сему чудовищемъ неблагодарнымъ, ужаснымъ? Вотъ что и мы будемъ предъ очами Господа своего, естьли бывъ виновны предъ Нимъ и исправившись еще презримъ заповѣди Его, еще поругаемся

закономъ Его; однимъ словомъ, естьли обѣщавшись благочестіемъ загладить прежніе проступки, паки угождать ему не восхощемъ! Какимъ окомъ тогда мы будемъ смотрѣть на самихъ себя? Чѣмъ насъ не обличитъ совѣсть во времени, и чего мы не должны ожидать въ вѣчности? Отъ сугубаго грѣховъ нашихъ приумноженія какія могутъ произойти ужасныя слѣдствія!

Тогда мы потеряемъ совсѣмъ всѣ свои заслуги, пріобрѣтенныя прежде паденія; тогда мы погубимъ начавшій уже созрѣвать плодъ Христіанскихъ подвиговъ; тогда мы лишимся нетлѣннаго вѣнца, уготованнаго каждому за торжественное духовное сраженіе; тогда мы прервемъ союзъ съ Богомъ, спасительную благодать отъ себя отгонимъ далече, всѣ древнія добродѣтели новосодѣянный грѣхъ затмитъ и уничтожитъ; а по сему впадемъ мы въ состояніе бѣдности, будемъ нищи духомъ, и вмѣсто драгоцѣнныхъ небесныхъ сокровищь соберемь себѣ тяжесть гнѣва въ день ярости. Сколь плачевно и ужасно такое положеніе наше!

Тогда состояніе наше содѣлается еще худшимъ и опаснѣйшимъ, нежели прежде. Тогда-то мы возчувствуемъ

въ

въ силѣ своей сїе Спасителево изреченїе: *и будутъ послѣдняя человѣку тому горше первыхъ* (*); вторичное на грѣхъ поползновенїе означаетъ непростительное буйство предъ Богомъ. Ибо вторичный грѣхъ исполняется уже съ намѣренїемъ и заключаетъ въ себѣ наглую злобу и неблагодарность къ великимъ Божїимъ щедротамъ, къ великимъ Хрїстїанскимъ обѣтамъ, къ великимъ страдальческимъ заслугамъ Хрїстовымъ. Какое беззаконїе! какое нещастїе!

Тогда очень уже трудно будетъ намъ опять обратиться къ Богу. Болѣзни тѣмъ бываютъ опаснѣе и неизцѣльнѣе, чѣмъ смѣлѣе, хотя мало обмогщись, паки въ оныя ввергаются: такъ и душевныя язвы тѣмъ дѣлаются смертоноснѣе, чѣмъ чаще оныя растравляются. Страсти, непрестанно возраждающїяся, вновь обращаются въ насильственный ко злу навыкъ. А сїе какимъ служитъ препятствїемъ къ обращенїю и покаянїю? Естьли мы при малѣйшихъ препятствїяхъ на пути благочестїя ослабѣваемъ: то чего уже должны опасаться при препятствїяхъ великихъ укоренившихся?

 Тог-

(*) Мат. XII. 30.

Тогда Богъ лишитъ уже насъ тѣхъ милостей, кои по благоволенію своему прежде изливалъ обильно. Отецъ сколько бы нѣженъ ни былъ, но будучи развращеннымъ и неблагодарнымъ сыномъ многократно поруганъ, растворитъ ли ему свое сердце? Другъ, какимъ бы тѣснымъ союзомъ связанъ ни былъ, но будучи обманутъ и посрамленъ многократно, согласится ли опять примириться, забывъ всѣ досады и укоризны? Государь поносимый будетъ ли оказывать свое особенное благоволеніе неоднократно противу его бунтующему подданному? Богъ есть нашъ Господь, нашъ другъ, нашъ отецъ. Естьли мы предъ Нимъ тогда бываемъ вѣроломны, тогда наипаче его прогнѣвляемъ и какъ бы ему наругаемся, когда Онъ къ намъ снисходителенъ, милостивъ и благоутробенъ. То за симъ чего уже намъ ожидать остается, кромѣ праведнаго гнѣва Его и наказанія? Чего, какъ не лишенія всѣхъ благостей? Да и какъ Ему намъ сообщить оныя, естьли мы улучивъ вторичныя милости и третицею обратить ихъ во зло не устыдимся?

Тогда съ содроганіемъ духа я произношу сіе, тогда закоснѣвши во грѣхахъ, хотябъ мы и покаялись, покая-

каяніе наше будетъ сомнительно. Нѣтъ невозможности, что хотябъ мы тысячу разъ падали, благодати Божіей насъ возставить; не льзя также и сего сказать утвердительно, чтобъ вторичное прегрѣшеніе было вѣрнымъ знакомъ ложнаго покаянія; я не хощу, и Богу не угодно, чтобъ такими устрашеніями вводить въ отчаяніе согрѣшающихъ: но не справедливо ли, что часто возобновляемые пороки, многократно повторяемое покаяніе дѣлаютъ уже неуважаемымъ? Не справедливо ли, что, естьли кто чувствителенъ, тотъ беззаконіями пріумножая беззаконія, таинства покаянія много начинаетъ бояться, а по сему отлагая его до будущаго исправленія, умираетъ въ нераскаяніи? Сіе не сбывается ли со многими совершенно? И такъ не должно ли отвращать насъ отъ поползновенія на прежняя злая, не должно ли утверждать насъ во благочестіи и удерживать, чтобъ мы болѣе не отважились погружаться въ новое развращеніе?

Но дабы болѣе воспламенить желаніе наше и любовь къ добродѣтельной жизни, чтобъ утвердиться намъ во святости на всякое время; для сего нѣтъ надежнѣйшаго средства,

какъ истинная вѣрность къ служенїю Божїю, и смиренномудрая преданность закону Его. Очень основательно, что тотъ, кто удерживаетъ насъ на краю бездны и предохраняетъ насъ отъ паденїя въ оную, дѣлаетъ намъ большее благо, нежели кто извлекаетъ уже впадшихъ въ нее. Ибо большее есть добро, чтобъ заблуждающаго не допустить до крайняго нещастїя, нежели допустивъ избавить отъ онаго. Важнѣе готоваго къ преступленїю наставить, чтобы онъ не зналъ грѣха, нежели согрѣшившаго исправить: ибо оправданїе перваго будетъ драгоцѣннѣе. Грѣшники! вотъ что Господь дѣлаетъ для васъ! Вы грѣхами своими дѣлаетесь достойными ада, а Творецъ, воспрещая вамъ впасти въ него, болѣе творитъ васъ блаженными, нежели когдабъ вы пали, и Онъ всесильною своею десницею извлекъ изъ него. И такъ какую любовь, какую благодарность должны вы имѣть къ Нему? Чѣмъ вы можете доказать предъ Нимъ сїи добродѣтели? Истинная вѣрность во благочестїи и кроткое повиновенїе закону Его, вотъ превосходнѣйшие знаки любви и благодарности! Чтобъ было, естьли кто, будучи спасенъ отъ смерти, исторгнутъ изъ бездны, или

удержанъ еще на краю оныя, вооружился противъ своего благодѣтеля, сталъ поносить его, и по многомъ хуленіи сдѣлался непремиримымъ врагомъ? Подобно и мы бываемъ неблагодарны Богу, когда Онъ по своему милосердію слабостямъ нашимъ снисходитъ, прощаетъ ихъ, а мы снова Его оскорбляя, всѣ благотворенія Его въ ничто вмѣняемъ. Не достойны ли по сему мы нарѣщися вмѣсто разумныя твари ужаснымъ чудовищемъ?

Смертные! естьли сердце ваше еще чувствительно: то сіи и подобныя симъ побужденія не должны ли поощрять васъ къ неусыпному Божію служенію? Не должны ли и вы согласиться лучше тысячу разъ умереть, нежели хотя на мало оставить Бога? Естьли вы на сіе рѣшились: то знайте, что на сіе должно рѣшиться до скончанія живота своего. Начало не совершаетъ дѣлъ нашихъ, а концемъ оныя вѣнчаются. Пребываяй въ вѣрѣ, до смерти твердымъ пребыти въ ней долженъ; иначе трудъ будетъ тщетенъ, воздаяніе сомнительно. *Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (*).

(*) Матѳ. X. 22.

НАСТАВЛЕНІЕ XXIII

О

Средствахъ, утверждающихъ во благочестіи.

Я знаю, Спасителю мой! что Ты истощилъ для меня все свое великое милосердіе. Чѣмъ же за оное мнѣ должно Тебѣ отвѣтствовать? Вѣрность, точность и неусыпность во благочестіи, вотъ живые знаки моей къ Тебѣ благодарности! Просвѣти мя въ моихъ намѣреніяхъ, Боже! укрѣпи въ рѣшимости моей; помози исполнить клятвенный обѣтъ сей.

Первое средство ко утвержденію моему во благочестіи да будетъ молитва. Непоколебимая святость есть даръ неоцѣненный, даръ любезнѣйшій, каковый только можно просить у благости Божіей. Никто не можетъ заслужить его достойно, а всѣ должны испрашивать оный у Создателя своего, испрашивать съ сердцемъ сокрушеннымъ. Я буду просить Тебя о дарѣ семъ, Боже! во всѣ дни живота моего; и — уже прошу въ сію самую минуту, прошу съ пламеннымъ чувствіемъ сердечнымъ, прошу съ чистымъ душевнымъ воздыханіемъ. Благо-

дать свою присоедини къ моему искреннему прошенію Услыши выну молитву мою, и исполни мои желанія. Вотъ знакъ величайшаго Твоего ко мнѣ снисхожденія! Вотъ драгоцѣннѣйшее мое сокровище! Вотъ верховное благополучіе!

Второе средство ко утвержденію моему во благочестіи, да будетъ здравое разсужденіе. Нынѣ и заутра я долженъ такъ помышлять въ себѣ самомъ: побужденія, обязующія меня служить Богу, обращаться къ Богу, предаваться въ волю Его не всегда ли одинаковы? Богъ не всегда ли равно величественъ, равно благъ, равно святъ и совершенъ, равно достоинъ всякихъ жертвъ сердца и души моей? Евангеліе, мною исповѣдуемое, не всегда ли означаетъ законъ святѣйшій, правило надежнѣйшее, заповѣдь долженствующую просвѣщать меня даже до конца жизни? Великія истины откровенія перемѣняются ли когда нибудь въ чистотѣ своей? Тѣни смертныя, окружающія меня безпрестанно, боязнь суда будущаго, блаженная или злощастная вѣчность, въ которую я долженъ нѣкогда преселиться, — всѣ сіи великіе предметы выну представляющіеся умственнымъ очамъ моимъ не дол-

должны ли тверже укрѣплять стопы мои на пути спасенія? Я вѣрую, что сіе слово: *помни послѣдняя твоя*, утвердитъ меня въ добродѣтели, ополчитъ противу слабости тѣлесныя и непостоянства душевнаго.

Третіе средство къ утвержденію моему во благочестіи да будетъ неусыпное сужденіе о себѣ самомъ, о моихъ развлеченныхъ чувствіяхъ, о моихъ худыхъ наклонностяхъ, о пылкихъ страстяхъ и о всякомъ неправильномъ дѣяніи, да не прельститъ мя грѣхомъ смертнымъ ангелъ тьмы, облекшись во Ангела свѣтла. Я знаю враговъ моего спасенія, слѣдственно долженъ ихъ страшиться. Безъ разсматриванія самого себя мнѣ непрестанно должно опасаться, дабы не потерять Божія благодати, не потерять Бога, не потерять самого себя. Спасительное мудрованіе! Ты открываешь очамъ моимъ всѣ пагубныя беззаконій слѣдствія; твоимъ божественнымъ свѣтомъ озаряемь я вижу сѣти, распростертыя со всѣхъ сторонъ къ пагубѣ моей; вижу, и отъ нихъ избавляюсь.

Четвертое средство къ утвержденію моему во благочестіи да будетъ избѣжаніе соблазнительныхъ случаевъ. Вотъ средство для меня крайне необходи-

ходимое! Многїе нещастные опыты дали мнѣ возчувствовать слабость мою, и такъ я долженъ страшиться оныя. Такъ, Боже правосудный! я понимаю слабость свою, чувствую ее, — вижу опасность оныя: однако удаляясь случаевъ ко грѣху хотя нѣсколько могу поддержать себя. Но, естьли не смотря на всѣ мои обѣты, не смотря на всю рѣшимость, не смотря на всѣ предположенїя, я предамся соблазнамъ; — соблазны меня погубятъ. Ибо соблазны сдѣлаютъ на чувства мои сильное впечатлѣнїе, а впечатлѣнїя чувствъ душу мою подвергнутъ великимъ бѣдствїямъ. Могу ли я быть столько разуменъ, сколько Соломонъ, или столько мужественъ, сколько Самсонъ? Но когда и сїи при случаѣ пали: то сколько уже я нещастливъ буду? Самыя твердѣйшїя колонны случаемъ сокрушены; и такъ вострепещемъ его мы, — мы слабыя и колеблющїяся трости. Будемъ увѣрены, что убѣгая соблазнительныхъ случаевъ, мы будемъ въ добродѣтеляхъ тверже и безопаснѣе.

Пятое средство къ утвержденїю моему во благочестїи да будетъ презрѣнїе завистныхъ и злобныхъ человѣческихъ пересужденїй, — торжество

надъ

надъ злорѣчивымъ міромъ. Когда желаемъ, чтобъ благодать всегда обитала въ сердцѣ нашемъ; тогда на міръ намъ должно взирать окомъ хладнокровнымъ, безпристрастнымъ. Многіе говорятъ со Апостоломъ, во изобиліи добродѣтелей сердца моего никакія сужденія завистниковъ, никакія укоризны гонителей, никакія нападенія міра, ниже всѣ твари соединившись вмѣстѣ не могутъ отлучить меня отъ любви Божіей, отъ любви истиннаго благополучія: *извѣстихся бо* (*)! и проч. Однако такое мечтаніе весьма отважно. Ибо что касается до меня, то для чего желать, чтобъ всѣ твари вооружались противъ одного? Не случается ли, что одно слово, одна шутка, одно мгновеніе ока меня ужасно возмущаютъ, и такъ сильно препятствуютъ къ успѣху во благочестіи. И надъ сими восторжествовать означаетъ довольное мужество духа. Развращенный міръ! естьли ты своими мечтательными ужасами много потрясалъ иногда великодушіе избранныхъ сыновъ Божіихъ: то я что уже предъ тобою? Однако когда сказалъ Спаситель: *иже постыдится мене предъ человѣки*,

(*) Рим. VIII. 38.

ловѣки, постыжуся того и азъ предъ Отцемъ моимъ (*). По сему запрещенію, грѣховный міръ, ты вѣчно будешь моимъ непріятелемъ, и я навсегда буду опасаться козней твоихъ.

Шестое средство ко утвержденію моему во благочестіи да будетъ учащеніе таинствъ. Се источникъ спасительный, изъ котораго я могу почерпнуть и крѣпость тѣлесную и здравіе душевное! Естьли кто не брежетъ о немъ, тотъ юродствуетъ, заблуждаетъ. Многіе совершеніе таинствъ откладываютъ день за день, мѣсяцъ за мѣсяцъ, и когда пропускаютъ опредѣленное время; то послѣ почти ни на что съ твердымъ духомъ рѣшиться не могутъ. Чѣмъ болѣе кто въ разсужденіи святыхъ таинствъ кажется нечувствительнымъ въ настоящемъ, тѣмъ хладнокровнѣе бываетъ послѣ. Единожды предавшись въ намѣренное упущеніе, не льзя не чувствовать послѣ плачевнѣйшихъ слѣдствій. При небреженіи о таинствахъ жаръ благочестія въ насъ простываетъ, здравое познаніе самихъ себя уменшается, худыя наклонности возрастаютъ, и — есть-

(*) Мат. X. 33.

естьли когда препобѣждаютъ навыкъ къ беззаконію, навыкъ заматерѣвшій; то вскорѣ паки должны бываютъ опасаться новыхъ упущеній, да еще важнѣйшихъ, и при томъ опасаться на всегда.

О душа моя! не удаляйся никогда отъ надежныхъ источниковъ жизни и спасенія; страшись лишиться благодати тебя подкрѣпляющей, а пачѐ ужасайся, чтобъ лишившись оныя не подпасть подъ иго видимыхъ и внутреннихъ враговъ своихъ. Насладись хлѣбомъ животнымъ, насладись пищею Ангельскою, естьли желаешь соединиться съ самимъ Богомъ. Требуй оставленія грѣховъ своихъ, требуй во всѣ дни живота своего; требуй съ истиннымъ усердіемъ и съ пламеннымъ желаніемъ сердечнымъ. Ибо безъ учащенія сихъ великихъ таинствъ ты во вѣки не оправдишься; а чтобъ точнѣе выполнить всѣ обязательства Вѣры, всякую должность благочестія; для сего прибѣгай выну подъ руку тебя Сотворшаго. Умоляй благость Его о содѣйствіи тебѣ во спасеніи. Въ истечении столь многихъ вѣковъ не было ни единаго, ктобъ требуя Божія покровительства былъ отъ Него оставленъ. Тщетно бы стала ты о чемъ вре-

временномъ просить Господа, а о дарахъ духовныхъ, о преуспѣянiи въ добродѣтеляхъ, о подкрѣпленiи во благочестiи умолять Его не восхотѣли. Ибо все временное безъ благодати для тебя послужитъ къ единому осужденiю. Боже! яви силу свою въ немощехъ нашихъ, и мы, ими же вѣси судьбами, обрящемъ вѣнецъ Твоея славы.

НАСТАВЛЕНIЕ XXIV

О

Соблюденiи непорочности во всякомъ положенiи и состоянiи жизни.

Въ духовной жизни довольно съ нами встрѣчается прiятныхъ обстоятельствъ и чувствительныхъ огорченiй. Богъ сопровождаетъ души наши иногда на Фаворъ съ радостiю, а иногда на Голгофу съ печалiю. Законъ благодати подобенъ закону Естественному. Природа часто представляетъ зрѣнiю нашему тихiе и красные дни, да часто также мрачныя и бурныя ночи. Богъ такимъ же образомъ посѣщаетъ иногда насъ прiятнымъ миромъ, сладкимъ утѣшенiемъ, а иногда прискорбными огорченiями. Теперь ну-

жно знать, какимъ образомъ должно поступать и въ тѣхъ и въ другихъ обстоятельствахъ, дабы во всемъ быть сообразными съ Промысломъ Божїимъ и не прогнѣвать Духа Святаго въ сердцахъ нашихъ? Что должно дѣлать въ обстоятельствахъ прїятныхъ, и что нужно чувствовать во время искушенїй, дабы и съ той и съ другой стороны получить нѣкоторую пользу?

Видимъ мы въ жизни своей дни прїятные и радостные. Часто мы наслаждаемся временемъ спокойнымъ, да въ какихъ обстоятельствахъ? Когда солнце правды освящаетъ душу нашу полнымъ своимъ сїянїемъ; когда благодать Евангельская въ нѣдра сердца нашего изливаетъ животворную и спасительную росу; когда пребывая въ молитвахъ, внутреннимъ соединенїемъ съ Богомъ мы наслаждаемся яко сладчайшею небесною манною; когда чувствуемъ въ себѣ особенный жаръ, особенную ревность взыти на высоту Фавора, и умственно съ невидимымъ Господемъ яко видя собесѣдуя, можемъ глаголати со Апостолы: *Добро намъ здѣ быти; сотворимъ здѣсь жилище наше* (*)

Для

(*) Мат. XVIII. 4.

Для чего же благословляетъ насъ Богъ сими днями щастливыми, симъ временемъ утѣшительнымъ? Разсмотримъ, что прїятныя обстоятельства наши значатъ въ Промыслѣ Божїемъ; что они должны предзнаменовать для нашей надежды, и чѣмъ наконецъ могутъ содѣлаться по нашему неуваженїю къ нимъ, — по нашему объ нихъ нерадѣнїю? Какой источникъ размышленїй!

Когда Промыслъ Божїй благословляетъ насъ щастливыми временъ обстоятельствами; то творитъ сїе для большїя своея славы и нашего спасенїя. Благословляетъ насъ Всевышнїй благовременїемъ для того, дабы плѣнительнѣе заохотить насъ къ размышленїю о Его величествѣ, Его великолѣпїи, о Его благодати и прочихъ дивныхъ совершенствахъ. Богъ благословляетъ насъ прїятными случайностями для того, дабы сильнѣе насъ привлечь къ себѣ красотою даровъ своихъ, дабы величїемъ щедротъ своихъ сильнѣе расположить насъ къ благочестїю, утвердить сердца въ Вѣрѣ, укрѣпить избранныхъ въ любви и добродѣтели. Богъ благословляетъ насъ событїемъ всякїя радости и утѣхи съ тѣмъ, чтобъ мы понимая цѣну благо-

твореній Его, жертвовали Ему всевозможною благодарностію, всякимъ повиновеніемъ, кротостію, яко Ной по изшествіи изъ ковчега, принесшій Ему усерднѣйшее всесожженіе. И такъ опасаясь дремать посредѣ дней мирныхъ и покойныхъ, будемъ всегда ревностны къ служенію Божію; будемъ всегда благоговѣйны предъ Господемъ, толикія милости намъ ущедряющимъ; будемъ посредѣ тишины пріуготовляться иногда къ неминуемому сраженію и перенесенію искушенія. Ибо какъ за обиліемъ удобно можетъ случиться неплодородіе, за ведромъ ненастье, такъ за нашими красными днями мрачные. Вотъ что пріятныя наши обстоятельства значатъ по отношенію къ Промыслу Божію. Чтожъ они значатъ въ разсужденіи нашей надежды?

Время приплодія добрыхъ дѣлъ нашихъ и умноженія благочестивыя жатвы. Вспомнимъ жалостный примѣръ юродивыхъ дѣвъ. Онѣ, когда было удобное время, не запаслись елеемъ; когда бы должны бодрствовать, дремали, думая, что ожидаемый женихъ придетъ еще не скоро: но льстивая надежда обманула, и потому они лишились чертога небеснаго. Судя по сему, есть ли и мы наслаждаясь благовременіемъ

ожи-

ожидаемъ еще большихъ щедротъ Всемогущаго: то должны надежду свою утверждать на большихъ заслугахъ. Вотъ что пріятныя наши обстоятельства означаютъ по отношенію къ нашему упованію; но что значатъ судя по небреженію?

Время щастливаго посѣщенія Божія, время по себѣ невинное, по намѣренію Всевышняго драгоцѣнное, по нашему благоупотребленію могущее быть полезнымъ, по нашему нерадѣнію легко можетъ сдѣлаться случаемъ мечтанія, искушенія, гордости, самолюбія, слѣдственно временемъ опасности и паденія.

Временемъ мечтанія. — Ангелъ тмы можетъ преображаться въ Ангела свѣтла; но гораздо легче Ангелъ свѣтлый можетъ измѣниться во ангела тмы. Сію измѣну я не собственно приписую Ангеламъ небеснымъ, а людямъ по благочестію уподобляющимся Ангеламъ. Всякой духъ гордый не есть духъ Божій. Кто о себѣ много мечтаетъ, тотъ долженъ остерегаться опаснѣйшихъ предпріятій. Всякой въ высокомѣріи легко можетъ во всемъ обманываться, мракъ почитать за свѣтъ, заблуждать и думать, будто идетъ путемъ истиннымъ, пу-

темъ къ надлежащему концу прямо ведущимъ. Знакъ благоразумія есть ничего не дѣлать по своей волѣ, по своей мечтательности, безъ умныхъ совѣтниковъ, а все предпринимать съ довольнымъ разсмотрѣніемъ и осторожностію. Сколь многіе много погрѣшаютъ чрезмѣрно надѣяся на свои силы, и очень полагаясь на свои настоящіе замыслы. И къ сему доводитъ насъ наипаче небреженіе о благовременномъ исправленіи.

Время пріятныхъ посѣщеній Божіихъ удобно можетъ измѣниться для насъ въ случай искушенія. Діаволъ находя насъ спящихъ, всегда удобно можетъ воспользоваться нашимъ разслабленіемъ; онъ при всякомъ случаѣ нечаянно на насъ нападши, въ одну минуту можетъ лишить долговременныя непорочности; въ одно мгновеніе невинной душѣ нашей смертоносную можетъ дать рану; а спустя мало, овладѣвъ нами чрезъ всякія хитрости и обманы, можетъ вынудить насъ, чтобъ мы во все бытіе свое проливали горькія и безотрадныя слезы. И сему причиною наше небреженіе.

Щастливыя обстоятельства по небреженію нашему легко могутъ быть источникомъ непростительной гордости

сти нашей и гибельнаго самолюбія. Восхищаясь настоящимъ благополучіемъ, великое мы питаемъ въ себѣ самолюбіе; часто дары, получаемые отъ десницы Божіей, присвояемъ своимъ силамъ, своимъ подвигамъ, а чрезъ сіе въ бѣдственную впадаемъ гордость. Часто мы въ обладаніи Божіими щедротами уподобляемся тщеславной и постыдной женѣ. Любя сію нѣжный супругъ даритъ рѣдкими драгоцѣнностями; она ими украсившись гордится, гордясь выходитъ на свѣтъ, дабы къ соблазну привлечь всѣхъ взоръ и сердце. Неблагодарная! — Вскорѣ ты сдѣлаться хощешь за особенную любовь и милость супруга своего нагло предъ нимъ вѣроломною! Подобно, или еще дерзновеннѣе иногда и мы обращаемъ дары Божіи. Милость возраждаетъ въ насъ гордость, гордость доводитъ до ослѣпленія. Чѣмъ же намъ отъ сего избавиться? Кротостію и благоразуміемъ. *Мняйся стояти да блюдется, да непадетъ* (*). Дабы избѣжать сихъ и подобныхъ симъ нещастій отъ небреженія нашего проистекающихъ, для сего мы должны непрестанно

(*) 1. Кор. X. 12.

1 е. Смиряться предъ Господемъ; всегда даровъ Его должны почитать себя недостойными; никогда не думать, что естьли Онъ насъ благословилъ какимъ либо благополучїемъ; то мы будто сего достойны по нашимъ заслугамъ, а напротивъ должны вѣрить, что всяческая и всѣмъ сообщаетъ намъ Создатель не по обязанности какой нибудь, а по единому своему благоизволенїю.

2 е. Хотя мы и получили какїе дары отъ Бога, однако чрезмѣрно на нихъ полагаться не должно. Сладкое вкушенїе ихъ должны ограничивать опасностїю лишенїя. Всякаго благополучїя мы дотолѣ бываемъ полными владѣльцами, доколѣ относимъ оное къ Богу, яко къ первѣйшему концу и началу; въ противномъ случаѣ всякъ можетъ быть *вся имый и ничто же содержай.*

3 е. Никогда не надобно забывать, что естьли вся жизнь наша очень кратка, то кольми паче нѣкоторые дни щастливые; а по сему всегда мы должны ожидать нѣкоторой бѣдности; всегда должны думать, что ясный день скоро потемнѣетъ, и что за тишиною наступитъ буря и непогода. При семъ воображенїи надлежитъ выну

бодр-

бодрствовать, чтобъ врагъ спасенія совсѣмъ не изторгъ у насъ спасенія нашего. Постараемся данные намъ таланты не расточать на все безъ разбору и жалости; будемъ и благоупотребленіемъ оныхъ и соблюденіемъ предъ Творцемъ своимъ благодарны, и Онъ паче будетъ щедръ къ намъ.

Такою преданностію мы должны освящать сладкій миръ щастливыхъ дней своихъ, а напротивъ всякое неудовольствіе обстоятельствъ мрачныхъ и горькихъ нужно переносить великодушно. Посѣщаютъ насъ искушенія, надлежитъ болѣе молиться; изчезаютъ дни веселые, слѣдуетъ чаще собесѣдовать съ Богомъ. Такъ ли мы поступаемъ? При одномъ воззрѣніи на готовящееся нещастіе душа, воспитанная медомъ и млекомъ радости, унываетъ, возмущается, приходитъ въ отчаяніе, думаетъ, что всего уже лишится. Многіе посредъ бѣдствій, яко посредѣ моря, со трепетомъ взываютъ: *Господи! спаси ны, погибаемъ* (*). Блаженъ еще жребій такихъ нещастливцевъ, кои въ горестяхъ своихъ не предаются отчаянію, а къ Богу прибѣгаютъ.

(*) Мат. VIII. 25.

Какїя же скрываются намѣренїя Божїи въ непрїятныхъ сбытностяхъ нашихъ, и что намъ при семъ должно дѣлать, дабы оправдать Его Промыслъ? Богъ строгими посѣщенїями хощетъ испытать Вѣру нашу, очистить, укрѣпить, а можетъ быть наказать за невѣрїе, и тако смиривъ прїуготовить къ особенной своей благодати. Почтимъ убо сїи предвѣденїя Божїя благоговѣнїемъ; они умножаютъ наше благополучїе и требуютъ *мужественнаго великодушїя.*

Богъ нещастїями испытуетъ Вѣру нашу. Часто мы Ему клялись предъ лицемъ престола; клялись во всѣхъ случаяхъ соблюдать славу Его, во всѣмъ оказывать Ему любовь чистую, непоколебимую. Но онъ хощетъ знать, что самыя дѣла соотвѣтствуютъ ли словамъ нашимъ; одними устнами или купно и сердцемъ клялись быть Ему вѣрными? Святый Петръ доколѣ не былъ испытанъ въ твердости Вѣры своей, не былъ еще Петръ. При первомъ искушенїи онъ палъ, да послѣ горькими омылъ оное слезами. — Богъ нещастїями очищаетъ нашу Вѣру. Сколько бы душа ни была праведна: но всегда въ ней кроются нѣкоторые недостатки. Мужи совершеннѣйшие имѣютъ великое

кое попущенїе на злое. Въ каждомъ послѣдователѣ Хрїстовѣ сколько примѣтно холодности, слабости, упущенїй въ служенїи Богу! Самые праведники седмижды на день падаютъ. Чтожъ мы скажемъ о себѣ? Наши преступленїя безчисленны, упорность благодати великая. Отъ сихъ пороковъ желая насъ избавить Промыслитель, посѣщаетъ насъ искушенїями, изнуренїями, различными безпокойствами. Злато очищается огнемъ, а душа нещастїями. Онѣ придаютъ ей новую красоту и сїянїе. — Богъ искушенїями хощетъ наказать маловѣрїе наше и укрѣпить благочестїе. Древо чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ сильнѣе отъ вѣтровъ колеблется; но когда оно обматерѣетъ и укоренится, всякое насилїе бури презираетъ Равно и души праведныхъ чѣмъ паче возрастаютъ во благочестїи, тѣмъ болѣе обуреваются искушенїями; но когда много опытными случаями утвердятся въ Вѣрѣ, всякое насилїе вражїе для нихъ нестрашно. Однако не всѣ равно мужественны и тверды. Чтожъ изъ сего слѣдуетъ? Щастливъ, кто непоколебимъ во благочестїи; но кто немощенъ, тотъ не уже ли долженъ отчаяваться? Да не будетъ! Апостолъ Павелъ

гово-

говоритъ: *егда немоществую, тогда силенъ есть* (*). Богъ наказуетъ насъ слабостію для того иногда, чтобъ паче укрѣпить въ добродѣтели. И подлинно, когда мы побѣждаемся собственною немощію; тогда усерднѣе прибѣгаемъ къ Богу; прибѣгаемъ, и чего добраго не можемъ совершить о укрѣпляющемъ насъ Господѣ? Часто горестными посѣщеніями Богъ хощетъ насъ пріуготовить къ особенной своей благодати. Нещастіями Онъ научаетъ насъ смиренію, а на смиреніи водружается все зданіе совершенствъ нашихъ, нашего оправданія. Таковы суть намѣренія Божія во искушеніяхъ нашихъ! Намѣренія, исполненныя мудрости и спасенія! Однако часто мы о семъ унываемъ, безпокоимся, мятемся, а не рѣдко жалуемся и ропщемъ.

Когда ощутительная благодать укрѣпляетъ насъ, когда отъ служенія Богу нѣкоторую пріятность чувствуемъ мы въ сердцѣ своемъ, когда какъ медъ услаждаютъ насъ Вѣра и благочестіе; тогда мы идемъ бодро и прямо въ предняя. Но напротивъ какъ скоро небо помрачится, солнце затмится; тогда бурнымъ нещастіемъ по-

(*) II. Кор. XII. 10.

пораженныя сердца наши, ничего добраго сдѣлать не могутъ и мы останавливаемся, препинаемся, заблуждаемъ опасно; молитвы презираемъ, о благотвореніи нерадимъ; а чрезъ сіе удаляя благодать, теряемъ всѣ заслуги. И такъ, что намъ должно, сожалѣя о семъ, выполнить, дабы щастливо воспользоваться искушеніями и сдѣлать ихъ спасительными?

Вотъ достойнѣйшія расположенія нашихъ нещастій. 1 е. Должно со смиреніемъ признаваться предъ Богомъ, что мы ихъ заслужили, и навлекли на себя еще мало, нежели сколько прегрѣшенія наши велики. *Согрѣшихъ отче на небо и предъ Тобою* (*). 2 е. Чѣмъ мы нещастнѣе, тѣмъ ревностнѣе должны прибѣгать къ Богу: ибо Онъ токмо, его же убиваетъ, жити творитъ. 3 е. Сколькобъ мы ни страдали, бодрости и упованія своего терять не должны, зная, что чѣмъ долѣе Богъ насъ наказуетъ, тѣмъ ближе къ намъ бываетъ, нежели прежде. 4 е. Когда страждемъ, тогда удвоять должны ревность свою ко благочестію: ибо должно ли бросать оружіе, когда сраженіе опасно? 5 е. Во всѣхъ видахъ искушеній намъ должно при-

---

(*) Лук. XV. 18.

прибѣгать ко Іисусу Христу и Его примѣромъ страданій одушевляться. Чего онъ не понесъ бывъ праведенъ, а мы и малыхъ огорченій, бывъ весьма беззаконны, понести не хощемъ? Наконецъ неизвѣстно ли, что какъ за ведромъ ненастья, такъ за ненастьемъ вскорѣ ведра ожидать слѣдуетъ. Послѣ зимы весна, послѣ бури тишина, послѣ мрака свѣтъ, послѣ сраженія миръ обыкновенно наступаютъ.

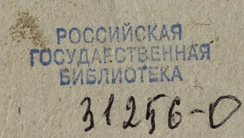
Тако вси святые были искушаемы. Всѣ они шествуя по пути усѣянному терніемъ, иногда орошали его своими слезами, иногда кровію; чтобъ достичь обѣтованныя земли, надлежитъ прейти пустыню и испытать всякую нужду. Да и что для души нашей спасительнѣе, время благополучное, или не благополучное? На сіе скажемъ первѣе, что все то для насъ спасительно, что Богъ посылаетъ, и что мы употребляемъ во благо. За симъ надобно признаться, что нещастія мы менѣе должны страшиться, нежели щастія: ибо въ нещастіи мы болѣе заслугъ оказать можемъ, а въ щастіи большимъ подлежимъ опасностямъ.

Въ прочемъ предоставимъ все воли Божіей; Ему вручимъ свой жребій; естьли Онъ насъ посѣщаетъ миромъ и

веселїемъ, прїимемъ съ благодарностїю; естьли же удѣляетъ намъ часть горести чаши своея; прїимемъ ее рукою нетрепетною и испїемъ съ духомъ твердымъ. Будемъ вѣрны въ разсужденїи Его благодати; предадимся Его Промыслу во всѣхъ обстоятельствахъ; кромѣ благоволенїя и щедроты ничего не должно ожидать намъ отъ милосердїя Его; Онъ знаетъ путь, которымъ мы должны итти къ предѣлу нашего блаженства. Намъ только должно безъ препинанїя Ему послѣдовать. Естьли путь труденъ: то сладостнѣе будетъ награда.

Конецъ третьей и послѣдней части.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
31256-0

